

ИСТОРИЯ HISTORY

Азаренков А.А., Азаренкова Н.Н.
Azarenkov A.A., Azarenkova N.N.

**АМЕРИКАНСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – СССР.
ЭПОХА «ПРОСПЕРИТИ», 1922 – 1928**

**AMERICAN FOREIGN POLICY PRIORITIES IN THE FAR-EAST REGION AND THE
SOVIET RUSSIA/USSR. THE AGE OF “PROSPERITY”, 1922 – 1928**



Азаренков Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры истории Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (Россия, Биробиджан), 679015, Еврейская АО, Биробиджан, ул. Широкая, д. 70а, ДВГСГА, (42622) 4-76-37, (42622) 4-63-69.

E-mail: ron-rey63@mail.ru

Mr. Alexander A. Azarenkov – PhD in History, Associate Professor, the Chair of History at the Far-Eastern State Social Humanitarian Academy (Russia, Birobidzhan), 679015 Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, 70a Shirokaya street, DVGSGA, tel.: (42622) 47637, (42622) 46369, e-mail: **ron-rey63@mail.ru**



Азаренкова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681035, Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, 56 – 9, 8-4217-54-44-52.

E-mail: nna_65@mail.ru

Ms. Natalia N. Azarenkova – senior lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 56 Pionerskaya St., off. 9, tel.: (8-4217) 544452, e-mail: **nna_65@mail.ru**.

Аннотация. Проанализированы причины неустойчивости созданного на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов механизма регулирования регионального порядка. Статичную «вашингтонскую систему» «взорвала» большевистская Россия, казалось, превратившаяся в годы революционной смуты в пространственно фрагментированный «фантом». С возвращением Москвы на Дальний Восток континентальная политика региональных держав – Соединённых Штатов и Японии – больше не могла продолжать игнорировать фактор набирающего мощь третьего регионального лидера – Советского Союза. Несмотря на это, Соединённые Штаты в эпоху «процветания» своей экономики пытались проводить принципы так называемого «изоляционизма», нацеленные на сохранение «статус-кво», и не замечать меняющуюся реальность.

Summary: The article gives analysis of the reasons for the unsteadiness of regulation and government mechanisms in the region that were established in the Far East in early 1920s. The static “Washington system” exploded with the advent of the Bolshevik Russia, which seemed to have transformed into a spatially fragmented “phantom” during the years of revolutionary stir. With Moscow coming back to the Far East, the continental policy of regional leader-states – USA and Japan – couldn’t simply carry on neglecting the factor of the third Regional leader – the Soviet Union, which meanwhile was growing ever stronger. In spite of this fact, the USA in their epoch of “economic prosperity” firmly stuck to the so called “isolationism” aimed at preserving the ‘status quo’ and not taking notice of changing reality.

Key-words: isolationism, "buffer", "Washington order", diplomacy, the Far East, the USA, bolshevist regime, historiography, regional policy, "prosperity".

Keywords: isolationism, "buffer", "Washington order", diplomacy, the Far East, the USA, bolshevist regime, historiography, regional policy, "prosperity".

УДК 94: 94(47).

Революционная смута и сопровождавший её распад имперской государственности резко ослабили позиции России в раскладе сил с сопредельными державами на Дальнем Востоке. Затянувшаяся междоусобица, многовластие и локализм при активных попытках вмешательства извне привели к настоящему геополитическому «обвалу». В какой-то момент бывший имперский центр вовсе перестал контролировать свои традиционные сферы влияния в регионе, по существу отказавшись от механизмов активной внешней политики и уступив их другим державам – Японии, США и, отчасти, Великобритании. Россия как государство оказалась перед реальной опасностью надолго (возможно, что и навсегда) потерять даже собственные дальневосточные территории.

В начале 1920-х годов острое соперничество двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США – сделало возможной активную «игру на противоречиях» между этими державами, в которую через искусственное марионеточное государство–«буфер» попытались включиться большевики, чтобы «отыграть назад» утраченные позиции. «Игра» на «межимпериалистических противоречиях», сделавшаяся излюбленной стратегемой большевистской дипломатии практически до конца существования СССР, преподносилась под идеологическим «соусом», хотя по существу имела глобальный, геополитический характер.

Следует отметить, что идея стратегического союза с Россией (пусть даже большевистской) против Японии начала прорабатываться с начала 1920-х годов прежде всего среди американских военных, глубоко разочарованных в результатах вильсоновского антибольшевистского «интервенционизма» [1]. Немало сторонников она имела среди командного состава ВМФ США, небезосновательно опасавшихся резкого усиления позиций Японии после неизбежного военного «ухода» Америки из региона [2].

Провозглашённый «де-юре» в апреле 1920 г. и утвердившийся «де-факто» к концу того же года целиком подконтрольный Москве, но формально выдаваемый за вполне независимый, демократический и рыночно-буржуазный «буфер» создавал внешне привлекательные условия для бизнеса и снимал важное идеологическое препятствие, делая возможным подключение американской дипломатии к противодействию японской экспансии на Дальнем Востоке. Посредством «буферного» прикрытия и Вашингтон, и Токио могли «разговаривать» с Москвой, не «поступаясь принципами». Москва делала то же самое, сохраняя идеологическую «стерильность» и не обременяя себя конкретными обязательствами. При необходимости и в нужный момент большевистский режим мог легко отказаться от уступок, принятых на себя властями «буфера».

Конечно, скрыть всю эту тактику «тройного коня» (термин этот применительно к Дальневосточной республике первым использовал В.Э. Молодяков [3]) было невозможно. И японцы, и американцы понимали, с кем и с чем они имеют дело, но соглашались делать вид, что желают быть обманутыми и играть в предложенную Москвой игру, разумеется, в собственных интересах, через торг с властями «буфера» за разного рода гарантии, компенсации и экономические уступки. Тот, кто хотел убедиться в легитимности дальневосточной «буферной» демократии, остался вполне доволен. Расчёт строителей «буфера» – большевиков – на демократическое прикрытие – многопартийность, всеобщие выборы и парламент, призванные нейтрализовать обвинения в прокоммунистическом характере государства–«буфера», оказался верным, хотя и лишь отчасти.

В то же время, несмотря на «буфер», официальный Вашингтон (в отличие от Токио) продолжал блюсти максимальную осторожность и шёл лишь на неформальные контакты, предпочитая особенно не афишировать свою связь даже со «скрытыми» большевиками – властями «буфера». На вопрос об отношении его администрации к продолжению японского



присутствия в регионе американский дипломат Смит выразился вполне определённо: «Если "буфер" будет чисто коммунистический, что опасно для дальневосточных стран, то Америка не вмешается. Если же "буфер" будет демократический, то Америка не только не позволит оккупировать, а будет стремиться к экономическому возрождению края...» [4]. Нужно учитывать, что позиции Москвы в регионе тогда оставались уязвимыми, а перспективы большевистского режима в России в целом выглядели не слишком оптимистично.

С другой стороны, невзирая на создание «буфера», задержка эвакуации японских войск с российской территории недвусмысленно указывала на планы будущей экспансии Японии, что беспокоило влиятельный в то время военный истеблишмент США. Не только военные, но и Госдепартамент сомневались в надёжности Японии как партнёра для поддержания формируемой Соединёнными Штатами системы равновесия сил в Восточной Азии и не желали безучастно наблюдать, как Япония медленно, но верно продвигается к установлению протектората над частью российского Дальнего Востока [5].

Таким образом, задача американской внешней политики по блокированию японской экспансии объективно совпадала с интересами большевиков, в свою очередь обеспокоенных перспективой развёртывания масштабной войны на Дальнем Востоке. И для Москвы, и для Вашингтона главным противником в регионе однозначно являлась Япония.

Без сомнения, в Соединённых Штатах не рассматривали большевиков в качестве надёжного и долгосрочного союзника против Японии. Больше того, влиятельные политические силы Америки просто не принимали их всерьёз. Американская сторона сводила свой расчёт к достижению вполне прагматичных дивидендов. Московская власть ещё была слишком слаба, тем более на Дальнем Востоке, чтобы можно было рассчитывать на неё как на силовой фактор в блокировании японского влияния. Скорее всего, Соединённые Штаты попытались «задействовать» Москву лишь как один из «запасных» вариантов с целью превентивной активизации российской континентальной массы и её ресурсов на борьбу с японской опасностью. Суть «нового курса» Америки в отношении России (если вообще можно говорить о «курсе» как таковом) состояла в том, чтобы в дальнейшем воздерживаться от вмешательства в её дела, дать ей самоопределиваться, по возможности взаимодействуя с большевистским режимом только на антияпонской основе. Основным же вариантом американской политики являлось, без сомнения, дипломатическое и финансовое давление на европейских союзников, считавших японское «хозяйничание» на Дальнем Востоке России не задевающим их собственных сфер влияния, а также нажим непосредственно на Японию, пока не готовую к открытой конфронтации с США.

Стоит отметить, что роль стратегов и офицеров военного флота в определении американской внешней политики после завершения мировой войны всё ещё была важной, хотя и быстро падала. Основной задачей военно-морского лобби было сохранить и впредь преобладающее влияние на политическое руководство США. Главным противником военных здесь выступал американский бизнес, заинтересованный в скорейшей экономической «утилизации» ёмких дальневосточных рынков, прежде всего китайского и японского. Капитал торопил политиков, нуждаясь в компромиссе с Японией и создании стабильной обстановки для масштабной американской экономической экспансии, особенно в Китае.

Пока обстановка оставалась неопределённой, американский бизнес занимался зондажем возможностей для концессионной деятельности и на территории «буферной» ДВР (особенно активно с середины 1921 г.). Но, кроме разве что наиболее рискованных пионеров-одиночек, до окончательной политической стабилизации в этой части России вкладывать деньги сюда американцы всё же поостереглись. А когда с японской эвакуацией из Приморья масштабная «экономическая интервенция» Америки, наконец, сделалась возможной, было слишком поздно. К моменту завершения Вашингтонской конференции американский капи-

тал хлынул в Японию и Китай. Эти два рынка оказались столь ёмкими, что полностью поглотили свободные финансовые активы компаний Западного побережья и Уолл-стрита. Что в обозримой перспективе девальвировало привлекательность ресурсов российского Дальнего Востока для заокеанских инвесторов.

Впрочем, есть сомнения в том, насколько серьёзные американские компании изначально были готовы вести дела с Россией. И дело здесь вовсе не в большевиках, а в отсутствии коммерческого интереса к «русским делам» у «серьёзных людей» Америки. Даже до российской смуты, когда единственным (хотя и принципиальным для американской стороны) препятствием в сотрудничестве с Россией был так называемый «еврейский вопрос», её доля в общем внешнеторговом обороте США составляла всего-навсего 3 % [6]. Учитывая это обстоятельство, вполне допустимо предположить, что на деле рассчитывать на реальную помощь американского бизнеса, не говоря уже о каких-то шагах официальных властей навстречу России, большевикам всё же не приходилось. Во все не случайно стремление к торговле и инвестициям в большевистскую Россию в основном выказывали лица авантюрного типа, склонные к лёгкой наживе. Часто они просто не имели «за душой» ничего, кроме громких прожектов. Другие дельцы уже «прогорели» у себя дома и естественным образом искали выхода из проблем с законом там, где закон отсутствовал вовсе – в России [7].

Следует констатировать и то, что поддержка «де-факто» против Японии из Вашингтона вряд ли была для Москвы слишком ощутимой, по крайней мере, в той степени, в какой на это могли рассчитывать сами большевики. В то же время для начала 1920-х гг. весьма деликатная тактика дипломатической «игры на противоречиях» США и Японии являлась едва ли не единственно возможным для Москвы способом «выдавливания» Японии с российского Дальнего Востока. Имея столь ограниченное пространство для маневра, большевики, будучи самым слабым в тогдашних условиях «игроком», тем не менее, заняли оптимально возможную в той ситуации активную позицию, добиваясь в качестве приоритетной задачи ликвидации японской интервенции и максимально быстрого заполнения открывавшихся возможностей к восстановлению позиций России как региональной державы.

Между тем, усиление давления со стороны держав во главе с США на Японию и падение популярности поддерживаемых последней группировок русских коллаборантов в регионе способствовали тому, что уже один только временной фактор, даже бездеятельное ожидание повышали шансы Москвы вновь расширить границы своего влияния до берегов Тихого океана.

Итоги Вашингтонской конференции по морским вооружениям и дальневосточным региональным проблемам (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) были по-своему неожиданными. Они стали свидетельством не столько временного триумфа Америки над Японией, сколько победы американского бизнеса над американскими военными. Наступала так называемая эпоха «просперити» (1922 – 1928 гг.) – время экономического бума в США, сделавшегося возможным благодаря невиданной прежде американской деловой активности на мировых рынках, в особенности дальневосточном. Эта активность поощрялась политикой так называемого «изоляционизма» республиканских администраций Уоррена Гардинга (1921 – 1923 гг.) и Кальвина Кулиджа (1923 – 1924 гг. и 1925 – 1928 гг.).

Символом тесного альянса бизнеса и политики стал Герберт Кларк Гувер (1874 – 1972), в 1921 – 1928 гг. бессменно занимавший ключевой в этом альянсе пост министра торговли США. Преуспевающий крупный бизнес эры «просперити» окрестил его «великим организатором» американской экономики, обеспечив выдвигание Гувера летом 1928 г. кандидатом от республиканской партии в президенты США. «Звёздный час» Г. Гувера пробил в том же году: он одержал победу на президентских выборах с внушительным отрывом от соперника. В марте 1929 г. гуверовская администрация вступила в Белый дом [8].



Большевистская дипломатия в 1922 г. (а в последующем и советская историография) излишне оптимистично (и совершенно искажённо) восприняла результаты Вашингтонской конференции. Они «подавались» как свидетельство резкого обострения «межимпериалистических» противоречий между США и Японией. Утверждалось, что именно Вашингтонская система заложила основу для последующего военного столкновения между Японией и США.

Историографическая традиция оказалась столь живуча, что и поныне господствует унаследованное с советских времён мнение о том, что подписанный 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне «договор пяти держав» об ограничении морских вооружений установил выгодное для США и неприемлемое для их главной соперницы соотношение морских сил, которое Япония приняла лишь вынужденно [9]. Авторитетный специалист по геополитике и «антиатлантист» по ориентации Карл Хаусхофер, «подогревая» японские амбиции к экспансии в тихоокеанском бассейне, в своё время тоже заявлял, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии [10].

В то же самое время американская, да и в целом западная историография на основе анализа документов из американских архивов, напротив, оценивала период американо-японских отношений, начиная с 1922 г. (и, по меньшей мере, до 1924 г. включительно), едва ли не как их «медовый месяц» – время «расцвета» экономического сотрудничества между США и Японией [11].

Справедливости ради необходимо отметить, что заключённый в Вашингтоне договор о политических и территориальных гарантиях для поддержания нового регионального порядка (так называемый «договор четырёх держав») подписывался сроком на 10 лет, определяя предельную границу жизнеспособности «вашингтонской системы» началом 1930-х гг. [12]. Фактически это был региональный пакт 10-летней стабильности, создававший в «ближней» перспективе политико-правовую основу и механизм для регулирования глобального порядка в Восточной Азии, нацеленного на сохранение «статус-кво» – уже сложившихся геополитических реалий. Традиционная «блоковая» политика, провоцирующая недоверие между державами и скомпрометированная своей неэффективностью, приведшей в итоге к мировой войне, отбрасывалась как «устаревшая». Принятые ограничения тоннажа флотов США, Японии и Британии завершали эпоху, когда последняя неоспоримо являлась ведущей морской державой, а значит, делали неосуществимыми надежды Японии на возможность использования стратегического альянса с ней в качестве «противоядия» американским усилиям заблокировать японскую экспансию на континенте, дабы лишить Японию стратегического сырья.

Создание многосторонней основы международного регулирования в регионе оформляло принцип партнёрства великих держав на основе коллективных гарантий, что и должно было создать гораздо более надёжную, нежели «блоковая» система, основу для устойчивости региональной подсистемы. Таким образом, Запад и, в частности, США в теории получали коллективный инструмент воздействия на политику Токио, который должен был помешать возможному превращению Японии в экспансионистскую державу.

При всех противоречивых историографических оценках «вашингтонской системы» всё же вряд ли справедливо утверждение, что она, «унижая» Японию, изначально сама по себе создавала конфликтный потенциал, чреватый войной на Тихом океане. Наоборот, это был, пожалуй, единственно возможный в тогдашних условиях механизм, способный нейтрализовать японо-американские противоречия. Другое дело, что такой механизм в «дальней» перспективе оказался не слишком эффективен. Впрочем, он, как отмечалось выше, и не был на эту перспективу рассчитан.

Гораздо более «артикулированная», чем прежде, антияпонская позиция США и держав в Вашингтоне в значительной мере предопределила ужесточение линии московской ди-

пломатии на переговорах с Японией об условиях японской эвакуации с территории российского Дальнего Востока и дальнейших перспективах советско-японских отношений.

Результаты конференции в полной мере оправдали ожидания большевистского руководства, хотя, как известно, официально РСФСР (и её сателлита – «буферную» ДВР), в Вашингтон не пригласили. Реакция Москвы на решения конференции последовала незамедлительно. Москва требовала от Японии предварительного признания, а лишь затем соглашалась на переговоры по экономическим вопросам, причём без гарантии каких-либо преференций. Любые переговоры с сопредельными государствами, имевшими экономические интересы на Дальнем Востоке, теперь велись только в увязке с дипломатическим признанием большевистского режима.

А 30 декабря того же года большевики декларировали образование Советского Союза, собранного из осколков бывшей Российской империи. Это был не просто формальный акт рождения новой империи. Принципиально изменилось также и содержание: возникла новая геополитическая данность. Отныне любая региональная политика, будь то японская или американская, могла базироваться или на признании и сотрудничестве, или на соперничестве и конфронтации с СССР. Иначе говоря, более просто игнорировать фактор новой России как очевидной реальности, а не некоего прежнего пространственно неопределённого «изгоя» становилось невозможно.

Тем не менее, рождение СССР адекватно восприняли далеко не сразу и не все державы. Решая задачу восстановления своих пространственных позиций, большевистский режим нуждался в формализации нового статуса, форсируя процесс своего официального признания со стороны как Соединённых Штатов, так и Японии. Что касается последней, то это знаковое событие произошло 20 января 1925 г., когда после трудных переговоров две державы подписали в Пекине Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, закладывавшую базу долгосрочных связей между двумя странами, в том числе последующего соглашения о японских концессиях на территории советского Дальнего Востока. Японцы хотели быть и стали первыми, кто в полном смысле «прорвался» в регион. Они мыслили вполне прагматично: если захватить российский Дальний Восток не удалось силой, нужно «утилизировать» его через экономическую активность японского капитала. Тем более, что в эти же годы США активно и напористо вытесняли Японию с китайского экономического пространства, тем самым вольно или невольно «подталкивая» её в советские «объятия» [13].

С Соединёнными Штатами вышло иначе. Решения Вашингтонской конференции, нацеленные на сохранение статус-кво в регионе, фактически игнорировали большевистскую Россию (затем и СССР) как региональную державу и равноправного участника «вашигтонского порядка», превращая её (вместе с тогда пространственно «фантомным» Китаем) в «изгоя» дальневосточной политики, поскольку исключали эту же геополитическую реальность и её набирающую ускорение динамику.

Столь неестественная для «разорванного» продолжительной российской смутой евразийского пространства ситуация, согласно замыслу вашингтонских «архитекторов», должна была «законсервироваться» как минимум на целое десятилетие [14]. «Уход» Японии с российской территории значительно снизил интерес Америки к русским делам, и оптимистичные надежды Москвы на динамику в отношениях двух стран и скорое признание «де-юре» своего нового регионального статуса со стороны США не оправдались. Администрации республиканцев, изолируя СССР, предпочли «не замечать» его интересы на Дальнем Востоке, по сути «замораживая» его потенциальные возможности как самостоятельного игрока и «исключая» их из силового баланса в регионе. Подобная политика, как бы её не называли искусшённые американские дипломаты Дж.Ф. Кеннан («умеренность и терпение»), Р. Лэнсинг («наблюдение и выжидание»), Б. Колби («непризнание»), всё же слишком долго конструиро-



вала искусственную реальность, чтобы продолжать оставаться реалистичной [15]. Создав «вашингтонский порядок», Соединённые Штаты обратились к внешнеполитическому изоляционизму. Их интерес к региону оказался узконаправленным, утилитарным и пассивным. Это и есть три основные характеристики дальневосточного изоляционизма.

В этой связи было бы уместно ретроспективно рассмотреть основные критические интерпретации политики изоляционизма в регионе в 1920-е годы американскими исследователями.

Авторитетный исследователь У. Коэн называл изоляционизм «старомодной доктриной», которая доминировала и, возможно, была оправдана в отношении европейской политики, но её трудно было применить к Азии, учитывая «фантастические экономические возможности этого региона» [16].

Исследователи С. Адлер, Р. Бьюхайт и Л. Эллис отмечали противоречивость природы дальневосточного изоляционизма времени «процветания», критически оценивая антикоммунистические взгляды так называемых «изоляционистов-консерваторов» (например, сенатора Лоджа). К числу приверженцев сходных взглядов они относили также и президентов Соединённых Штатов Гардинга, Кулиджа, Гувера. В то же время перечисленные историки одобряли идеи так называемых «изоляционистов-демократов» (сенаторы Бора, Лафоллет), которые выступали за сближение с Советским Союзом и сотрудничество с ним в разрешении дальневосточных проблем на основе ликвидации полукOLONиального положения Китая.

Р. Бьюхайт комментировал острую борьбу в госдепартаменте США между либералами и консерваторами. По его мнению, Н. Джонсон (глава дальневосточного отдела госдепартамента в 1925 – 1928 гг.) был сторонником сепаратного курса США на Дальнем Востоке, поскольку считал, что европейские державы и Япония «срывали вашингтонские договоры с момента их заключения и толкали Америку на путь совместной с ними вооружённой интервенции против китайской революции». Хотя Джонсон принадлежал к дипломатам так называемой «старой школы», исповедовавшим изоляционистский принцип невмешательства во внутренние дела других государств, он был «реалистом» в том смысле, что был готов «пойти дальше» решений Вашингтонской конференции ради распространения «американских ценностей» в Восточной Азии и, несмотря на изоляционизм, добивался «свободы рук» в этом регионе ради интересов крупного бизнеса. В этой связи Джонсон критиковал изоляционистов-консерваторов вроде посла США в Китае Мак-Мюррея: последний отстаивал статус-кво на Дальнем Востоке, определённый вашингтонскими договорами. Точка зрения Джонсона возобладала в госдепартаменте и повлияла на позицию государственного секретаря США Келлога. После шанхайских событий 30 мая 1925 г., которые положили начало китайской революции, США стали проводить по отношению к Китаю «политику уступок», выразившуюся в том, что они взяли на себя инициативу по пересмотру договоров и отказались от идеи совместной с Великобританией вооружённой интервенции против Китая. Приход к власти в Китае гоминьдановского режима Чан Кайши окончательно определил «сепаратный курс» китайской политики США, делает вывод Бьюхайт [17].

В статье «Китай и Япония: вызов и выбор 20-х гг.» В. Уильямс противопоставлял недальновидному, с его точки зрения, курсу администрации Кулиджа в отношении китайской революции 1925 – 1927 гг. оппозицию в Сенате в лице Бора и Х. Джонсона, американского посла в Японии Р. Морриса и бывшего советника по экономическим вопросам в правительстве Вудро Вильсона Н. Дэвиса. Эти политики считали, что вашингтонские договоры развязали Японии «свободу рук» в Азии. Столкнувшись с «вызовом» со стороны «китайских националистов», писал Уильямс, администрация встала перед выбором: продолжать сотрудничество с другими державами (включая Японию) в решении китайского вопроса на основе системы вашингтонских договоров, или отказаться от договора четырёх и договора девяти

держав и проводить на Дальнем Востоке сепаратный курс. В частности, сенатор Бора выступал за сотрудничество с СССР в китайском вопросе. Успех, по его мнению, зависел от согласия Соединённых Штатов поддержать «союз коммунистов и Гоминьдана в Китае». Это, в свою очередь, позволило бы «использовать Москву в качестве противовеса Токио», заставив Японию вывести войска из Китая. Любопытно, что, по мнению В. Уильямса, госсекретарь Келлог склонен был поддержать Бору, отказавшись в своем заявлении 27 января 1927 г. от сотрудничества с Японией в китайском вопросе. Симпатии американской общественности и конгресса, по его мнению, также были на стороне Бору. Большинство конгрессменов сделали шаг в этом направлении, одоблив резолюцию члена палаты представителей Портера о пересмотре неравноправных договоров с Китаем [18]. Тем не менее, администрация Кулиджа всё же пошла на сотрудничество с Японией, выполняя решения Вашингтонской конференции по китайскому вопросу. Американские государственные деятели были убеждены, что лучший путь для осуществления политики «открытых дверей» на Дальнем Востоке – сотрудничество с европейскими державами и Японией под руководством США на базе борьбы с подталкиваемым СССР (Коминтерном) революционным движением в Азии [19].

Изоляционизм истеблишмента «подпитывался» и изоляционизмом масс. В Америке 1920-х развернулось мощное пацифистское движение в форме «раздражительного изоляционизма». В период с 1914 по 1941 гг. в стране состоялось несколько так называемых «антивоенных референдумов». К примеру, историк Де Бенедетти доказывал, что пакт Бриана-Келлога – результат, главным образом, деятельности американских пацифистов и либералов 1920-х гг. Книга Л. Рисельбаха об изоляционистах в конгрессе, анализ религиозной прессы в трудах Х. Джозефсона, характеристика деятельности изоляционистской организации «Америка прежде всего» в книге Стейнжема, труды В. Коэна, Е. Мэя, Л. Голфэнда, У. Коули, А. Рочера, Р. Леверинга о влиянии общественного мнения США на формирование американской внешней политики в 1920-е годы – всё это свидетельствовало о жёстком «изоляционизме снизу» [20]. С. Бейли сравнивал изоляционизм американского народа со «страусом, который засунул голову в песок». Именно изоляционизм масс, по его мнению, ответственен за срыв доктрины «открытых дверей» в Китае [21].

В любом случае, дальневосточный изоляционизм оказался более жёстким, поскольку, отмечал историк Р. Дивайн, Соединённые Штаты в межвоенный период считались «атлантической державой», что едва ли не автоматически ставило их азиатскую политику, в частности, в Китае, в подчинённое положение к латиноамериканской и европейской [22].

Некоторые американские исследователи объясняли изоляционизм США на Дальнем Востоке также отсутствием «национальных интересов» в этом регионе, ссылаясь при этом на различие культур между Востоком и Западом, на Тихий океан как барьер. В частности, Ньюмен писал, что лидеры США отрицали наличие «приоритетов национальной политики» в Азии, а общественность, пресса, Институт Тихоокеанских отношений не способны были определить эти «приоритеты», так же, как и дипломатический корпус США на Дальнем Востоке. Парадоксально, но, в то же самое время, американские посольства в Пекине и Токио значительно превосходили по численности дипломатические представительства США в Лондоне и Париже [23].

Историк П. Клайд ещё более критично оценивал изоляционизм, называя его особого рода «бедствием», влиявшим на выработку дальневосточной политики США в 1920-е гг. Он указывал на отсутствие осознаваемых «жизненных интересов» США в регионе этого времени, о чём, по его мнению, свидетельствовало то, что ответом на развитие революционного движения со стороны США стала «пассивная политика принципов». Клайд объяснял это тем, что в США в 1920-е гг. отсутствовали центры по изучению дальневосточного региона, между Востоком и Западом существовал языковой барьер, а на государственных деятелей дейст-



вовала «философия благожелательного оптимизма», опиравшаяся на «сентиментальные представления о том, что Китай воспримет американский образ жизни посредством христианизации этой страны, без активного вмешательства военных и дипломатов» [24].

На государственных лидеров Америки, по мнению некоторых американских историков, влияла и расистская философия о «жёлтой угрозе» со стороны Азии, что породило анти-японские настроения в США, привело к обострению американо-японских противоречий на Дальнем Востоке, но отнюдь не способствовало обеспечению «баланса сил» в этом регионе. В результате политика Соединённых Штатов на Дальнем Востоке изначально являлась «двусмысленной и противоречивой», а правящие круги Вашингтона оказались не способны определить те интересы, которые бы оправдали участие США в войне на Тихом океане [25].

Таким образом, по совокупности причин «вашингтонский порядок» обнаружил изначальную хрупкость. Американский изоляционизм свёлся к «пассивной политике принципов», основанной, в свою очередь, на доктрине «открытых дверей». За «хрупкостью» этой политики на рубеже 1920 – 1930-х годов последовал её кризис, а в последующие два-три года и развал «порядка». Не столько попыткой наверстать упущенное, сколько признанием свершившегося факта стало признание «де-юре» и установление дипломатических отношений СССР и США в ноябре 1933 г. Влияние военных на американскую политику снова начало расти. Одновременно завершилась «эпоха процветания» в США, а экономическая депрессия вызвала упадок внешней торговли. Стремительно росли угрозы, связанные с активизацией японской экспансии в Китае.

И США, и СССР рассчитывали взаимно заручиться поддержкой друг друга. И уже не просто в «сдерживании» амбиций Японии: противоречия между Японией и США, с одной стороны, и между Японией и СССР, – с другой, – становились столь острыми, что могли разрешиться силовым столкновением. Понимание нарастания угрозы войны объективно включало отпор возможной японской агрессии в сферу актуальной политики как Москвы, так и Вашингтона, делая Токио их вероятным общим врагом. Это подталкивало к поиску механизмов формирования антияпонского стратегического альянса. Удивительно, но показательно, что в данном случае именно военные, а не дипломаты (как обычно бывает) инициировали процесс сближения двух стран, включая даже решение об установлении официальных отношений. Причём это были военные одновременно обеих стран [26].

Официальное признание Советского Союза сначала Японией, а затем и США «формализировало» за ним статус третьего регионального лидера, с которым как с равным партнёром соглашались считаться две другие региональные державы. Статичный «вашингтонский порядок», испытавший удары от японской агрессии в Китае в сентябре 1931 г. и в начале 1932 г., провозглашения «буферного» государства «Маньчжоу-го» в марте 1932 г. и полной аннексии Маньчжурии к концу того же года, продержавшись точно отведённое ему десятилетие, рухнул окончательно [27]. Последующий 1933 год можно с полным основанием считать рубежом восстановления утраченных Россией ровно на полтора десятилетия геополитических позиций в дальневосточном регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обстоятельный анализ «русской политики» президента США В. Вильсона и противоречивые итоги «странной» интервенции Америки в России подробно проанализированы в сравнительно «свежей» монографии американских историков см.: Дэвис, Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. [1913-1921 гг.] : пер. с англ. – М. : Олма-Пресс, 2002. – 477 с.

Азаренков А. А., Азаренкова Н. Н.

АМЕРИКАНСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ
И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – СССР. ЭПОХА «ПРОСПЕРИТИ», 1922 – 1928

2. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
3. Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929): Историческое исследование / В. Э. Молодяков. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – С. 182. Монография известного российского историка представляет собой наиболее глубокий и, насколько это вообще возможно, беспристрастный анализ зигзагов поведения Японии в отношении России в 1920-е гг., а также зачастую принципиальнейших различий в подходах самих японских политиков к «русскому вопросу».
4. Сводка осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 января 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 30.
5. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны... / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1.shtml.
6. См.: Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы от 16 февраля 1922 г. № 25 // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 6. Кн. 1 – 1922 г. – М., 1999. – С. 79.
7. Подробнее об американских концессиях на Дальнем Востоке России см. : Марьясова, Н. В. Американские предприниматели-концессионеры на Дальнем Востоке в 1920-е годы / Н. В. Марьясова // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 5. – С. 92-100; Марьясова, Н. В. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20-30-е годы / Н. В. Марьясова // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч. конф. (доклады и сообщения), 18-20 июня 1996 г. – Владивосток, 1997. – С. 152-159; Марьясова, Н. В. История золотопромышленной концессии Д. Винта / Н. В. Марьясова // Съезд сведущих людей Дальнего Востока : материалы науч.-практ. историко-краеведческой конф. посвящённой 100-летию Хабаровского краеведческого музея. – Хабаровск, 1994. – С. 154-156; Марьясова, Н. В. Организация концессионной политики и практики в условиях ДВР / Н. В. Марьясова // Из истории Дальневосточной республики : сб. науч. тр. – Владивосток, 1992. – С. 121-135; Мухачёв, Б. И. В.И. Ленин и Северо-Восток в период образования и деятельности Дальневосточной республики / Б. И. Мухачёв // В.И. Ленин и Дальневосточная республика : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Крушанова. – Владивосток, 1985. – С. 112-128; Попов, В. Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922-1944 гг.) / В. Г. Попов // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России : сб. науч. тр. – Владивосток, 1994. – С. 117-121; Сараджан, Г. С. Дальневосточная республика и США / Г. С. Сараджан // Из истории Дальневосточной республики : сб. науч. тр. – Владивосток, 1992. – С. 135-143; Флёров, В. С. Политика в отношении частного капитала на Дальнем Востоке (1922-1925 гг.) / В. С. Флёров // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. – Томск, 1972. – Вып. VII. – С. 152-166 и др.
8. О гуманитарной стороне организационного таланта Г. Гувера см. текст : Азаренков, А. А. АРА и контакты большевистского режима с США / А. А. Азаренков; Н. Н. Азаренкова // Человек, общество и культура: проблемы исторического развития : материалы науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КнАГТУ», 2005. – Ч. II. – С. 3-8.
9. См., например: Дипломатический словарь. В 3 т. Т. 1 / гл. ред. А.А. Громыко. – 4-е изд. – М. : Наука, 1984. – С. 174.
10. Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929): Историческое исследование / В. Э. Молодяков. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – С. 181.
11. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p4.shtml.
12. Системная история международных отношений. 1918-2000. В 4 т. Т. 1: 1918-1945 / ред. А. Д. Богатуров. – М. : Московский рабочий, 2000. – С. 145.
13. Занимательный дискурс о деталях переговоров, их формальных и неформальных участниках, реализованных и несбывшихся перспективах советско-японских отношений в обстоятельной монографии известного российского япониста В.Э. Молодякова. См.: Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров... – С. 197-269.



14. Подробнее о Вашингтонской конференции и последствиях создания «вашингтонского порядка» в регионе см. : Системная история международных отношений ... – Т. 1: 1918-1945. – С. 143-150.
 15. Дэвис, Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. [1913-1921 гг.] : пер. с англ. – М. : Олма-Пресс, 2002. – С. 394.
 16. Cohen, W. The Chinese Connection / Roger, S. Greene; Thomas, W. Lamont and George, S. Sokolsky. American-East Asian Relations. N.Y., 1978. – P. 364.
 17. Buhite, R. Nelson Johnson and American Policy Toward China, 1925-1928 // Pacific historical review. November. 1966. n. 4. – P. 451-467.
 18. Williams, W. China and Japan: A Challenge and a choice of the 1920's // Pacific historical review. Aug. 1957. - P. 259-279.
 19. Williams, W. The Tragedy of American Diplomacy. N.Y., 1962. – P. 125.
 20. Hart, R. The eccentric tradition: American Diplomacy in the Far East. N.Y., 1976. – P. 3.
 21. Bailey, Th. The man in the street. The impact of American public opinion on foreign policy. N.Y., 1948. – Pp. 249, 289.
 22. Pacific historical review. Aug. 1972. n. 3. – P. 399.
 23. Neumann, W. Ambiguity and Ambivalence in Ideas of National Interest in Asia // Isolation and Security. – P. 133-158.
 24. Clyde, P. Historical Reflections on American Relations with the Far East // The South Atlantic Quarterly. Autumn. 1962. n. 4. – P. 437-449.
 25. Neumann, W. Ambiguity and Ambivalence in Ideas of National Interest in Asia // Isolation and Security. – P. 133-158.
- Интерес американских исследователей к истории дипломатии США на Дальнем Востоке в 1920-е годы постоянно «подпитывается» повышением роли этого региона в международной политике.
- Ещё в 1968 г. в США был учреждён центр по изучению восточно-азиатских отношений (АЕАР), сотрудники которого участвовали в организации ряда конференций (в Японии в 1969 г., в Мексике в 1970 г., в Нью-Йорке в 1978 и 1981 гг. и других), результатом которых явилась целая серия сборников об американо-японских и американо-китайских отношениях в первой половине XX в. - См.: Pearl Harbor as History; New Frontiers. – 348 p.
- В 1972 г. был опубликован целый историографический труд, с обобщённым анализом американской научной литературы по проблематике дальневосточной политики Соединённых Штатов в 1920-е гг. – См.: Iriye, A. 1922-1931 // American - East Asian Relations. A Survey / eds. by E. May and J. Thomson. Mass.: Camb., 1972. – 261 p.
- Историку Дж. Дойнеке принадлежит авторство фундированной монографии под названием «Литература по изоляционизму», являющейся серьёзным библиографическим исследованием. - См.: Doenecke, J. The Literature of Isolationism: A Guide to Non-Interventionist Scholarship, 1930-1970. Colorado Springs: Colo, 1972. – 327 p.
26. Фукс, М. В. Планы сине-оранжевой войны... / М. В. Фукс. Режим доступа: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
- См. также: Севостьянов, Г. Н. Послы вручают верительные грамоты. Установление советско-американских дипломатических отношений в свете новых документов / Г. Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 16-35; Севостьянов, Г. Н. Миссия М.М. Литвинова в Вашингтон в 1933 году. Новые материалы / Г.Н. Севостьянов // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3. – С. 148-175; Почтарёв, А. Н. О советско-американских военных контактах перед Второй мировой войной / А. Н. Почтарёв // США: экономика, политика, идеология. – 1994. – № 6. – С. 35-43.- 27. Подробнее об отношениях СССР и США в 1930-е годы и влиянии на их динамику фактора японской экспансии в Восточной Азии см. монографию Вячеслава Петровича Сафронова: Сафронов, В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931-1945 гг. / В. П. Сафронов. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 452 с.

Ахметова А. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ 1940-х гг.

Ахметова А. В.

Akhmetova A.V.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В КОНЦЕ 1940-х гг.

THE STUDY OF PUBLIC HEALTH SERVICES FOR INDIGENOUS POPULATION IN
THE FAR EAST AT THE END OF 1940-es, BY SCIENTIFIC MEDICAL EXPEDITIONS



Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681035, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36 – 55, 89622960095.

E-mail: wyrds@rambler.ru.

Ms. Anna V. Akhmetova – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681035 Russia, Khabarovsk Region, Komsomolsk-on-Amur, 36Oktyabrskiy pr., of. 55, tel.: (8962)-2960095, wyrds@rambler.ru

Аннотация. В данной статье проанализирована деятельность научно-медицинских экспедиций, направленных на исследование аборигенного населения Дальнего Востока. В частности, изучена поездка специалистов на Чукотку.

Annotation: This article deals with analysis of the activity of scientific medical expeditions aimed at studying the indigenous populations of the Far East region. An expedition to the Chukchi Peninsula is analyzed, in particular.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, медицина, гигиена, научная экспедиция.

Key-words: indigenous minorities, the Far East region, healthcare, hygiene, research expedition

УДК 397

В 1947 – 1948 гг. в целях обследования коренного населения Дальнего Востока в отдаленные районы были направлены медицинские экспедиции. Система здравоохранения и санитарно-гигиенического обслуживания только начинала налаживаться, не хватало ни оборудования, ни квалифицированных кадров. Поэтому для анализа существующей медико-санитарной ситуации и оказания необходимой помощи были направлены в северные районы Дальнего Востока, а именно, на Чукотку и Камчатку, специалисты Хабаровского медицинского института и Крайздравотдела [1].

Одна из крупнейших экспедиций была направлена в Чукотский национальный округ. В июне 1947 г. в поселок Анадырь прибыла комплексная медицинско-паразитологическая экспедиция Министерства здравоохранения РСФСР во главе с кандидатом медицинских наук товарищем Коссовым в следующем составе: фтизиатр, окулист, кожно-венеролог, рентгенолог, врач-лаборант, лаборант.

Экспедиция имела целью обследование определенного количества местного населения с целью изучения его физического состояния, проверки медицинских учреждений, оказания им на месте практической помощи. Свою работу экспедиция начала с поголовного обследования местного населения поселка Анадырь. Была проделана поголовная туберкулиновая проба всем учащимся средних школ, педучилища, школы колхозных кадров и работникам колхоза им. И.В. Сталина.



В результате были обследованы больницы поселков Анадырь, Комбинат и залива Лаврентия, кроме того, ряд фельдшерских пунктов. Врачи, фельдшеры и заведующие райздравотделами были проконсультированы по ряду специальных вопросов и вопросов администрирования. Последние не всегда можно было провести в жизнь, так как были практически невыполнимыми. Ряд предложений Коссов вносил, не сообразуясь с практическими возможностями, например, настаивал на том, чтобы в окружной больнице открыть родильное отделение из шести палат, выделить две палаты для туберкулезных больных, две хирургические, две детские палаты, палату-изолятор – всего 14 палат. Больница же располагала пятью палатами на 15 коек [2].

В первых числах июля экспедиция направилась вдоль побережья, сначала на шхуне «Водопьянов», затем на вельботе. Судя по отчетному докладу начальника экспедиции на заседании окрисполкома 8 сентября 1947 г., за два месяца бригадой было обследовано 3 тыс. чел. (от поселка Анадырь до Наукана), причем был выявлен ряд заболеваний. Сведений о своей работе экспедиция не оставила, так что в данные для окрздравотдела что-либо нового по вопросу о состоянии здоровья населения не внесла.

В 1948 г. в Чукотский район прибыла комплексная экспедиция Крайздравотдела во главе с кандидатом биологических наук доцентом Масловым. Экспедиция прибыла прямо в поселок Бухты Провидения и последовала оттуда вдоль побережья полуострова на Север. Данных о задачах и работе этой экспедиции окрздрав не имел до января 1950 г.

27 января 1950 г. окрздравотдел получил краткие данные о кровососущих комарах Чукотского полуострова, а также краткую инструкцию для собирания кровососущих насекомых и информацию о паразитических червях человека Чукотского района.

Экспедиция проехала от Провидения до Наукана, т.е. по самой заселенной части побережья Чукотского полуострова и обследовала на зараженность глистами всего 154 человек, из них – 8 чел. местных национальностей. На основании данного материала были сделаны обобщающие выводы о зараженности жителей Чукотского района паразитическими червями. Члены экспедиции направили в окрздравотдел инструкции для собирания и изучения клещей и других нелетающих и летающих кровососущих и некровососущих паразитов. Но медицинские работники Чукотки не могли посвятить все свое время на увеличение данных медицинско-паразитологической экспедиции доктора Маслова, так как у них были и другие, не менее важные задачи.

Вся научная работа этих экспедиций свелась к обследованию органов здравоохранения и лечебных учреждений. В сущности, это были бригады Министерства здравоохранения РСФСР и Крайздравотдела по исследованию состояния здравоохранения на Чукотке. Для каких-либо обобщающих выводов необходима была проверка не той части населения, которое живет в местах с наиболее широко разветвленной сетью медицинских учреждений и, в силу своей оседлости и частого общения с русским населением, культурнее кочевников, а жителей наиболее отдаленных и глухих тундровых и береговых стойбищ и селений. За 2 – 3 месяца работы экспедиция не могла сделать каких-либо обобщающих выводов о динамике заболеваемости и физического состояния населения Чукотки, так же как и экспедиции Коссова и Маслова не сделали никаких выводов о социально-бытовых и кожных заболеваниях, которые являлись бичом местного населения.

Со своей стороны окрздравотдел считал необходимым направление на Чукотку комплексной экспедиции, которая должна проводить свою работу не в порядке кратковременного турне по какой-либо части побережья, а в течение двух – трёх лет с расчетом постепенного охвата всех районов.

Только такая кропотливая и систематическая работа дала бы полную картину заболеваемости населения в ее динамике и физического состояния местных жителей. Эта комплексная экспедиция должна была иметь в своем составе: фтизиатра-терапевта, кожно-венеролога, педиатра, врача-гигиениста, лаборанта.

Кроме того, она должна быть оснащена лагерным оборудованием и одеждой для зимнего и летнего периодов своей работы, иметь в своем распоряжении достаточное количество собачьих или оленьих упряжек, а для работы в летне-осенний период – морской катер и глиссер, что дало бы возможность обследовать жителей глубинной тундры, которые летом располагались со стадами на пастбищах у берегов больших и малых рек, проходимых только глиссерами и легкими байдарками. В процессе работы экспедиции было необходимо также использование санитарной авиации.

Но всё же результаты второй экспедиции были достаточно плодотворными. На основе анализа научно-практического отчета Маслова можно сделать следующие выводы.

Сеть здравоохранения, как и в начале советского периода, находилась в неудовлетворительном нестабильном состоянии и не могла осуществлять систематическую работу. Фактически до 1947 – 1948 гг. развитием здравоохранения на Чукотке в плановом порядке не занимались.

Медицинские учреждения, особенно фельдшерские пункты, одни и те же на протяжении многих лет открывались и закрывались в зависимости от наличия помещений и кадров. Многие годы здравоохранением руководили люди, не имевшие ничего общего с медициной и всегда по совместительству, так, например, обязанности заведующего окрздравом исполняли заведующие собесом. Такая ситуация в итоге привела к тому, что до 1947 г. не было никаких данных о здравоохранении, по которым можно было бы судить о заболеваемости, смертности, лечебно-профилактических мероприятиях. В окрздраве и райздравках имелись отрывочные, разрозненные данные, составленные безграмотно и вызывающие сомнения в своей подлинности.

Из 38 фельдшерских пунктов не более 10 имели свои помещения, а 30 – 55 % из них совершенно не имели их, остальные находились в школах, торговых базах и сельсоветах. Ни одна больница не имела инфекционных изоляторов, санитарно-эпидемиологические станции существовали номинально. Больницы размещались в непригодных зданиях, жилищного фонда здравотделы также не имели.

Больницы и фельдшерские пункты были плохо укомплектованы медицинскими кадрами. Очень многие медики не доезжали до места работы. Очень большие потери врачей и среднего персонала происходили в связи с устройством семейной жизни. Помимо этого, зачастую на Чукотку командировали медработников, только что окончивших учебные заведения, без специального и жизненного опыта.

Положение в сфере здравоохранения можно рассмотреть более детально на примере Чукотского района. В районе полностью укомплектована была лишь одна больница в райцентре (поселок залива Лаврентия) и фельдшерский пункт в Ванкареме. Не считая больницы Севморпути в поселке Провидение, Чукотский район располагал следующими медицинскими кадрами: заведующий райздравом врач Головин (терапевт-эпидемиолог), главврач больницы Головина (врач-терапевт), зубной техник, фельдшер и медсестра.

Больница была полностью укомплектована, но её штатом совершенно не предусматривался врач-хирург, который был очень необходим. Врач Марухно, прошедшая стажировку под руководством врачей экспедиции, в связи с приездом врачей Головиных приказом окрздравотдела была от работы освобождена, воспользовавшись этим обстоятельством, она расторгла договор и выехала за пределы края. Таким образом, окрздравотдел и Чукотский район потеряли хорошего врача.

Медикаментами, перевязочным материалом медицинские точки района обеспечены были плохо. Особенно остро ощущался недостаток сульфамидных препаратов, противочесоточных мазей и основы для их изготовления, а также ваты, марли, бинтов и т.д. Остро ощущалось отсутствие стекол для очков: экспедицию буквально осаждали чукчи и эскимосы, требуя очки.

Также медицинские учреждения были слабо обеспечены топливом, зачастую не на чем было приготовить еду для больных. Несмотря на рост ассигнований на здравоохранение,



на хозяйственные расходы, включая топливо, выделялась сравнительно малая сумма денег. Так, в 1947 г. на хозяйственные расходы по всем фельдшерским пунктам на целый год было ассигновано всего 1500 р. На эту сумму можно было приобрести лишь 3 тонны угля, а для отопления только одного фельдшерского пункта требовалось 8 тонн, для всех фельдшерских пунктов требовалось 25 тонн, что в денежном выражении составляет 10 000 р. [2]

Среди наиболее частых заболеваний в 1947 – 1948 гг. были выявлены следующие: токсическая диспепсия, скарлатина, суставной ревматизм, корь, острый инфекционный гепатит, дизентерия, острый гастроэнтерит.

По таблице видно, что на протяжении 1944 – 1948 гг. увеличивается количество стационарных больных и уменьшается число амбулаторных пациентов. Эта ситуация, в совокупности со снижением посещений на дому, говорит о повышении качества обслуживания в больнице и более сознательном отношении населения к своему здоровью.

Работа больницы и амбулаторий в Чукотском районе [2]

Год	Сделано амбулаторных посещений	Посещено на дому	Всего принято родов	Госпитальных больных	Проведено койко-дней
1944	13377	2944	54	262	2932
1945	13792	1984	54	345	3872
1946	9541	1348	54	259	3559
1947	-	-	53	-	4085
1948 (половина)	3941	-	28	-	2004

Конкретные результаты экспедиции Маслова: обследование более тысячи жителей, из них 606 представителей аборигенного населения; консультации медработников, преподавание новейших способов лечения; комплектация лечебных учреждений инструментами, приборами, препаратами; проведение санитарно-просветительной и культурной работы, организация кружков юных краеведов; сбор научных (зоологических, ботанических и этнографических) материалов.

После завершения деятельности экспедиций анализировалась динамика численности коренного населения обследованных территорий, обобщались сведения об основных эпидемиологических заболеваниях и характере болезней, что являлось важным источником сведений для модификации национальной политики в области здравоохранения.

Медицинские экспедиции не могли оказывать постоянную помощь малочисленным народам, однако в отдаленных северных районах они зачастую являлись единственными специалистами, оказывающими первичное обследование и лечение. Однако эффективность лечения, оказываемого передвижными отрядами, была крайне низкой, поскольку лечение не было долговременным и систематическим. Данная деятельность, хотя тормозила рост числа заболеваний, не могла способствовать резкому изменению эпидемиологической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 105.
2. ГАХК. Ф. 683. Оп. 2. Д. 280.

Васильченко Э. А.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Васильченко Э.А.

Vasilchenko E.A.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DEVELOPMENT STRATEGY FOR THE FAR EASTERN REGION OF RUSSIA: A HISTORICAL ASPECT



Васильченко Эльвира Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная работа», декан социального факультета Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27. E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Ms. Elvira A. Vasilchenko – Doctor of History, Professor, head of the Department of Social Work, Dean of the Social Studies Faculty, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru

Аннотация. Осуществлен анализ стратегического развития Дальнего Востока в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Определена преемственность стратегических курсов на этих исторических этапах, выявлены недостатки в реализации стратегического курса в постсоветский период, предложены мотивированные рекомендации по использованию исторического опыта в реализации стратегического развития региона в современных условиях.

Summary: The paper offers an analysis of the strategic development of the Russian Far East during the pre-revolutionary, soviet and post-soviet periods. The continuity of strategic courses during these historical stages is revealed, the drawbacks and mistakes of the post-soviet period are shown, well-grounded recommendations on how to use the historical experience in implementation of development strategies in the region in modern times are offered.

Ключевые слова: стратегия развития, исторический аспект, семейные переселения, органы управления, социальная практика, геополитический потенциал, внутренние резервы.

Key words: development strategy, historical aspect, family resettlements, authorities, social practice, geopolitical potential, internal reserves.

УДК 316.35/356.2

Стратегию развития можно рассматривать как спланированное и обоснованное движение вперед, обеспечивающее достижение конечной цели на определенном историческом этапе. Применительно к Дальнему Востоку России стратегия развития формировалась на рубеже 50 – 60-х гг. XIX в., то есть после превращения этого региона в нераздельную часть национальной территории Российской империи. Все политические, экономические и социальные явления становились частью или следствием общероссийского исторического процесса.

На его пути выделяется три этапа: дореволюционный (1860 – 1917 гг.), советский (1917 – 1991 гг.), постсоветский (начался в 1991 г.). Положение наиболее отдаленной колонизируемой окраины в составе Российской империи, затем Советского государства, а потом и современной России накладывало и продолжает накладывать существенный отпечаток на развитие региона.

Интерес автора к обозначенной проблеме обусловила неэффективность планов стратегического развития Дальнего Востока, принятых в начале нового столетия. В результате был проведен анализ стратегического развития региона в исторической ретроспективе с



целью выявить исторические уроки реализации стратегических планов в дореволюционный и советский периоды и возможности их использования.

Историческое развитие Дальнего Востока свидетельствует о том, что здесь всегда пересекались интересы азиатских государств и России. Сохранить российскую принадлежность дальневосточный регион мог лишь при условии роста численности населения. Не имея для этого внутренних резервов, Дальний Восток мог рассчитывать лишь на население с западных областей страны. Поэтому царское и советское правительства ставили перед собой одну и ту же цель – в короткие сроки как можно больше своих граждан переселить на восточную окраину.

Проявилась схожесть основных принципов государственной переселенческой политики, проводимой Российской империей и СССР.

Во-первых, политика семейных переселений полностью оправдала себя, она зависела от планов государства по экономическому и политическому развитию Дальнего Востока, обеспечивала их выполнение.

В дореволюционный период она способствовала ослаблению социального напряжения в центральных губерниях, где крестьянские семьи лишились наделов в результате реформы 1861 г. Ее реализация гарантировала присоединение к России новых территорий со значительным земельным резервом. Обеспечивая наполнение региона российскими семьями, она содействовала укреплению позиции России в соперничестве с соседними азиатскими странами.

В советский период политика семейных переселений обслуживала интересы государства по созданию на восточной окраине трудовых ресурсов для военно-промышленного комплекса. Она также способствовала освобождению центральных областей страны от излишка рабочей силы.

Во-вторых, царская администрация постоянно регулировала переселения на Дальний Восток, обеспечивала процесс выхода, передвижения и водворения семей на новом месте. В годы советской власти партийные и советские органы тоже принимали меры по регулированию этого процесса.

В-третьих, властные структуры царской России и СССР осуществляли отбор переселенческого контингента. Как известно, до 1900 г. к переселению допускались экономически крепкие семьи, после эти ограничения были сняты. В советский период в 20-е гг. отбор осуществлялся также по показателю материального состояния семей, в 30-е гг. он утратил свое значение ввиду коллективных переселений.

В-четвертых, государство постоянно финансировало семейные переселения. Расчет на самостоятельное обеспечение семей не оправдался, поскольку затраты на столь длительный путь на восток оказались для них непосильными. Царское и советское правительства выделяли достаточно средств для обеспечения переселенческого процесса.

Сравнение политики семейных переселений, осуществленной в дореволюционный и советский периоды, позволило автору выделить общие методы ее реализации.

- Переселения в дальневосточный регион производились на добровольной и принудительной основе. В царской России добровольно ехали на восток семьи крестьян, казаков, рабочих, принудительно – семьи казаков на начальном этапе переселений. В СССР семьи крестьян, рабочих, служащих, бывших красноармейцев были добровольными участниками переселенческого процесса. В принудительном порядке прибывали в регион семьи кулаков.

- Испытанным методом по поддержанию семей в переселениях стало их экономическое стимулирование в виде льгот и ссуд, выделяемых органами власти в дореволюционный и советский периоды.

- В Российской империи и СССР семейные переселения имели законодательное обеспечение, свидетельствующее об ответственности органов власти за их осуществление. Законодательная база гарантировала помощь и поддержку переселенцев со стороны государства.

• Наряду с восточнославянскими семьями в переселениях на Дальний Восток участвовали иммигрантские корейские семьи. В дореволюционный и советский периоды использовался метод дифференцированного подхода к переселению с запада и востока. Последние жестко регулировались с позиции экономической и политической целесообразности.

Органы власти Российской империи отдавали предпочтение семейной форме переселений (переселение отдельных семей). В Советском государстве наряду с семейной использовалась коллективная форма (переселение семей в составе коллективов).

В СССР плановое хозяйство обусловило появление плановых переселений семей промышленных рабочих и специалистов, бывших воинов Красной Армии. В царской России к переселениям допускались все семьи, отвечавшие соответствующим требованиям.

Несмотря на различие общественно-экономического строя и идеологии, советские органы власти вынуждены были использовать прошлый опыт переселений, поскольку уникальность политического и экономического развития Дальнего Востока предопределила именно такой путь удержания дальневосточного региона за Россией.

В 90-е гг. XX в. Дальний Восток вступил в новый исторический этап, на котором государству предстояло выработать политику по удержанию этого региона за Россией в новых исторических условиях.

По аналогии с прошлым современная Россия не имеет избытка людских ресурсов на западе, не располагает денежными ресурсами для «накачки» экономики региона. Новая доктрина развития Дальнего Востока могла отражать одно из двух направлений: либо отказ развивать столь затратный регион, либо поиск решения его проблем с учетом новых реалий.

Безусловно, продуктивным остается второе направление, хотя есть сторонники иных взглядов.

Современным органам управления необходимо учитывать исторические уроки в поиске решений проблем региона.

1. На восточной окраине постоянно сталкивались и продолжают сталкиваться интересы России с интересами соседних азиатских стран, поэтому в дореволюционный и советский периоды экономическое и социальное развитие региона находилось в центре внимания органов власти.

Российская империя стремилась опередить Китай, заселить безлюдный Дальний Восток и закрепить его за собой.

Стратегическая цель политики СССР заключалась в укреплении обороноспособности этой территории и включении ее экономики в единое экономическое пространство страны.

Современный стратегический курс заложен в Президентской программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период 1996 – 2005 гг., которая в 2002 г. была откорректирована и утверждена с продлением срока ее реализации до 2010 г. [2]. В общем виде его можно сформулировать как активное использование имеющихся в регионе положительных факторов и преимуществ разделения труда на внутрисоссийском и внешнем рынках с целью формирования рыночных отношений и достижения комфортных условий проживания населения.

Однако социальная практика показывает, что в современном стратегическом курсе Правительства России на Дальнем Востоке не учтены многие политические реалии.

Игнорирование исторического опыта обернулось тем, что в начале XXI века в регионе не ведутся целенаправленные системные преобразования. Об этом свидетельствует тот факт, что в период действия Президентской программы до 2000 г. по объемам финансирования её выполнение составило 10 %. Для сравнения, постановление ВЦИК СССР и ЦК ВКП(б) (1930 г.) по аналогичному показателю было выполнено на 130 %.

О несостоятельности заявленного в этой программе стратегического курса свидетельствует не только отсутствие его финансирования. Дальний Восток выпал из единого экономического пространства России. До перестройки 75 % продукции региона потреблял внут-



ренный рынок, в начале XXI в. этот показатель стал равным 4,3 %, в то время как доля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в экономике Дальнего Востока составила 95,7 % [3].

Регион утратил устойчивые позиции в закреплении населения и привлечении рабочей силы. Потеря почти полутора миллиона жителей является в обозримой перспективе невозполнимой.

Основное стратегическое направление развития региона должно остаться неизменным – это увеличение численности населения за счет повышения уровня и качества жизни, опережающего и комплексного развития инфраструктуры, привлечения инвестиций.

Правительство Российской Федерации пересмотрело стратегию развития Дальнего Востока с учетом существующих реалий, в контексте со стратегическим курсом развития государства на долгосрочную перспективу. Принята Программа «Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 гг.» [4]. Однако разрабатывалась она для кризисных условий, поэтому основной задачей посткризисного развития декларируется формирование новой структуры экономики.

2. После распада СССР и последующего системного кризиса в России геополитический потенциал Дальневосточного региона значительно уступает соседним государствам.

Как показывает исторический опыт, длительное сохранение различий геополитического потенциала стран-соседей в конечном итоге приводит к появлению проблем, а потом и серьезных конфликтов. Это касается, в первую очередь, отношений с Китаем.

По прогнозам в 2025 г. население Китая достигнет 1 млрд 540 млн человек. Если динамика сокращения населения на российском Дальнем Востоке сохранится, то можно предположить, что к этому времени здесь останется не более 5 млн человек [3].

Исторический опыт развития региона в дореволюционный и советский периоды показывает, что и царская Россия, и СССР стремились поддерживать равенство геополитического потенциала, которое просуществовало здесь до 90-х годов.

Важной задачей современных органов власти является возрождение на Дальнем Востоке геополитического потенциала, в первую очередь, таких его составляющих, как численность населения, экономическая мощь, обороноспособность Дальневосточного края.

3. На современном этапе регион не имеет внутренних резервов для наращивания демографического потенциала. Особая роль в его стабилизации может принадлежать миграции, которая всегда была базовым источником формирования численности и состава дальневосточного населения. Однако на современном этапе регион потерял свою привлекательность. Миграционные потоки из фактора увеличения населения превратились в фактор его уменьшения.

Западные районы России не имеют, как прежде, «лишних» рабочих рук и являются скорее конкурентами восточным территориям в этих вопросах, нежели его донорами.

Миграционные связи Дальневосточного региона с соседними азиатскими государствами имеют положительное значение, но при их усилении возникает опасность ослабить российский суверенитет над регионом.

Чтобы этого не произошло, Правительству Российской Федерации целесообразно выработать стратегию демографического развития Дальневосточного региона. При этом доминантой демографической политики должны стать меры социально-экономического характера.

В качестве потенциального миграционного резерва можно рассматривать семьи русскоязычного населения, желающие вернуться из ближнего зарубежья в Россию. Контролируемая миграция из соседних азиатских стран может также способствовать ослаблению демографического напряжения в регионе.

4. Исторический опыт заселения и освоения Дальнего Востока показал, что во все времена его привлекательность была гарантирована законодательством, которое предусматривало систему льгот, отличающих жителей региона от других россиян, то есть государство сознательно платило региону определенную ренту.

В современной ситуации, если государство не может мощно накачивать регион инвестиционными ресурсами, как это было в СССР, или людскими ресурсами, как это было в Российской империи, то остается одно – создать условия для использования собственных ресурсов региона.

Современная концепция социально-экономического развития Дальнего Востока ориентируется на развитие интеграционных связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Особое геостратегическое положение региона делает целесообразной концентрацию усилий на развитии отраслей, продукция которых имеет устойчивые позиции на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона.

На федеральном и региональном уровнях органам власти необходимо законодательно закрепить стратегический курс развития Дальнего Востока с учетом новых реалий. Цель законодательства – создание условий для всемерного, максимального использования собственных ресурсов.

Исторический опыт показывает, что российское законодательство всегда имело определяющее значение в развитии Дальнего Востока. В новых исторических условиях его роль заметно возрастает.

Таким образом, анализ стратегического развития региона демонстрирует, что одним из важнейших вопросов стратегического развития Дальнего Востока по-прежнему является формирование постоянного населения, его социальное благополучие. Эта давняя проблема в постсоветский период была осложнена отрицательной миграционной динамикой.

В последние годы были предприняты меры для сохранения населения. Этому способствовали: реализация национальных проектов, особенно в области здравоохранения; обеспечение льготного авиасообщения для отдельных категорий населения; развитие новых производств и, соответственно, создание новых рабочих мест. Однако эти меры не приостановили отток населения за пределы региона. В настоящее время его плотность составляет 1 человек на 1 кв. км против 8,3 в среднем по стране.

Правомерно возникает вопрос, насколько реально говорить об оптимистических долгосрочных планах и амбициозных задачах во время кризиса и при таком потенциале населения. Есть опасение, что очередной стратегический план развития региона постигнет судьба прежних государственных проектов, оставшихся нереализованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, А. Связанные одной целью [Электронный ресурс] / Антон Иванов. – Режим доступа: <http://www.ampravda.ru/2009/05/22/021581.html>
2. Ишаев, В. И. Современное и будущее развитие российского Дальнего Востока / В. И. Ишаев. – Хабаровск, 2010. – 20 с.
3. Минакир, П. А. Стратегия развития Дальнего Востока / П.А. Минакир // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Т. 1. Экономика : материалы регион. науч.-практ. конф. (Хабаровск 12-13 февраля 2003 г.). – Хабаровск : Дальвост. гос.науч. б-ка, 2003. – С. 15-20.
4. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=80>

Кузина И.Л.
Kuzina I.L.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МОЛОДЕЖИ 30-х ГОДОВ

SOCIAL AND LIVING CONDITIONS OF THE YOUTH IN THE FAR EASTERN REGION IN 1930-IES



Кузина Ирина Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27, 89141796393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Ms. Irina L. Kuzina – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы социально-бытовые условия жизни дальневосточной молодежи в 30-е гг. XX в. Выделены особенности жилищного вопроса на Дальнем Востоке. Выявлено влияние неблагоприятных социально-бытовых условий на состояние здоровья, психологию, социальное поведение и коммунально-бытовую культуру молодежи Дальнего Востока.

Summary: The paper offers analysis of social and living conditions of young generations in the Russian Far East region in 1930-ies. Some specific aspects of the housing problem in the Far East are emphasized. The impact of negative social/living conditions upon psychical and psychological health, social behavior and household culture of the youth of the Far East is demonstrated.

Ключевые слова: жилищные условия, мобилизации, новостройки, коммунальное хозяйство, коммунально-бытовая культура, социально-бытовые условия, повседневная жизнь, советский Дальний Восток в 30-е годы, советская молодежь.

Key-words: living conditions, mobilization, new buildings, utilities, public utility and domestic culture, social/living conditions, daily life, the Soviet Far East in 30 years, soviet youth.

УДК: 316.35/356.2

Социально-бытовые условия являются одним из важнейших показателей качества жизни человека. Степень обеспеченности населения жильем и пути решения жилищной проблемы отражают не только средний уровень благосостояния общества и особенности его коммунально-бытовой культуры, но и характеризуют общий уровень развития государства, особенности его социально-экономической политики.

Советская власть в 30-е гг., призывая молодежь на новостройки Дальнего Востока, предупреждала о трудностях, с которыми придется столкнуться в малообжитом крае. Однако большинству приезжавших молодых людей пришлось столкнуться с гораздо более тяжелыми условиями жизни и труда, чем они ожидали.

Жилищные условия – одна из важнейших характеристик жизненного уровня населения. Дальневосточная окраина в этом плане относилась к одному из самых неблагополучных регионов страны, где в связи с высоким уровнем миграции жилищная проблема имела особую остроту. Жилья не хватало, его строительство заметно отставало от потребностей быстрорастущего населения.

В 1930 г. краевой комитет ВКП(б) отмечал: «Перебои и низкие нормы снабжения, наличие острого жилищного кризиса в большинстве рабочих районов края, недостаток на рын-

ке предметов домашнего обихода, одежды, обуви, все это больше, чем в каком-либо районе СССР, создает у нас чрезвычайно тяжелые условия жизни и быта рабочих» [2, 67]. При обследовании жилищно-коммунального хозяйства Дальневосточного края в 1933 г. было дано заключение о его неудовлетворительном состоянии. В то время как за 1931 – 1933 гг. рост населения городов составил 52 %, жилищная площадь возросла лишь на 5,5 %. Из года в год шло падение душевой нормы на жилую площадь, если в 1923 г. она составляла 7,4 кв. м, в 1927 г. она снизилась до 5,7 кв. м и далее шла на снижение: 1928 г. – 5,5 кв. м; 1929 г. – 5,0 кв. м; 1930 г. – 4,4 кв. м; 1931 г. – 3,8 кв. м (см. прим. 1). По отдельным городам и рабочим поселкам дело выглядело еще хуже. Так на Артемовских и Сучанских угольных копиях душевая норма в 1932 г. составляла 1,5 кв. м, в то время как санитарная норма на человека на тот период составляла 8 кв.м. В больших же промышленных городах, крупнейшим из которых являлся Владивосток, средняя душевая норма жилой площади составляла 3,5 кв.м.

В связи с массовыми мобилизациями на строительство края, привлечением большого количества рабочих рук жилищная проблема еще более обострялась. Темпы строительства не только капитального качественного жилья поселенцам, но и временных жилищ не поспевали за высокими темпами привлечения рабочих рук на новостройки, предприятия и в сельскохозяйственные районы края. В письме в Далькрайком ВЛКСМ о прибытии комсомольцев на Сахалин в г. Александровск молодые строители сообщали: «Жилищные условия очень плохие – нагнали нас, а помещение не приготовили, живем в землянке 8 человек, где в нормальных условиях должны жить только двое. Грязь, сырость, полно клопов, тараканов и блох. Что творится – ужас... Здесь уже стало очень холодно, выпал снег, а мы все разутые и раздетые... Говорили, что приедете туда, там все есть, но когда мы приехали сюда – здесь нет ни шиша... Говорят что взяли нас на два года, я думаю на следующий год убежать, здесь с ума можно сойти за два года, одичать» (см. прим. 2).

Особо остро проблема с жильем стояла на новостройках. В 1935 г. 1450 прибывших молодых рабочих в Комсомольск разместили во временных не пригодных для жилья помещениях. Семейные и девушки были размещены вместе с рабочими в общих комнатах. В бараках не было света, воды, столов, скамеек. Некоторые оказались не обеспечены кроватями и постельными принадлежностями, спали на голом полу. Бараки не отапливались. Особенно плохо обстояло дело с бытовыми условиями у молодых людей, посланных на лесные участки. До декабря тысяча человек не была обеспечена теплой обувью. У многих не было теплой одежды. Большинство не было обеспечено баней, крайне плохо работали столовые. Кроме того, отмечалось хищение продуктов, обвешивание, грязь, небрежное приготовление пищи. Плохо была поставлена медицинская помощь (см. прим. 3).

Положение не менялось и в дальнейшем на протяжении 30-х гг. Бюро Далькрайкома ВКП(б) отмечало в 1937 г., что «самым отстающим участком работы в г. Комсомольске следует признать заботу о человеке, состояние жилищного, коммунального и социально-культурного строительства, народное образование и здравоохранение» (см. прим. 4). Все предприятия и стройки Комсомольска переживали острый кризис жилья. Строительный корпус при потребности для нормального размещения наличного состава в 113 000 кв. м жилплощади имел всего 42 200 кв. м, а в связи с намечаемой переброской в Комсомольск трёх батальонов и поступлением вольнонаемных кадров требовалось еще 24 000 кв. м. Жилищное строительство велось очень плохо, качество сдаваемых в эксплуатацию зданий было низким, как правило, имелись недоделки: незаконченное отопление, отсутствие уборных, водопровода и канализации, зачастую отсутствовали кухни. Ко всему прочему отмечались жалобы на плохое коммунальное обслуживание и высокие тарифы на коммунальные услуги (см. прим. 5).

В тяжелом положении оказывались многие демобилизованные красноармейцы, решившие связать свою жизнь с Дальним Востоком и согласившиеся принять участие в строительстве колхозов в крае. Переселение в сельхозрайоны, а впоследствии в колхозы часто проходило без всякого плана. Дома, предназначенные для переселенцев, на 50 % представляли собой пришедшее в негодность заброшенное и бесхозное жилье, требующее капитального ремонта. В колхозе



им. Мухина Амурской области для переселенца – демобилизованного красноармейца предназначался дом, в котором отсутствовали потолок, пол, оконные колоды, рамы и двери. В подобном состоянии дома, предназначенные для демобилизованных красноармейцев, были и в других колхозах (см. прим. 6). Красноармейцы, осевшие в дальневосточных колхозах, не торопились вызывать свои семьи до полного хозяйственного устройства. Так, красноармеец, из колхоза «Восток» Владивостокского района в 1938 г. писал своей матери: «Мамаша, я много писать не буду, но с выездом ко мне пока воздержись потому, что я не знаю, уживусь я здесь или нет. Условия неважные. Хотел уже на производство пойти, но не отпускают» (см. прим. 7).

Тяжелые условия жизни, быта и работы приводили к нередким случаям дезертирства. В 1932 г. вследствие неудовлетворительного приема комсомольцев на новостройках, тяжелых жилищно-бытовых условий наблюдалось значительное число обратничества. Больше всего дезертиров было среди несовершеннолетних 14, 16, 17-летних (см. прим. 8). На Сахстрое с 1 октября 1932 г. по 1 апреля 1933 г. было принято на работу 781 человек, за этот же промежуток времени ушло 461 человек, в том числе 300 комсомольцев. На строительстве Цемзавода с апреля 1932 г. по 1 марта 1933 г. по оргнабору прибыли 3017 человек, и за это время ушли самовольно и уволились 1838 человек [1, 184].

Дезертирству, как впрочем, и многим другим явлениям в стране, стал придаваться политический характер. С дезертирством боролись ставшими привычными в советском государстве репрессивными методами. Большое внимание предполагалось уделять политико-идеологическому воспитанию молодого поколения, призывами к жертвенности ради «светлого будущего». Но проблема оставалась. И в 1939 г. на заводе № 126 текучесть рабочих кадров была одной из основных проблем производства, главной причиной которой продолжало оставаться отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий (см. прим. 9).

По хетагуровскому призыву в край приехали тысячи девушек и юношей. Однако проблема жилья поставила многих новоселов в кошмарные условия жизни. От девушек-хетагуровок в комиссию по хетагуровскому призыву, в районные и краевые комсомольские организации постоянно поступали жалобы на размещение и невнимательное отношение местных властей. Все эти жалобы были похожи одна на другую: «в помещении, где живем, плохо: спим на голых досках и грязных мешках, холод, грязь», «контора, где работают, не отапливалась совсем, в общежитии зимних рам нет совсем, а в летних побитые стекла. Керосину не дают, свечей купить негде – сидим в темноте, помещение отапливается через день. За 3 месяца баня топилась 2 раза и то все время не успевали вымыться, так как не хватало воды». В общежитии при шахте № 3 г. Сучана хетагуровки спали на топчанах, без матрацев, одеял и простыней. Часто отсутствовала вода. В г. Артеме 5 прибывших девушек поместили в грязное неотремонтированное помещение. Они писали: «В шахте лучше, чем в квартире». В общежитии на центральной шахте Артема было размещено 15 девушек-хетагуровок. В общежитии оказались разбиты окна, грязь, невероятное количество клопов и различных насекомых. Матрацы были набиты гнилой соломой, двери сломаны и не закрывались. Девушки спрашивали: «Научите как быть? Мы приходим в полное отчаяние» (см. прим. 10).

Бюро крайкома ВЛКСМ отмечало, что комиссия по приему девушек и горком комсомола г. Хабаровска самоустранились от работы с приезжающими девушками. В результате этого девушки оказались предоставлены сами себе. Хозяйственное оборудование общежитий, в которых разместили девушек, находилось в неудовлетворительном состоянии. Отмечался недостаток простыней, полотенец, часто отсутствовала кипяченая вода, в помещении была теснота, грязь. Бюро крайкома делало выводы о том, «что комиссия превратилась в орган распределения живой силы, общежития превратились в ночлежки, что создавало среди девушек недовольство приемом, краем» (см. прим. 11).

Девушкам приходилось сталкиваться не только с тяжелыми бытовыми условиями и невероятно трудными условиями труда, но и с хамским отношением на местах местных руководителей, которые часто совсем не обращали внимание на условия, в которых оказывались девушки. «Валя, вот уже шестой месяц, как мы по окончании курсов комбайнеров на-

ходимся в зерносовхозе «Восточном» станции Кагановича,» – писали В. Хетагуровой девушки, откликнувшиеся на её призыв, – «С самого приезда мы не были обеспечены нормальными условиями жизни, и по сей час картина нашей жизни весьма неприглядная. Мы имеем плохо оборудованную комнату, старые постельные принадлежности, не имеем возможности где и чем стирать. На просьбы и требования ни директор Шетляев, ни начальник политотдела Мазин, ни секретарь комитета комсомола Овсянкин – никто абсолютно не обращает никакого внимания» (см. прим. 12). Подобные случаи были не редкость, и поэтому многие девушки, не найдя себе место в крае, возвращались в родные места. Процент обратничества в некоторых местах доходил до 80 – 100 %.

Не лучше обстояло дело и в общежитиях учебных заведений края. На заседаниях Бюро ДКК ВЛКСМ в 1938 г. рассматривался вопрос о причинах отсева студентов из учебных заведений Дальнего Востока – мединститута, техникума связи, театрально-музыкального училища и др. Одной из главных причин оттока учащихся было отсутствие нормальных бытовых условий жизни студентов и условий учебы (см. прим. 13).

Теснота, грязь, отсутствие нормального отопления в холодные периоды, плохое питание приводили к высокой степени заболеваемости среди жителей края. В сводке о состоянии охраны труда в школах ФЗУ на Уссурийской железной дороге содержались данные об осмотре состояния здоровья учащихся в начале 30-х гг. Было осмотрено 264 человек: здоровых оказалось 99 человек, больных – 165. При этом было отмечено, что заболеваемость подростков и учеников главным образом зависела от санитарного состояния общежитий, недостаточного врачебного наблюдения за учащимися. Охват подростков лечением, требуемым для поправки здоровья, не удовлетворялось на 43 %, санитарно-техническое состояние мест работ оставалось на низком уровне (см. прим. 14).

Плохие жилищные условия в условиях сурового дальневосточного климата провоцировали распространение различных инфекционных заболеваний. На них в 1938 г. пришлось наибольшее количество смертей молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет – 29,4 % от общего числа. Самым характерным заболеванием для Дальнего Востока оставался туберкулез, на его долю приходилось 58,5 % смертей от всех инфекционных заболеваний и 17,2 % от общего числа смертей (см. прим. 15). Как известно, туберкулез является социальной болезнью, и большой процент заболеваемости свидетельствует о неблагополучии условий жизни.

Безусловно, на самочувствие и ухудшение здоровья населения края большое влияние оказывало качество питания. Кризисы продовольствия начала 30-х гг. и голод не обошли и дальневосточную окраину советской страны. В январе 1931 г. по решению Политбюро Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Однако карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственного снабжения оказались крестьяне и лишённые политических прав («лишенцы»). Однако и с карточной системой трудно было достать продукты питания. В спецсводках о праздничных настроениях городского населения Дальневосточного края в связи с 15-летием Октябрьской революции были зафиксированы высказывания, которые произносились в очередях: «Стоишь по несколько дней в очереди и, в конце концов, уходишь без хлеба», «наши правители раздобрились и отвалят к празднику, наверное, по 3 кг муки. Ну их к черту с этой мукой, из нее ничего не сделаешь, только квашенку запачкаешь», «невеселый праздник будет, нет продуктов и хлеба», «опять пойдешь ноги отбивать, да глупости слушать. Лучше бы накормили, а то народ с голоду пухнет, по неделям без хлеба сидят», «вот привезли в столовую 1200 банок консервов и хотят этим нас накормить, а потом опять весь год будут держать голодными. От такой житухи скоро с голоду пропадать начнем. Нам не до праздника, лишь бы с голоду не пропасть» (см. прим. 16).

Продукты питания можно было купить на рынке, однако они были многим часто недоступны из-за высоких рыночных цен. Если учесть, что нередки были случаи задержки зар-



платы, многие оказывались в катастрофическом положении. Так, например, в Завитинском районе в 1933 г. задолженность по зарплате рабочим на Кивдинских коях достигала 4 месяцев. На почве недоедания отмечались заболевания целых семей.

Особенно тяжелое положение складывалось в деревнях. Во внеочередном донесении для ДКК ВКП (б) сообщалось, что в Славянке в 1933 г. члены рыбколхоза «Таке» месяцами не имели продовольствия, колхозники бродили в поисках пищи. Ими за март месяц были съедены 22 штуки павших оленей. До 60 человек лежали с опухолями на почве недоедания. В Тамбовском районе было зафиксировано 5 смертельных случаев среди колхозников на почве голода. Были случаи употребления в пищу трупов павших животных, извлеченных из скотских могильников. Однако большинство голодных составили семьи исключенных из колхозов, которые немедленно после исключения из колхоза снимались со снабжения (см. прим. 17).

Партийные и советские власти уделяли внимание проблемам здоровья и смертности населения. Однако в целях предотвращения повышения уровня смертности партийно-советское руководство выбрало пассивный путь, предполагающий наращивание возможностей государства противостоять негативным воздействиям внешней среды, не меняя в принципе условий существования. Уровень жизни в данном случае остается низким, но общество адаптируется к недостаточному питанию, к отсутствию полноценного жилья, неразвитости социальной инфраструктуры, главным образом за счет развития здравоохранения, внедрения в практику новых лекарственных препаратов [3, 31].

Действительно, в целом по стране система здравоохранения успешно развивалась. В течение 1932 – 1938 гг. бюджет государственного здравоохранения вырос почти в 6 раз, количество больничных мест было увеличено в 1,6 раза, городских амбулаторий – в 1,7 раза [3, 42]. На Дальнем Востоке общее число учреждений врачебной амбулаторно-поликлинической помощи с 1933 по 1939 гг. выросло в 2,3 раза, число больниц – в 2,4 раза, общее количество коек в них выросло в 2,3 раза [4, 188].

Все же преодолеть повышенную заболеваемость власти не удалось. Рост числа учреждений здравоохранения не поспевал за ростом населения Дальнего Востока. Уровень жизни оставался по-прежнему низким, жилищная проблема не была решена, коммунальное хозяйство не было развито, качество питания не улучшилось. Эти обстоятельства порождали высокую заболеваемость.

Особенности жизни и быта накладывали отпечаток на психологию и коммунально-бытовую культуру населения. Жизнь в экстремальных условиях, зачастую без элементарных удобств, в тесноте, в грязи становилась нормой существования. Большинство людей привыкали к подобной жизни и часто переносили дурные привычки в более благоприятные условия жизни. Советской властью были определены условия, в которых должен жить человек, поэтому с «нездоровым» бытом боролись, на страницах газет часто появлялись статьи с критикой неудовлетворительного устройства социально-бытовых условий жизни. В одной из статей «Тихоокеанского комсомольца» был описан быт коммунистов и комсомольцев, живших в общежитии Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. В этой школе в основном учились те, кто пришел с руководящей работы. «Как правило, все ложатся на постель, не раздеваясь, в грязных, пыльных брюках, верхних рубашках, а зачастую и в обуви... В гардеробах, предназначенных, как известно, для одежды, набросаны грязные сапоги, валенки, невымытые галоши и даже половые щетки. Под кроватями грязное белье, рваные грязные носки. Общий вид комнаты неряшливый... Вся мебель переполнена клопами, но о дезинфекции никто не думает. И это творится в высшей школе, где живет и учится партийно-комсомольский актив!» [5, 4].

Многие молодые люди, оказавшиеся в тяжелых условиях жизни и работы, не справлялись с трудностями и предпочитали уходить от гнетущей реальности с помощью алкоголя. В фондах Далькрайкома ВЛКСМ содержатся материалы обследования Дальневосточного края в начале 30-х гг., где отмечалось: «Пьянство – своеобразная и печальная особенность Дальнего Востока. Пьют в крае очень много» (см. прим. 18). В Амурской области расход алкоголя

на человека в начале 30-х гг. превышал почти в три раза средства, отпускаемые на дело народного образования. Еще одним способом ухода от действительности стала наркомания, которая в конце 20-х – начале 30-х гг. представляла из себя особую опасность. В основном курили опиум и принимали морфий. В то время как наркомания захватывала все более и более широкие круги, законодательство преследовало только притоносодержателей и сбытчиков и оказывалось бессильным сдержать силу натиска развивающейся наркомании среди населения (см. прим. 19).

Отдаленность от центра, трудности, связанные со снабжением, создавали условия для ухода значительного числа молодых людей в ретрицизм посредством выпивки и наркотиков. Дальний Восток был настолько отдаленным краем от центра, а условия жизни и работы, в которых оказывались молодые люди, настолько тяжелыми, что порождали у многих чувство беспросветности и заброшенности. В одном из совхозов Приморья секретарь комсомольской ячейки распевал песни, о том, что жить тяжело, что «мы не живем, а еле существуем» (см. прим. 20).

Жизнь в экстремальных условиях, зачастую без элементарных удобств, в тесноте становилась для части молодежи нормой существования. Социально-бытовые условия, порою принимавшие экстремальный характер, вынуждали молодых людей либо бежать из края, либо уходить в ретрицизм, либо искать стратегии выживания, в результате чего складывалось своеобразие социального характера дальневосточной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большух, А. В. Трудовой подвиг рабочего класса на новостройках Дальнего Востока (1932–1936 гг.) / А. В. Большух // Ученые записки ДВГУ. – Т. XVIII. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1968. – 450 с.
2. Глущенко, И. И. Рабочий класс Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922–1937 гг.) / И. И. Глущенко – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. – 216 с.
3. Исупов, В. А. Демографическая политика сталинского правительства. Конец 1920-х– 1940-х гг. / В. А. Исупов // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. – С. 31-46.
4. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края до 1941 г. – Хабаровск, 1941. – 206 с.
5. Тихоокеанский комсомолец. – 1935. – 28 сент. – С. 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 109. Д. 17. Л. 24.
2. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 269. Л. 192.
3. РГАСПИ. Ф. 1. ОП. 23. Д. 1124. Л. 2.
4. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1351. Л. 57.
5. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1351. Л. 57.
6. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 144.
7. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 135..
8. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 356. Л. 19-20.
9. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 118.
10. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1533. Л. 19 – 21.
11. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 312 а. Л. 292.
12. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 325. Л. 85.
13. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 314. Л. 209.
14. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 104. Л. 116.
15. ГАПК. Ф.Р. 131. ОП.10. Д. 9. Л. 3.
16. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 379. Л. 380.
17. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 943. Л. 44.
18. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 104. Л. 173 – 174.
19. ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 107. Д. 301. Л. 28
20. ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д.104. Л.319-320.

Петрунина Ж. В.
Petrunina Z. V.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

RUSSIAN XIX CENTURY PUBLICATIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIA-EGYPT RELATIONS



Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела социально-экономических и гуманитарных исследований Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 8(4217)27-16-84. E-mail: petrunina71@bk.ru

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Associate Professor, head of the Social, Economic and Humanitarian Research Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur) 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr., 8(4217)27-16-84, e-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. В статье проведен анализ российских публикаций XIX в. относительно истории Египта периода правления Мухаммеда Али. Выявлено влияние и значение публикуемых материалов на формирование мнений и массовых представлений в России о Египте.

Summary: The paper offers an analysis of Russian XIX century publications concerning Egypt's history under Mohammed Ali. The influence and significance of the published materials upon the development of opinions and mass representations on Egypt in Russia are shown.

Ключевые слова: российские публикации XIX в., источники, российско-египетский диалог, внутренняя и внешняя политика Мухаммеда Али, российское общественное мнение.

Key-words: Russian XIX century publications, sources, the Russia-Egypt dialogue, internal and foreign policy of Mohammed Ali, Russian public opinion.

УДК 930

Современный мир характеризуется глубокими процессами трансформации, охватившими практически все сферы жизни. Изменениям подвергаются политические, социально-экономические, научные, культурные и конфессиональные взаимоотношения между государствами.

На протяжении длительного времени Россия живет рядом с миром ислама. Одним из лидеров стран Ближнего Востока и Северной Африки в настоящее время является Египет. С этим государством Россию связывают вековые взаимоотношения, которые носили разный характер, но прошли испытание временем. «Увлечение» Египтом в России началось еще с конца XVIII в. Несмотря на то, что российское проникновение в этот регион было осложнено русско-турецкими войнами первой половины XIX в., русское общество использовало любую возможность для активного освоения Египта. Еще в 1840 г. отечественная газета «Санкт-петербургские ведомости» писала: «Ныне, более, нежели когда-либо, Египет сделался предметом любопытства иностранцев» [56]. Не исключением стали и российские подданные. Наиболее доступным в первой половине XIX столетия для русских было паломничество по святым местам. На протяжении XIX – XX вв. в Россию активно проникала египетская философия и культура, египетская тема прослеживалась в творчестве отечественных поэтов и пи-

Петрунина Ж. В.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

сателей. «Египетский стиль» появлялся в отечественной архитектуре, в декоративно-прикладном искусстве. Популярными стали светские поездки в Египет. Современный отечественный исследователь С.А. Кириллина выделила два основных периода активности русских подданных в Египте в XIX – начале XX в. В первой половине XIX в. повышение интереса было связано с изучением опыта выдающегося египетского паши Мухаммеда Али в области государственного реформирования. Опираясь на уже полученные сведения, отечественные путешественники второй половины XIX в. «обратили внимание на современную жизнь Египта, на кардинальные сдвиги, происходившие в культурно-интеллектуальной атмосфере, знакомили широкого читателя с живым Востоком» [34, 251 – 252]. Стоит отметить, что в пашалыке, где даже в российских представительствах «...чиновники, знающие русский язык, весьма редки ..., что все акты и книги Консульства ведутся на итальянском языке, и что сами русские подданные, мусульманские поклонники, татарских наших дальних губерний или жители Дагестана и закавказского края, большей частью ни слова по-русски не знают, а объясняются на ломаном турецком или лучше сказать татарским языком» [1], собирать материал было достаточно сложно.

Накапливаемые в России сведения о Египте использовались как в текущей политике, так и в научной жизни, они способствовали складыванию массовых представлений в российском обществе о Египте и стали достойным вкладом в изучение взаимодействия и диалога европейской и восточной культур. Академик В.В. Бартольд отмечал: «В XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные шаги, чем в Западной Европе» [7, 232].

Однако, несмотря на столь длительный период общения России с Египтом, и сегодня нельзя утверждать, что эта страна нами досконально изучена. Современной остается точка зрения, высказанная в 1840 г. российской газетой «Санктпетербургские ведомости» о том, что многие жители России могли бы с уверенностью сказать о Египте: «мы не знаем хорошо этой страны» [56].

В ходе развития международного сотрудничества политики и дипломаты используют разные методы для понимания российскими гражданами ментальности народов Ближнего Востока. Главная цель, которую они преследуют, – установление диалога, в процессе которого, заявляя о себе, важно стремиться не только быть услышанным, но и уметь слышать и слушать Другого – человека другой культуры, другого народа и другой эпохи.

Сегодня между Россией и Египтом продолжают укрепляться не только политические отношения. Контакты между государствами на официальном уровне дополняются развитием связей в области науки, культуры и туризма. При этом неофициальное общение между народами во многом зависит от сложившихся представлений о культуре, нравах, образе жизни друг друга. В этих условиях оправданно выглядит стремление российской общественности расширить свои знания не только о современной ситуации в Египте, но и узнать о жизни этого пашалыка в прошлом, когда только начинали налаживаться российско-египетские контакты. Объективность таких представлений, их влияние на современное мировидение, формирующийся положительный образ египетского народа во взглядах большей части жителей России зачастую становятся составляющей теплых и мирных официальных отношений между нашими государствами.

Несмотря на сложности при установлении политических и культурных связей между Россией и Египтом в первой половине XIX в., уже в то время в России существовали разные письменные источники, по которым в государство поступала информация о египетском пашалыке Османской империи. Во-первых, это публикации отечественной прессы, которые



включали политические обзоры и хронику текущих событий, воспоминания отечественных и иностранных путешественников, заметки по вопросам социально-экономического и политического развития Египта. Во-вторых, опубликованные служебные отчеты, консульские и военные обзоры, воспоминания, дневники, письма, путевые заметки путешественников, политиков, дипломатов, представителей военных ведомств, ученых, деятелей искусства разных стран. Их личные впечатления проливают свет на интересные, порой незнакомые или малоизученные, сведения и факты, помогают создать более полную картину происходившего в XIX в. в Египте. Такие работы стали ярким дополнением к материалам, помещенным в издававшихся в то время газетах и журналах.

Содержавшаяся в этих источниках информация позволяла отечественным читателям XIX в., отойдя от сложившихся стереотипов российской государственной политики в отношении Египта, интерпретировать события, высказывать собственные мнения и прогнозировать ситуацию на Ближнем Востоке.

Отметим, что события первой половины XIX в. в Египте находили живой отклик в русском обществе до 90-х годов позапрошлого столетия.

Лидирующие позиции в освещении ближневосточных событий занимала отечественная пресса. Сотрудники созданного 3 июля 1826 г. III Отделения собственной его императорского величества канцелярии внимательно следили за периодикой, а генерал А.Х. Бенкендорф лично сотрудничал с редакторами и издателями газет и журналов. В таких условиях сложно говорить об объективном отражении ситуации в Египте, а также глубоком анализе проблем, связанных с развитием пашалыка в период правления Мухаммеда Али. Тем не менее, правительственные журналы и газеты на своих страницах отводили место для рассмотрения ближневосточной тематики.

Официальные газеты «Санктпетербургские ведомости», «Северная пчела», «Московские ведомости», популярная военная газета «Русский инвалид» помещали сводки о текущих событиях в Египте. Из материалов этих изданий можно было получить лишь общие сведения об основных направлениях внешней и внутренней политики египетского паши. Начиная с 30-х гг. XIX столетия сообщения в газетах о ситуации в Египте стали более подробными. Этот факт объясняется закладывающимися противоречиями между турецким султаном Махмудом II и Мухаммедом Али, вылившимися в крупный конфликт, известный как «Египетский кризис» 30 – 40-х гг. XIX в., в разрешении которого приняли участие Англия, Франция, Россия, Австрия, Пруссия.

Значительная часть материалов по ближневосточным проблемам была помещена в журналах. Журнальные статьи, по сравнению с газетными сообщениями, были более содержательными. Ценным источником информации, зачастую дополняющим отечественные публикации, для большинства российских изданий служили материалы зарубежной печати.

Крупные журналы, которые в первой половине XIX в. знакомили читателей с египетскими событиями, такие, как «Сын Отечества и Северный Архив», издаваемый Ф. Булгариным и Н.Гречем, «Библиотека для чтения», где в качестве редактора работал О. Сенковский, «Московский телеграф», выпускавшийся Н. Полевым, «Военный журнал», «Вестник Европы», основанный Н. Карамзиным, «Исторический, статистический и географический журнал или Современная история света», выпускаемый М. Гавриловым, «Телескоп» Н. Надеждина, «Атеней» Н. Павлова, стояли на разных идейных позициях и отличались по длительности своего существования. Тем не менее, из публикуемых в них материалов российские читатели могли узнать о влиянии французской экспедиции Наполеона (1798–1801 гг.) на развитие Египта, получить представление о личности египетского паши Мухаммеда Али и о способах,

Петрунина Ж. В.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

которые он использовал для укрепления своей власти, о социально-экономических изменениях и политическом развитии пашалыка в первой половине XIX столетия, затронуть вопросы бедственного положения населения, взаимовлияния европейской и восточной культур, исследовать аспекты турецко-египетской борьбы в контексте ее влияния на международную обстановку в регионе [49; 48; 45; 31; 57; 44; 16].

В этот период газетные и журнальные статьи отражали официальную позицию российского двора, а их авторы не позволяли себе смелых трактовок событий.

Начиная с середины XIX в., несмотря на сложности, испытываемые издателями в связи с действиями цензуры, в России стало появляться много новых журналов. В 40-х гг. XIX в. лидерами стали «Отечественные записки» А.А. Краевского, «Современник» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева, где также работали В.Г. Белинский и А.И. Герцен, «Москвитянин» М.П. Погодина. Характер публикаций по проблемам развития Египта в это время изменился. Издания уже не довольствовались обсуждением только политических вопросов. Основное внимание в этих журналах было уделено освещению внутренних экономических и социальных проблем пашалыка. В 1859 г. «Современник» опубликовал «Письмо из Египта» А. Давыдова, в котором он отметил, что при Мухаммеде Али в пашалыке было «...много устроено прекрасных дорог, много засажено мест бесплодных, которые теперь обратились в прекрасные сады...» [24, 159]. В то же время, стали обсуждаться новые темы. Так, после путешествия ученого И. Березина и русского церковного деятеля Порфирия Успенского на Ближний Восток на страницах ряда изданий стала подниматься проблема положения христианского населения в мусульманском мире [12; 15; 63]. Интерес читателей могли привлечь и другие сообщения – о причинах появления и распространения чумы, о развитии здравоохранения в пашалыке, о проектах по строительству Суэцкого канала [61; 53; 32]. Важно отметить, что в журналах стали помещаться заметки отечественных путешественников, в то время как ранее отечественные журналы знакомили российских читателей в основном с «путешествиями» иностранцев [10; 11; 19].

Во время и после Крымской войны (1853–1856 гг.) внимание к Ближнему Востоку у российской интеллигенции стало еще более пристальным. Проблемы этого региона обсуждались на страницах «Русского вестника», выходящего под руководством М.Н. Каткова, «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, журналов «Древняя и новая Россия», «Исторический вестник», выпускавшихся С.Н. Шубинским. В это время стало актуальным обсуждение «Восточного вопроса». Вновь подвергалась анализу ближневосточная доктрина дипломатии Николая I. В целом ей давалась положительная оценка, в качестве главного недостатка определялось невнимание к христианским народам, населявшим Османскую империю [37; 38; 22; 33].

Таким образом, на протяжении всего XIX в. российские читатели со страниц периодических изданий могли получить представление о социально-экономических и политических особенностях развития Египта в период правления Мухаммеда Али, дать разные оценки действиям российской дипломатии.

Другим важным источником получения информации о Египте стали записки российских и иностранных путешественников, оказавшихся по разным причинам в пашалыке. Их работы выходили как самостоятельные издания или располагались на страницах журналов. Они были более подробными и насыщенными, чем газетные и журнальные сообщения, содержали разнообразные, порой полярные, оценки увиденных изменений в пашалыке. Путевые впечатления очевидцев и в настоящее время дают богатый материал для воссоздания



картины общественно-политической жизни Египта того времени, а также особенностей жизни местного населения.

В современной отечественной научной литературе существуют статьи и книги, в которых сообщается о российских подданных, посетивших Египет в XIX в. [3; 8; 9; 21; 25; 26; 27; 34; 59], поэтому в настоящей статье нет необходимости вновь подробно останавливаться на этом. Отметим имена отечественных путешественников и государственных деятелей, которые передали личные впечатления о Египте в своих книгах.

Одним из первых русских путешественников стал лингвист, русский писатель, востоковед О. И. Сенковский, путешествовавший по Египту в начале 20-х гг. XIX в. [58].

Свой вклад в ознакомление отечественных читателей с Египтом первой половины XIX в. внесли российские религиозные деятели и паломники (крепостной графа Шереметева Кир Бронников, историк православной церкви А.Н. Муравьев, поэт П.А. Вяземский, архимандрит Порфирий Успенский, писатель и востоковед А.С. Норов). Включение в их маршрут святых мест Ближнего Востока было связано с ослаблением позиций православия на Востоке [52; 40; 41; 18; 64; 46; 47].

В 40-х гг. XIX в. предприняли научные изыскания в Египте российские специалисты (врач А.А. Рафалович, медик А. Уманец, ученый Е.П. Ковалевский) [54; 62; 36].

В связи с кризисом на Ближнем Востоке в 30-х гг. XIX в. в Египте оказались отечественные политические деятели, задействованные в его урегулировании (генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев, уполномоченный от военного министерства А.О. Дюгамель, капитан Генерального штаба М.П. Вронченко, российский консул в Бейруте К.М. Базили). Русским дипломатам и военным представителям наряду с политическими задачами приходилось выполнять и исследовательские, уточняя топографические данные пашалыка, собирая сведения о быте, хозяйственной жизни, религии народов Египта [42; 29; 17; 4; 5; 6].

После турецко-египетского кризиса, с приходом к власти в 1855 г. Александра II, в России значительно возросла активность общественно-политической жизни, возобновились поездки на Ближний Восток российских подданных. Путешественники начали под новым углом рассматривать период правления Мухаммеда Али.

В 1871 г. Египет посетил прозаик, поэт, мемуарист, в то время директор Московского попечительного совета по тюрьмам В.А. Соллогуб [60].

Нужно признать, что к концу XIX в. интерес к деятельности Мухаммеда Али в русском обществе заметно упал. Новые политические и экономические события на Ближнем Востоке привлекали к себе внимание общества. Однако, совершая поездки в Египет, описывая архитектуру городов, вспоминая историю, российские путешественники, так или иначе, говорили о великом египетском паше [65; 66; 23; 2].

Между тем, важно помнить и о том, что на русское общественное мнение по вопросу развития Египта в период правления Мухаммеда Али оказывали влияние и опубликованные в России работы европейских авторов, переведенные на русский язык. Их можно объединить в несколько групп. Первая группа – мемуары французов, которые попали в Египет в составе армии Наполеона. В этих произведениях на фоне описания военных событий ведется повествование о проводимых французами реформах, которые, по их мнению, стали катализатором развития экономики в пашалыке [43; 28; 39; 13]. Вторая группа – взгляды на ситуацию в Египте путешественников, побывавших там в разное время. Подобно российским очевидцам, авторы давали характеристику деятельности Мухаммеда Али, отмечая его успехи и неудачи, описывали национальный состав его владений, климат и природу, положение населения и многое другое [30; 14; 20; 51]. Одной из самых подробных работ, которая используется ис-

следователями и поныне, являются мемуары французского врача, соратника египетского паши – Клот-бея, который стал не только очевидцем развития и становления нового египетского государства, но и активно участвовал в проводившихся реформах в пашалыке [35]. В произведениях иностранных авторов внимание было сосредоточено на социально-экономических аспектах развития Египта и совершенно не упоминалось о международных коллизиях, о российских интересах на Ближнем Востоке.

Таким образом, в XIX в. в России читающая публика не оставалась в стороне от крупных международных событий, которые влияли на внутреннюю и внешнюю политику ведущих государств мира. Отечественные читатели не могли остаться равнодушными к правлению Мухаммеда Али, которое по праву можно отнести к судьбоносным не только для Османской империи и Египта. При изучении исторических реалий египетской истории первой половины XIX в. использование всех доступных публикаций позволяет заинтересованным в этом вопросе людям реконструировать события, истолковать многогранные пространства смыслов и сделать прогнозы на будущее в развивающихся российско-египетских отношениях.

Отечественные публикации XIX в. по проблемам Египта способствовали формированию механизмов восприятия иной культуры в России и установлению межнационального диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВПРИ. Ф. 149. Оп. 502/1. Д. 461. Л. 30об. Выписка из донесения Г. Российского Генерального Консула в Египте Г. Директору Азиатского Департамента от 24 июля 1849 года № 12.
2. Андреевский, В. Египет. Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов / В. Андреевский. – М.-СПб. : Издание товарищества М.О. Вольф, 1886. – 521 с.
3. Африка глазами наших соотечественников. – М. : Наука, 1974. – 319 с.
4. Базили, К. Архипелаг и Греция в 1830–1831 гг. / К. Базили. Ч. 1 – 2. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1834.
5. Базили, К. Очерки Константинополя / К. Базили. Ч. 1 – 2. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1835.
6. Базили, К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях / К. Базили. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – 326 с.
7. Бартольд, В. В. История изучения Востока в Европе и в России / В. В. Бартольд – Л. : Изд-во Ленингр. ин-та живых восточных языков, 1925. – 320 с.
8. Белова, Г. А. Русские в стране пирамид: путешественники, ученые, коллекционеры / Г. А. Белова, Т. А. Шеркова. – М. : Алетей, 2003. – 268 с.
9. Беляков, В. В. «К берегам священным Нила». Русские в Египте / В. В. Беляков. – М. : Изд. центр ИСАА при МГУ, изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитар. исследований, 2003. – 304 с.
10. Берг, Н. В. Поездка в Египет / Н. В. Берг // Отечественные записки. – 1862. – Т. CXLV. – С. 295-326.
11. Березин, И. Н. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского ун-та И. Березина / И. Н. Березин // Журнал министерства народного просвещения. – 1847. – Ч. LV. – С. 1-24.
12. Березин, И. Христиане в Сирии / И. Березин // Москвитянин. – 1855. – № 2. – С. 17-56.
13. /Бертъе/. Записки маршала Бертъе, князя Невшальского, начальника главного штаба французской армии, о египетской экспедиции Наполеона Бонапарта / Бертъе. Т. 1–2. Пер. с фр. – М.: Тип. А. Семена, 1848.
14. Брэм, Э. Путешествие по Северовосточной Африке или странам подвластным Египту: Судану, Нубии, Сеннару, Россересу и Кордофану, д-ра Эдмунда Брэма / Э. Брэм. Ч. 1–2. – СПб. : Издание В.О. Ковалевского, 1869.
15. Взятие Константинополя и Иерусалима христианами и разрушение Оттоманской Порты по турецким преданиям и убеждениям // Москвитянин. – 1854. – № 12. – Отд. IV. – С. 144-145.
16. Военные силы паши Египетского // Военный журнал. – 1839. – № 4. – С. 155-157.



17. Вронченко, М. П. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М.В. / М. П. Вронченко. Ч. 1. – СПб. : Тип. Карла Крайя, 1839. – 286 с.
18. /Вяземский, П. А./ Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского (1849–1850 г.) / П.А. Вяземский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 108 с.
19. Гамазов, М. А. О Турции и Персии. Из записок путешественника / М. А. Гамазов // Современник. – 1857. – № 7. – С. 1-42; № 8. – С. 83-126.
20. /Гаркур, Ф. Ш./ Египет и египтяне. Соч. герцога Гаркура. / Ф. Ш. Гаркур : пер. с фр. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1895. – 250 с.
21. Горячкин, Г. Египет глазами россиян середины XIX – начала XX вв. Политика. Экономика. Культура / Г. Горячкин. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. – 331 с.
22. Граф Карл Нессельроде. Защита политики России и положения, принятого ею в Европе //Русская старина. – 1873. – Т.8. – Ноябрь. – С. 800-805.
23. Давидович, С. От Одессы до Каира. Путевые впечатления / С. Давидович. – Одесса : Тип. «Одесского вестника», 1886. – 139 с.
24. Давыдов, А. Письмо из Египта / А. Давыдов // Современник. – 1859. – Т. 9. – С. 159.
25. Данциг, Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период) / Б.М. Данциг. – М. : Наука, 1973. – 432 с.
26. Данциг, Б. М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX вв.) / Б.М. Данциг. – М. : Наука, 1968. – 432 с.
27. Данциг, Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке / Б. М. Данциг. – М. : Наука, 1965. – 272 с.
28. Денон, Д. В. Извлечение из путешествия гражданина Денона в Нижний и Верхний Египет, в продолжение кампании генерала Бонапарта, составленное Ле Граном, профессором архитектуры и членом многих ученых обществ / Д. В. Денон. – СПб. : Тип. Х. Гипце, 1833. – 178 с.
29. /Дюгамель, А.О./ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля / А. О. Дюгамель. – М. : Унив. тип, 1885. – 278 с.
30. Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйри и украшенное гравюрами. Т. 6. – М. : Тип. Николая Степанова, 1840. – 273 с.
31. Исторический и статистический взгляд на последнее десятилетие Турции //Телеграф. – 1832. – № 13. – С. 91-108; № 14. – С. 261-278, № 15. – С. 431-446.
32. Исторический обзор проектов и работ, относящихся к сообщению через Суэцкий перешеек // Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1850. – Кн. II. – С. 106-114.
33. Записка о Турции, поданная графу А.Х. Бенкендорфу в 1833 году // Русский архив. – 1895. – Кн. 3. – № 12. – С. 417-422.
34. Кириллина, С. А. Русские путешественники и миссионерские деятели в Египте XIX – начала XX в. и их взгляд на культурный подъем на Арабском Востоке / С.А. Кириллина //Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия : материалы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 24–27 мая 2000 г.). В 2 т. Т. 1. – Иркутск, 2000. – С. 250-255.
35. Клот-бей. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии / Клот-бей. Ч. 1 – 2. – СПб. : Тип. Штаба отд. корпуса внутренней стражи, 1843.
36. /Ковалевский, Е.П./ Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского / Е. Ковалевский. Т. 1 – 2. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1849.
37. Кочубинский, А. А. Наши две политики в славянском вопросе / А.А. Кочубинский //Исторический вестник. – 1881. – Т. 5. – Июнь. – С. 201-232; Июль. – С. 455-487.
38. Мартенс, Ф. Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I / Ф. Ф. Мартенс // Вестник Европы. – 1898. – Январь. – С. 5-32, Февраль. – С. 465-503, Март. – С. 5-44.
39. /Мармон/. Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. Ч. 1 – 4 ; пер. с фр.– М. : Изд. Ксенофонтом Полевым, 1840.
40. Муравьев, А. Н. Письма с Востока / А. Н. Муравьев. – М. : В тип. В. Готье, 1849. – 71 с.
41. Муравьев, А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 г. / А. Н. Муравьев. Ч. 1. – СПб. : Тип., состоящая при III Отделении Собственной Его императорского величества Канцелярии, 1832. – 298 с.

Петрунина Ж. В.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

42. Муравьев, Н. Н. Турция и Египет в 1832–1833 годах / Н. Н. Муравьев. Т. I – IV. – М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1869–1870.
43. /Наполеон/. Наполеон I, император французский. Экспедиция французов в Египет. Из записок Наполеона, изданных после его смерти французскими генералами, участвовавшими в сей экспедиции / Наполеон. Пер с фр. – М. : Унив. тип. 1832. – 222 с.
44. Наполеон Бонапарте мусульманин // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. 13. – С. 15-17.
45. Новые подробности о Наваринском сражении // Исторический, статистический и географический журнал. – 1827. – Ч. 4. – Кн. 2. – С. 140-145.
46. /Норов, А. С./ Путешествие по Египту и Нубии в 1834 – 1835 годах Авраама Норова /А. С. Норов. Ч. I – II. – СПб. : Типография III отд. Собств. Его имп. в. Канцелярии, 1840.
47. /Норов, А. С./ Путешествие по святой земле в 1835 году / А. С. Норов. Т. I – II. – СПб. : Типография III отд. Собств. Его имп. в. канцелярии, 1854.
48. О нынешнем состоянии Египта // Северный архив. – 1825. – Ч. 15. – С. 131-174.
49. Отрывки, содержащие некоторые любопытные подробности о Турции, Сирии и Египте // Вестник Европы. – 1804. – № 20. – С. 289-310.
50. Отчет о путешествии в Северо-Восточный Судан (г. Ценковского) // Географические известия, издаваемые императорским географическим обществом. – СПб. : В типографии Министерства внутренних дел, 1850. – С. 202-226.
51. /Пери-Фогг, В./ Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии В. Пери-Фогга / В. Перри-Фогг ; пер. с англ. Борисовской. – СПб. : Изд. ред. журнала «Русских и переводных романов и путешествий», 1876. – 295 с.
52. Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. – М. : Тип. С. Селивановского, 1824. – 287 с.
53. Рафалович, А. А. Записки русского врача, отправленного на Восток / А. А. Рафалович //Журнал министерства внутренних дел. – 1847. – Июнь. – С. 494–519; Июль. – С. 152–163; Сентябрь. – С. 481-507; Октябрь. – С. 145-160; Ноябрь. – С. 325-337; Декабрь. – С. 506-515; 1848. – Июнь. – С. 426-447; Сентябрь. – С. 532-555; Октябрь. – С. 167-173; Ноябрь. – С. 329-349.
54. Рафалович, А. А. Путешествие по нижнему Египту и внутренним областям Дельты / А. А. Рафалович. – СПб. : Типография Я. Трея, 1850. – 443 с.
55. Предполагаемое соединение Черного и Средиземного морей. История древнего Суецкого канала и проектов его возобновления //Москвитянин. – 1856. – № 4. – С. 439-448.
56. Санктпетербургские ведомости. – 1840. – № 185. – 17 августа.
57. Свидание с Ибрагимом-пашею // Телескоп. – 1834. – Т. 19. – С. 309-319.
58. Сенковский, О. И. Посещение пирамид в 1821 году. Собрание сочинений Сенковского / О.И. Сенковский. Т.1. – СПб. : Тип. Академии наук, 1858. – С. 8-24.
59. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. – М., 1991.
60. Соллогуб, В. А. Новый Египет / В. А. Соллогуб. – СПб. : Типография Скарятин, 1871. – 166 с.
61. Уманец, А. А. Карантинная система в Турции / А. А. Уманец // Журнал министерства внутренних дел. – 1844. – Май. – С. 330-340.
62. Уманец, А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле / А. А. Уманец. Ч. I – II. – СПб. : Типография III отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1850.
63. /Успенский/. Сирийская церковь / Успенский //Из журнала Министерства народного просвещения. – 1850. – № 9. – 30 с.
64. /Успенский/. Путешествия по Египту и в монастыри Святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского, в 1850 году архимандрита Порфирия Успенского / Успенский. – СПб. : В типографии Императорской Академии наук, 1856. – 294 с.
65. Щербачев, Ю. Н. Поездка в Египет. Из Константинополя в Каир. По Нилу и на Суэцком канале / Ю. Н. Щербачев. – М. : Унив. тип., 1883. – 341 с.
66. Юрасов, С. Путешествие по Востоку / С. Юрасов. – Самара : Изд. Новикова И.П., 1888. – 133 с.

Золотухина В.П., Случанинов Н.Н.
Zolotukhina V.P., Sluchaninov N.N.

ОСОБЕННОСТИ КУРСА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ МАГИСТРОВ-ЭНЕРГЕТИКОВ

PECULIARITIES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING FOR MA STUDENTS OF POWER ENGINEERING



Золотухина Валентина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой «Общий и профессиональный английский язык» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 8(4217)257287. E-mail: zval@kmscom.ru

Ms. Valentina P. Zolotukhina – PhD in Education, Associate Professor, head of the Department of General & Professional English, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel.: 8-(4217)-257287, E-mail: zval@kmscom.ru



Случанинов Николай Николаевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Тепловые энергетические установки» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 8(4217)273240. E-mail: snn@kmscom.ru

Ms. Nikolay N. Sluchaninov - PhD in Engineering, Associate Professor of the Department of Heat & Power Plants (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel.: 8-(4217)-273240, E-mail: snn@kmscom.ru

Аннотация. В статье предлагается методика обучения магистров-энергетиков иностранному языку, основанная на использовании кейс-метода. Показаны преимущества данного подхода по сравнению с традиционными методами.

Summary: The paper presents a foreign language teaching technique based upon the case-study method. The advantages of the approach in comparison with traditional concepts are shown.

Ключевые слова: магистр, иноязычная профессиональная коммуникация, кейс-метод, энергетика.

Key-words: Master, foreign language professional communication, case-study method, energy industry.

УДК 800:372.8

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 140100 – Теплоэнергетика и теплотехника «магистр должен владеть деловым профессионально-ориентированным иностранным языком» [1]. Стандарт действует с 18 ноября 2009 г., но нет методики обучения магистров иностранному языку. «Профессионально-деятельностная сторона иноязычного общения» остается вне поля зрения исследователей [2].

В КнАГТУ накоплен определенный опыт подготовки магистров по многим специальностям и научным направлениям. В рамках магистерского курса обучения уделяется большое внимание изучению иностранного языка с целью овладения им как средством, в первую очередь, профессионального общения в различных сферах научной и технической деятельности.

Используя европейский опыт обучения магистров иностранному языку и пытаюсь максимально приблизить его к российским условиям, мы активно использовали кейс-метод. В настоящее время эффективность данного метода для профессиональной подготовки специалистов является общепризнанной в зарубежной методике [4].

Опыт обучения иностранному языку с использованием кейс-метода позволяет успешно решить следующие задачи:

- отработать умение затребовать дополнительную информацию (на русском и английском языках);
- овладеть навыками и приемами анализа «хозяйственной» или производственной ситуации;
- приобрести навыки применения теоретических знаний для анализа практических проблем;
- наглядно представить особенности принятия решения в ситуации неопределенности;
- приобрести навыки ясного и точного изложения собственной точки зрения в устной и письменной форме (на русском и английском языках);
- выработать умение убедительно обосновывать и защищать свою точку зрения (на русском и английском языках);
- отработать навыки критического оценивания точки зрения других (на русском и английском языке);
- научиться принимать самостоятельное решение на основе группового анализа ситуации.

При разработке кейсов мы исходили из того, что он, во-первых, максимально приближен к действительности, во-вторых, задание должно быть подобрано таким образом, чтобы можно было пользоваться разными способами для решения.

Как правило, кейс составляется на русском языке. Мы предлагаем приблизительную схему занятия (таблица).

Этапы профессионального обучения с использованием кейс-метода

Этап работы	Действия преподавателя	Действия студентов-магистров
До занятия	1. Разработка описания кейса. 2. Определение списка соответствующей литературы. 3. Разработка сценария занятия.	1. Получение описания кейса. 2. Ознакомление с предложенной литературой. 3. Самостоятельная подготовка.
Во время занятия	4. Организация предварительного обсуждения. 5. Руководство групповой работой. 6. Организация итогового обсуждения.	4. Получение дополнительной информации. 5. Представление своего варианта решения. 6. Выслушивание точек зрения других участников.
После занятия	7. Оценка работы магистров.	7. Письменный отчет.

Что касается материала для иноязычного профессионального общения, то кафедра «Общий и профессиональный английский язык» (ОПАЯ) совместно с кафедрами «Теоре-



тические основы электротехники» (ТОЭ) и «Тепловые энергетические установки» (ТЭУ) КНАГТУ разработали кейсы для магистров-энергетиков.

Кейс 1

Возрастающая стоимость энергоресурсов привела к необходимости повышения эффективности их использования. Быстрый рост тарифов на электрическую и тепловую энергию в последние годы особенно заметен.

Рост тарифов обусловлен в основном увеличением стоимости энергоносителей, износом генерирующих источников и транспортных коммуникаций энергоносителей.

Стабильность тарифов на энергоносители возможна при балансе цен на них на внутреннем и внешнем рынке или при условии изменения политики Правительства РФ, влияющей и регулирующей цены на внутреннем рынке.

Реформа РАОЭС не внесла оптимизма в быстрой стабилизации цен на электроэнергию, более того реформа ситуацию ухудшила. Поэтому осознание необходимости эффективной экономии энергоресурсов – обязательный фактор для региона, административного образования, предприятия.

В рамках программы «Энергосбережение» РФ и закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении» во многих субъектах страны разрабатываются свои концепции энергосбережения, отражающие специфику региона, муниципального образования. Программы по энергосбережению разрабатываются и отдельными предприятиями.

Группа 1

Обосновать необходимость и разработать программу по энергосбережению для г. Комсомольска н/А.

Элементами программы по энергосбережению в городе могут быть:

1. Перевод городских предприятий на дифференцированную по времени суток форму расчетов за электроэнергию.
2. Устройство автоматических систем учета тепла, воды, газа.
3. Внедрение систем управления и распределения тепла в зданиях различного назначения.
4. Устройство локальных тепловых узлов с электронагревом, работающих в зоне льготных режимов с теплоаккумуляторами.
5. Реконструкция и техническое перевооружение энергогенерирующих источников, коммуникаций сетей тепло-, электро- и водоснабжения.
6. Устройства электронной пускорегулирующей аппаратуры (ЭПРА) для газоразрядных ламп освещения и устройств автоматического управления городским освещением.
7. Устройство систем частотно-регулируемых приводов для двигателей, используемых в городском коммунальном хозяйстве.
8. Диспетчеризация учета энергоносителей в масштабах города.
9. Внедрение высокоэффективных источников энергии.

Группа 2

Обосновать необходимость и разработать программу по энергосбережению для одного из промышленных предприятий города.

Разработка программы энергосбережения предприятия возможна только после проведения энергоаудита, который может включать следующие пункты:

1. Сбор и анализ необходимой информации по отчетам предприятия (документации) для получения балансов потребления энергии. Анализ энергоэкономических показателей промышленного предприятия и оценки необходимости проведения энергоаудита.

2. Инструментальное обследование предприятия для определения величин потребления энергоресурсов отдельными цехами, участками, крупным оборудованием с составлением балансов энергии по ним с целью выявления участков с нерациональным расходом энергоресурсов.

3. Разработка энергосберегающих проектов и их объединение в программу повышения энергоэффективности предприятия, т.е. программу по энергосбережению. Составить долгосрочный план реализации энергосбережения на предприятии.

Работа преподавателя иностранного языка с магистрами требует творческого подхода, знания не только иностранного языка и методики преподавания, но самое главное – тесного сотрудничества со спецкафедрами факультетов.

В заключение отметим, что для того, чтобы существенно повысить эффективность обучения, недостаточно однократного использования кейс-метода. Для выработки и закрепления соответствующих навыков необходимо его многократное и регулярное использование в процессе профессиональной подготовки магистров. С этой целью авторский коллектив преподавателей (А.Р. Куделько, В.П. Золотухина, Н.Н. Случанинов) работают над пособием «Технический английский язык для магистров. Модель профессионального устного общения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 140100 – Теплоэнергетика и теплотехника, 2009.
2. Гальскова, Н. Д. Современные методики обучения иностранным языкам : пособие для учителя. / Н. Д. Гальскова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АРКТИ-ГЛОССА, 2003. – 192 с.
3. Зыкова, В. Н. Понятие сферы профессионального общения при обучении курсантов судоводительских факультетов / В. Н. Зыкова // Современные тенденции обучения иностранным языкам : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Рос. гос. пед. ун-т им А. Н. Герцена и др. – СПб, 1999. – С. 186-189.
4. Долматовская, Е. Ю. Реализация принципа преемственности при развитии коммуникативной компетенции на продвинутом этапе неязыкового вуза / Е. Ю. Долматовская // Преподавание и изучение иностранных языков: традиции и новации : материалы науч.-практ. конф. – М., 2002.
5. Jack C. Richards, Willy A. Renandya *Methodology in language teaching. An anthology of current practice.* - Cambridge University Press, 2002.

Наливайко Т.Е., Шинкорук М.В.
Nalivayko T.E., Shynkoruk M.V.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DEVELOPMENT OF STUDENTS' SOCIAL COMPETENCE IN THE SYSTEM OF EXTENDED EDUCATION



Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Head of the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Provost for Educational Work at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel.: 8 (4217) 539825, e-mail: tenal@knastu.ru



Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya Street, ap. 21, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel.: 8 (421) 272805, e-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных подходов к определению дополнительного образования; выделены целевые ориентиры, задачи и специфические условия реализации воспитательного потенциала системы дополнительного образования. Анализ задач и условий реализации дополнительного образования позволил показать его значительную роль для расширения образовательного пространства учебного заведения с целью развития социальной компетентностей обучающихся.

Summary: The paper reviews the basic approaches to the definition of what extended education is; goals, objectives and specific conditions for achieving the educational potential of the extended education system are singled out. The analysis of goals and specific conditions for achieving the educational potential of the extended education system enables us to demonstrate its significant role in the expansion of 'educational space' at an educational institution, with the purpose of developing students' social competence.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, социальная компетентность, дополнительное образование.

Key-words: competence-based approach, competence, social competence, extended education.

УДК 159.5 (07)

Общество будущего – это общество с востребованным, актуальным знанием, позволяющим решать проблемы в различных сферах жизнедеятельности. Сегодня в науке ведутся активные поиски теоретических основ обеспечения функционирования такого общества. В

педагогике все более популярным становится компетентностный подход, при котором образовательные результаты признаются значимыми за пределами системы образования.

В компетентностном подходе в качестве образовательного результата рассматриваются компетентности – социальная, коммуникативная, предметная и др. Вопрос о структуре и содержательном наполнении ключевых компетентностей является одним из основных в исследованиях обозначенной тематики. Особенно он касается социальной компетентности как самой ёмкой и широкой, включающей разнообразные стороны и проявления человека как социального существа: отношение к себе, деятельность, общение.

По мысли И.А. Зимней, «все компетентности социальны в широком смысле этого слова, ибо они вырабатываются, формируются в социуме. Они социальны по своему содержанию, они и проявляются в этом социуме» [5, 26].

Социальная компетентность в целом может рассматриваться как общее собирательное понятие, свидетельствующее об уровне социализации человека.

Важной составляющей любой компетентности является деятельностное умение, включающее навык, т.к. овладение компетентностью означает способность применить имеющиеся знания и опыт в конкретной ситуации. В соответствии с этим внимание по отношению к компетентности направлено на практическую ситуацию, где компетентности развиваются.

Анализ традиционной образовательной практики показывает, что для создания практико-ориентированных ситуаций, моделирующих современную действительность, ресурсов общего образования недостаточно. В связи с этим весьма перспективной в решении задач формирования социальной компетентности обучающихся представляется идея взаимодействия основного и дополнительного образования как практико-ориентированной формы организации социально-созидательной деятельности обучающегося. Это положение усиливается наличием некоторых противоречий в практике образования:

- между потребностью учащегося в самореализации, самостоятельных индивидуальных и коллективных действиях и недостаточностью используемых образовательным учреждением форм социализации для решения индивидуальных задач взросления;
- между потребностью учащихся и их родителей в развитии навыков социального взаимодействия, навыков анализа и прогнозирования собственных действий в разных социальных ситуациях, умений продуктивного, развивающего общения и доминированием вербально репродуктивных форм образовательного процесса;
- между востребованностью ценностей гуманистического подхода и недостаточностью социального опыта учащихся, педагогов, родителей по актуализации этих ценностей в процессе совместной деятельности.

Система дополнительного образования является подсистемой общего образования, решающей задачу реализации прав человека на полноценное развитие и самореализацию, на отдых и досуг. В соответствии с Законом РФ «Об образовании» в основу её положена преобразованная система внешкольных учебно-воспитательных учреждений. Она связана с двумя проблемами: досугом детей и их свободным временем.

Под свободным временем как социально-педагогической категорией принято понимать внепроизвольную деятельность человека. Если рассматривать данную категорию по отношению к детям, то это внеурочная деятельность, заполненная специфическими видами занятий. Характеризуется она добровольностью, самостоятельностью, интересом, творчеством. В теории социологии и педагогики принято классифицировать свободное время по видам деятельности с учетом индивидуальных и групповых увлечений, места проведения досуга. Свободное время включает два вида взаимоотношений: восстановительный, т.е. развлекательный, и активный, направленный на творческое развитие личности. Вот почему проблема занятости детей (подростков) в свободное время как один из элементов содержания воспитания так волнует и родителей, и педагогов, и самих детей, особенно в подростковом и юношеском возрасте [6, 281-282].



Несмотря на то что дополнительное образование как педагогическая проблема всё чаще становится предметом обсуждения, его сущность раскрывается весьма неоднозначно. Многообразие в понимании феномена дополнительного образования объясняется многоаспектностью этого понятия. Определенное толкование дополнительного образования заложено в Законе РФ «Об образовании» (ст. 9, 17, 26). Содержание приведенных статей Закона позволяет выделить три аспекта дополнительного образования: 1) классификацию образовательных программ (ст. 9); 2) типы образовательных учреждений; 3) место реализации дополнительных образовательных программ (ст. 26).

Позднее в исследованиях современных ученых и педагогов-практиков понятие дополнительного образования наполнялось содержанием и смыслом.

Так, Е.Б. Евладова рассматривает дополнительное образование «как процесс свободно избранного ребенком освоения знаний, способов деятельности, ценностных ориентации, направленный на удовлетворение интересов личности, ее предпочтений, склонностей, способностей и содействующий ее самореализации и культурной (в том числе социальной) адаптации» [4, 9].

А.В. Скачков дает определение дополнительного образования как специфической органической части системы общего образования, представляющей собой процесс и результат становления личности ребенка в условиях развивающей среды, предоставляющей детям интеллектуальные, психолого-педагогические, образовательные, развивающие услуги на основе свободы выбора и самоопределения [7, 12].

В.А. Березина определила дополнительное образование как процесс добровольно избранного ребенком освоения видов деятельности и области знания, выходящих за рамки обязательного (общего, начального, профессионального) образования, направленный на удовлетворение его интересов склонностей, способностей, содействующий саморазвитию, самообразованию, самореализации и самоопределению человека [1, 11].

А.И. Щетинская отмечает, что «дополнительное образование детей в современных условиях – неотъемлемая часть системы непрерывного образования; непрерывное, вариативное, разноуровневое, превышающее базовый компонент образования, реализуемое личностью в свободное время и призванное обеспечить ребенку дополнительные возможности для духовного, интеллектуального и физического развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей» [8, 22].

В определении В.А. Горского: «Дополнительное образование – это особое образовательное пространство, где объективно задается множество отношений, где не только осуществляются специальные развивающие познавательные игры и освоение опыта исполнительского мастерства, творчества и эмоционально-ценностных отношений обучающихся, но и расширяются возможности для жизненного самоопределения детей и подростков» [2, 7].

Анализ представленных определений позволяет выделить основную доминанту дополнительного образования – создание условий для развития склонностей, способностей ребенка, его самообразования, самореализации и самоопределения, освоения социального опыта и эмоционально-ценностных отношений, включения ребенка в творческий поиск.

Основными задачами системы дополнительного образования являются [6, 283-284]:

- выявление интересов, склонностей, способностей, возможностей детей (подростков) к различным видам деятельности;
- оказание помощи в выборе учреждения дополнительного образования, кружка, факультатива, лаборатории, центра, клуба, формы участия в нем;
- создание условий для развития ребенка (подростка) в избранной сфере внеурочной деятельности – материальных и духовных средств (атмосферы, психологического климата, квалифицированных специалистов...);
- формирование системы знаний, умений и навыков в избранном направлении деятельности;
- создание опыта творческой деятельности, развитие творческих способностей;

- создание необходимых условий и обстоятельств для реализации приобретенных знаний, умений и навыков (обмен опытом, отчетные концерты, опубликование работ, участие в смотрах, конкурсах, научно-практических конференциях, вечерах, творческих отчетах, выставки и смотры произведений творчества, ярмарки-продажи произведенной продукции, подарки в благотворительных целях и т.д.).

Осмысление обозначенных задач позволяет увидеть, что основной направленностью системы дополнительного образования выступает формирование компетентности школьников, т.е. основанной на знаниях, способности решать разного рода проблемы в определенной(ых) области(ях), в первую очередь – социальной сфере. Это позволяет зафиксировать особое, приоритетное значение дополнительного образования в формировании социальной компетентности обучающихся.

В каждом из представленных выше определений отмечается, что система дополнительного образования основана на принципе добровольного участия в деятельности детских и молодежных объединений и мероприятиях, которые проводят учреждения дополнительного образования. В связи с этим создание возможностей для свободного выбора обучающимися привлекательных для них видов деятельности является необходимым условием самого существования дополнительного образования. С этой точки зрения система дополнительного образования обладает более благоприятными возможностями по сравнению с общеобразовательным учреждением, в котором неизбежна достаточно жесткая регламентация целей, содержания и условий образовательной деятельности.

Воспитательный потенциал системы дополнительного образования реализуется и в других специфических условиях, среди которых выделяют:

- творческий характер деятельности, поскольку в подобные объединения приходят, как правило, люди увлеченные, нацеленные на творчество;
- высокий уровень профессионализма, т.к. отдельные дела, секции, кружки, клубы ведут специально подготовленные люди, мастера дела;
- многопрофильность: в одном объединении кружки, клубы, секции, различные формы воспитательной работы; это позволяет пришедшему сюда подростку выбрать занятие по душе, найти себя, переходить от одного занятия к другому, общаться с разными людьми;
- отсутствие давящей обязательной оценки, официального (формального) статуса («ученик», «сын», «участник кружка»...);
- иное помещение, место, которое человек выбирает сам; порой это широкая природно-социальная среда: парки, леса, усадьбы, реки и море, исторические места, культурные центры, научные или производственные объекты...;
- опыт неформального общения, взаимодействия, сотрудничества с интересными людьми, творческими личностями, одухотворенными взрослыми и сверстниками; опыт дружества поколений; в «условиях учреждения дополнительного образования такой опыт всегда выступает как опыт «соприкосновения» духовных миров обучающихся и педагогов, поскольку педагоги в этой системе имеют возможность быть менее «функциональными» по сравнению со школьными учителями» [3, 36];
- опыт жизнедеятельности и общения в коллективах высокого уровня развития, где наиболее успешно происходит самоактуализация личности, ибо созданы условия для проявления и развития всех её признаков;
- возможность выхода в любое время, в любой момент (в отличие от невозможности уйти от школьного воспитания), т.е. существенен момент ненасилия;
- система дополнительного образования может существенно компенсировать недостатки и разрешить противоречия школьной системы воспитания (обязательной, регламентированной, авторитарной): например, нередко трудные дети, изгои школьного коллектива находят себя и успешно занимают позиции лидеров в учреждениях дополнительного образования [6, 284-285].

Анализ задач и условий реализации дополнительного образования дает возможность показать его значительную роль для расширения образовательного пространства учебного заведения с целью развития социальной компетентности обучающихся. В круг значимых для воспитанников проблем включаются проблемы самопознания и самореализации, в том числе в решении социально значимых задач (поскольку практическая деятельность подростков и юношей в сфере дополнительного образования всегда имеет определенную социальную мо-



тивацию). Это является важным источником развития социальной компетентности, овладению которой в значительной степени способствуют освоение новых источников информации, в том числе собственного опыта творческой деятельности, общение с компетентными людьми, межличностное общение, основанное на интересах в одном и том же виде деятельности. Туристические походы, экскурсии, проектная деятельность в кружках технического творчества, театральные постановки, концерты, организация выставок творческих работ и другие формы дополнительного образования представляют собой такие источники знаний о жизни, о самом себе и специальных областях культуры, которые не могут быть заменены ни уроками, ни другими источниками общеобразовательных знаний.

Дополнительное образование позволяет полнее использовать потенциал основного образования за счет углубления, расширения и применения полученных знаний. Оно компенсирует неизбежную ограниченность основного образования путем реализации досуговых и индивидуальных образовательных программ, даёт возможность каждому ребёнку удовлетворить свои индивидуальные познавательные, эстетические, творческие запросы. Вместе с тем в условиях вариативной образовательной системы растёт спрос на такие программы дополнительного образования, которые компенсировали бы известную односторонность профильного обучения в общеобразовательном учреждении, способствовали бы «гармонизации» общего образования [3, 37].

Итак, дополнительное образование является необходимым компонентом современного общего образования. Спецификой дополнительного образования является предоставляемая им возможность выбора, отличающаяся не только более высокой степенью свободы выбора, но и объектами выбора. Дома творчества, экологические центры, клубы, студии, мастерские и другие формы дополнительного образования могут предложить обучающимся различные виды основанной на их когнитивном опыте практической деятельности, в рамках которой возможны различные уровни достижения. Социально-ориентированный характер деятельности, включение в разнообразные формы социального взаимодействия, разноуровневый, преимущественно неформальный способ общения, запрос к коммуникативным способностям личности позволяют говорить о высоком потенциале системы дополнительного образования в развитии социальной компетентности учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина, В. А. Дополнительное образование детей как средство их творческого развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Березина Валентина Александровна. – М., 1998. – 22 с.
2. Горский, В. А. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей института общего среднего образования РАО / В. А. Горский, А. Я. Журкина, Л. Ю. Ляшко, В. В. Усанов // Дополнительное образование. – 2000. – № 1.
3. Дополнительное образование детей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. О. Е. Лебедева. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 256 с.
4. Евладова, Е. Б. Развитие дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях / Е. Б. Евладова, Л. А. Николаева. – М., 1996. – 133 с.
5. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
6. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 480 с.
7. Скачков, А. В. Дополнительное образование как социально-педагогическая проблема: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Скачков Андрей Владимирович. – Ростов н/Д., 1996. – 24 с.
8. Щетинская, А. И. Развитие творческого потенциала педагога в условиях совершенствования дополнительного образования детей: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Казань, 1999. – 38 с.

Шароватова С. А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Шароватова С.А.

Sharovatova S. A.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

PROFESSIONAL MOTIVATION AT A CONTEMPORARY COLLEGE/UNIVERSITY



Шароватова Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольско-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, главпочтамт, до востребования; 89098886997. E-mail: Sharovatova@list.ru.

Ms. Svetlana A. Sharovatova – PhD in Education, Associate Professor, Department of General and Professional English, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). 681000, Komsomolsk-on-Amur, Central Post Office, *poste restante*, tel.: 8 (909) 8886997, e-mail: Sharovatova@list.ru

Аннотация. В статье приводятся значения термина «мотив», определение термина «мотивационная сфера», наиболее типичные мотивы профессиональной деятельности. Сопоставлены иерархия потребностей и уровни мотивации, а также рассмотрена оптимальная структура профессиональной мотивации, способствующая повышению эффективности труда.

Abstract: The paper reviews the definitions of the terms “motive” and “motivational sphere”, along with the most typical motives for professional activity. Needs’ hierarchy and motivation levels are compared. A proper structure of professional motivation which contributes to the increase of work efficiency is also considered.

Ключевые слова: обучение, потребность, мотив, профессиональная мотивация, профессиональная деятельность.

Key words: education, need, motive, professional motivation, professional activity

УДК 159.9: 331.101.3

В основе эффективности профессионального образования лежат различные мотивационные факторы, поскольку в психологии давно признается тот факт, что познавательная деятельность, наряду с операционными компонентами (знаниями, умениями и навыками), также включает и мотивационные (мотивы, интересы и отношения). Мотивация как движущая сила поведения человека занимает главное место в структуре личности, пронизывая такие из ее образований, как направленность, характер, эмоции, способности, психические процессы (восприятия, внимания, памяти, мышления, воображения) и деятельность.

В работах разных авторов термин «мотив» употребляется в таких значениях, как побуждения, направленность, условия, желание, стремление, потребность, сознание долга и необходимость. Следует также отметить, что не мотив или потребность в их отдельности, но целостный комплекс взаимосвязанных детерминант – мотивационное отношение – определяет личность человека. А. Б. Орлов отмечает, что первый тип – аффективно акцентированные мотивационные отношения с высоким потенциалом активации и побуждения и второй тип – когнитивно акцентированные мотивационные отношения обычно воспринимаются в качестве *внешних мотивов*. Гармоничные мотивации третьего типа – склонности, получившие в психологии название «состояние потока» – считаются *внутренними мотивами* [9]. «Состояние потока» или «ощущение потока» (в трактовке А. К. Марковой) возникает у человека только в том случае, если он получает удовольствие от самой деятельности. Это «золотая се-



редина», своего рода «лезвие бритвы» между скукой и тревожностью, довольно редкое своеобразное субъективное состояние [6].

Обучение, играющее важнейшую роль в мотивации человека, предполагает передачу значений (информации) и смыслов. Однако если значения можно передавать студентам с помощью книг, лекций, компьютерных средств, то смыслы можно демонстрировать перед ними лишь в собственной деятельности, получая удовлетворение от своей работы, передавая свое внутреннее мотивированное отношение к знаниям, преподаваемому предмету и процессу обучения в целом.

Немаловажным фактором успешности тренинга внутренней мотивации является ощущение обучающимися собственной компетентности в случае присутствия в учебных ситуациях позитивной обратной связи (похвалы, одобрения, переживания успеха). На базе состояния успеха, к примеру, возможно формирование устойчивых чувств удовлетворения, новых более сильных мотивов деятельности, а также изменение уровня самооценки.

Мотивационные установки имеют тенденцию переключаться на более успешные виды деятельности, которые соответствуют сформированным возможностям человека. Положительное мотивационно-ценностное отношение к соответствующей деятельности (потребность, интерес, идеал) служит причиной переключения функционально-энергетических ресурсов человека на эти виды деятельности, вследствие чего происходит формирование соответствующих способностей. В сфере профессиональной мотивации положительное отношение к профессии в силу связи этого мотива с конечными целями обучения играет важнейшую роль и детерминирует формирование других, более частных мотивов.

Наличие сильных познавательных мотивов в мотивационной сфере студента необходимо для успешного осуществления его учебно-профессиональной деятельности. Под *мотивационной сферой* личности, базируясь на психологических представлениях о мотивации В. К. Вилюнаса, В. И. Ковалева, Б. Ф. Ломова и др. исследователей, А. А. Реан понимает «...совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию и выражающих направленность личности» [10, 56]. Понятием мотивационной сферы объединяются все побудительные источники активности личности, а именно: потребности личности, ее интересы, убеждения, установки, идеалы, жизненные цели и ценности и др. Одним из первостепенных условий формирования и развития мотивационной сферы человека Б. Ф. Ломов считает организацию его профессиональной подготовки и профессиональной деятельности, способствующую раскрытию перспектив его развития и общественной значимости его деятельности [5].

В ходе профессионализации личности можно наблюдать ряд изменений, происходящих в мотивационной сфере. В частности, изменение уровня освоения деятельности связано с изменением системы профессиональных мотивов, поскольку на разных этапах профессионализации ведущими становятся различные мотивы. Данный феномен получил у В. Д. Шадрикова название «дрейфа мотивов» [11]. Процесс формирования мотивов трудовой (профессиональной) деятельности заключается в раскрытии возможностей профессии по удовлетворению потребностей личности в различных формах. Характер мотивации находится в прямой зависимости от особенностей этапов профессионального становления субъекта, а именно выбора профессии, реализации деятельности, профессиональной переориентации и переподготовки.

А. А. Вербицкий и Г. А. Суворова выделяют два типа уровней мотивационных факторов – комплекса обстоятельств, которые связаны с деятельностью человека в профессиональной среде [2]. Среди *внешних* факторов можно выделить социально-экономическую значимость конкретной профессии в обществе, формальным выражением которой являются средний уровень заработной платы специалистов, льготы, гарантии, условия работы, престижность. Выбор абитуриентами определенного вуза для поступления и получения высшего образования в целом обусловлен данной группой факторов. В группу *внутренних* факторов входят общая система организации обучения и стимулирования достижений студентов, воздействие преподавателя на мотивационную сферу студента через разнообразные педагогиче-

ские технологии и приемы активизации учебной деятельности, информирующие, т.е. поддерживающие автономность, а не контролирующие отношения со студентами, и другие моменты.

Среди основных признаков психологического климата, поддерживающего автономность, выделяется предоставление преподавателем студентам свободы выбора без жестких требований и ограничений, с информирующей обратной связью, с предварительным оговариванием и последовательным соблюдением определенных принципов и норм поведения. Таким образом, на формирование мотивов учебно-профессиональной деятельности влияет стиль педагогической деятельности преподавателя. В то время как авторитарный стиль формирует внешнюю мотивацию, демократический стиль общения с обучаемыми способствует созданию внутренней мотивации. Попустительский стиль приводит к снижению мотивации, что совершенно недопустимо, так как студенты полностью утрачивают интерес к учебе.

Основным мотивом в учении у студентов должно стать стремление к *самоактуализации*. Главные мотивы самоактуализованного человека, движимого потребностью в саморазвитии, самовыражении и самовоплощении, – мотивы роста; внешние обстоятельства, другие люди и культура в целом практически не оказывают влияние на подобных людей. Сам процесс деятельности, ее самоценность являются для них источником удовольствия и обладают гораздо большей значимостью, чем результат. Эти люди умеют превратить самую рутинную работу в веселую игру, способ выражения. Свою профессиональную деятельность они воспринимают с такой же легкостью и юмором [7]. Переживая удовольствие от самого процесса деятельности, человек концентрируется на самом переживании, и таким образом время протекает значительно быстрее, так как остается за пределами внимания. И наоборот, субъективное восприятие времени кажется замедленным в случае неудовлетворенности осуществляемой деятельностью.

Наиболее типичные *мотивы профессиональной деятельности* можно подразделить на две группы [1]:

1) «факторы-мотиваторы», которые становятся аргументами принятого решения в случае объяснения основания действия и которые многие авторы и называют мотивами: возможность достижения успеха в работе, продвижения по службе, публичное признание личного вклада в общее дело, достойная оплата труда, возможность повышения профессиональной квалификации, наличие высокой степени ответственности, сложность, разнообразие, интересное содержание работы и др.;

2) «факторы гигиены»: условия труда, минимальное напряжение и стресс, хорошие взаимоотношения с сотрудниками и руководителем, гибкий график работы. Следует отметить, однако, что наличие только лишь второй группы вышеперечисленных мотивов недостаточно для создания высокой мотивации.

В ряде исследований изучается динамика профессиональной мотивации и отмечается тот факт, что мотивы трудовой деятельности формируются в процессе профессионализации, причем удовлетворение определяющих их актуальных потребностей не обязательно связано с осуществлением конкретных профессиональных действий. Исследования, проводимые в вузах, свидетельствуют о том, что сильные и слабые студенты различаются не по наличию интеллектуальных способностей, а скорее по степени развитости профессиональной мотивации. Система внутренних убеждений личности к учебно-познавательной деятельности, положительное отношение к профессии, осознание ее значимости для себя лично и для общества в целом оказывают значительное влияние на успеваемость студента.

Формирование устойчивого положительного отношения к профессии, в частности формирование мотивов профессиональной деятельности, является в основном педагогической проблемой, поскольку психическое здоровье человека обусловлено, в том числе и удовлетворенностью избранной профессией, а его сохранению способствует высокий уровень профессионализма. Таким образом, на успешность освоения профессии, эффективность деятельности, удовлетворенность работой, а также развитие личности регулятивное влияние оказывает содержание мотивов, их целевая направленность, структура и специфичность для конкретных видов деятельности. В деятельности разнообразные мотивы становятся все более связанными друг с другом, образуя в конечном счете целостную систему или *иерархию* мотивов. Иерархическая структура мотивационной сферы определяет направленность личности, имеющую разный характер в зависимости от того, какие мотивы являются доминирующими по своему содержанию и строению.

А. Маслоу считает, что «...мотивационную жизнь нельзя рассматривать как сумму изолированных дискретных величин, скорее, нужно говорить о спецификационной иерархии потребностей» [7, 66]. Он считает, что потребности каждого вышележащего уровня актуализируются лишь при условии удовлетворения всех нижележащих уровней. Многие авторы отмечают, что концепция Маслоу играет весьма важную роль в понимании мотивов трудовой или, иначе говоря, профессиональной деятельности.

Применительно к трудовой деятельности С. Г. Москвичев интерпретирует схему Маслоу как наличие у работников расположенных на пяти уровнях мотивов труда, актуализирующихся в строгой последовательности. Приведем данные мотивы, начиная с низшего уровня:

- 1) Необходимость удовлетворения естественных потребностей (в еде, одежде, жилье и т.д.).
- 2) Стремление иметь гарантированную работу.
- 3) Возможность социальных контактов, общения во время работы.
- 4) Желание получить признание, уважение коллег, быть популярным.
- 5) Стремление реализовать в работе все свои способности (самоактуализация и самоутверждение в труде) [8].

В ходе проведения теоретического исследования мы сопоставили две иерархические структуры: В. К. Вилюнаса [3] и А. Г. Маслоу [7], и результат этого сопоставления представлен на рис. 1, где слева – иерархия потребностей по А. Г. Маслоу, а справа – уровни мотивации по В. К. Вилюнасу.

Так, физиологические потребности и потребность в безопасности (по С. Г. Москвичеву – необходимость удовлетворения естественных потребностей и стремление иметь гарантированную работу) объединены в биологический уровень. Потребность в принадлежности, любви и признании (по С. Г. Москвичеву – возможность социальных контактов и желание получить признание, уважение коллег) входит во второй уровень – социальный. Потребность в самоактуализации выходит на третий – глубинный уровень мотивации личности.

При этом мы разделяем точку зрения А. Г. Маслоу о том, что потребности вышележащего уровня актуализируются лишь при удовлетворении потребностей нижележащих уровней. Неудивителен тот факт, что многим студентам, обучающимся на коммерческой основе (а таких на сегодняшний день большинство), приходится работать, чтобы оплатить учебу, обеспечить себе более комфортное проживание и т.д. При этом учебе уделяется незначительное время в силу физической и умственной усталости, что сказывается на успеваемости. Также многие преподаватели высших учебных заведений (особенно только начинающие

свой профессиональный путь) получают небольшую зарплату и, следовательно, стремятся найти дополнительный заработок. Это приводит к их повышенной утомляемости, невозможности и нежеланию совершенствоваться и заниматься самообразованием. Только преподаватель или студент, который происходит из обеспеченной семьи или уже удовлетворил свои потребности биологического и социального уровней, может полностью сконцентрироваться на творчестве и наиболее полной реализации своих способностей и талантов.

Суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что оптимальная структура профессиональной мотивации – та, в которой: преобладают положительные мотивы; наиболее значимой в образовательном процессе является внутренняя мотивация; достаточно сильны, устойчивы и сбалансированы социальные, профессиональные и познавательные мотивы, а также мотивы самореализации; ведущие мотивы – те, которые ориентированы на перспективу, т.е. дальнейшее самообразование, саморазвитие и самосовершенствование.

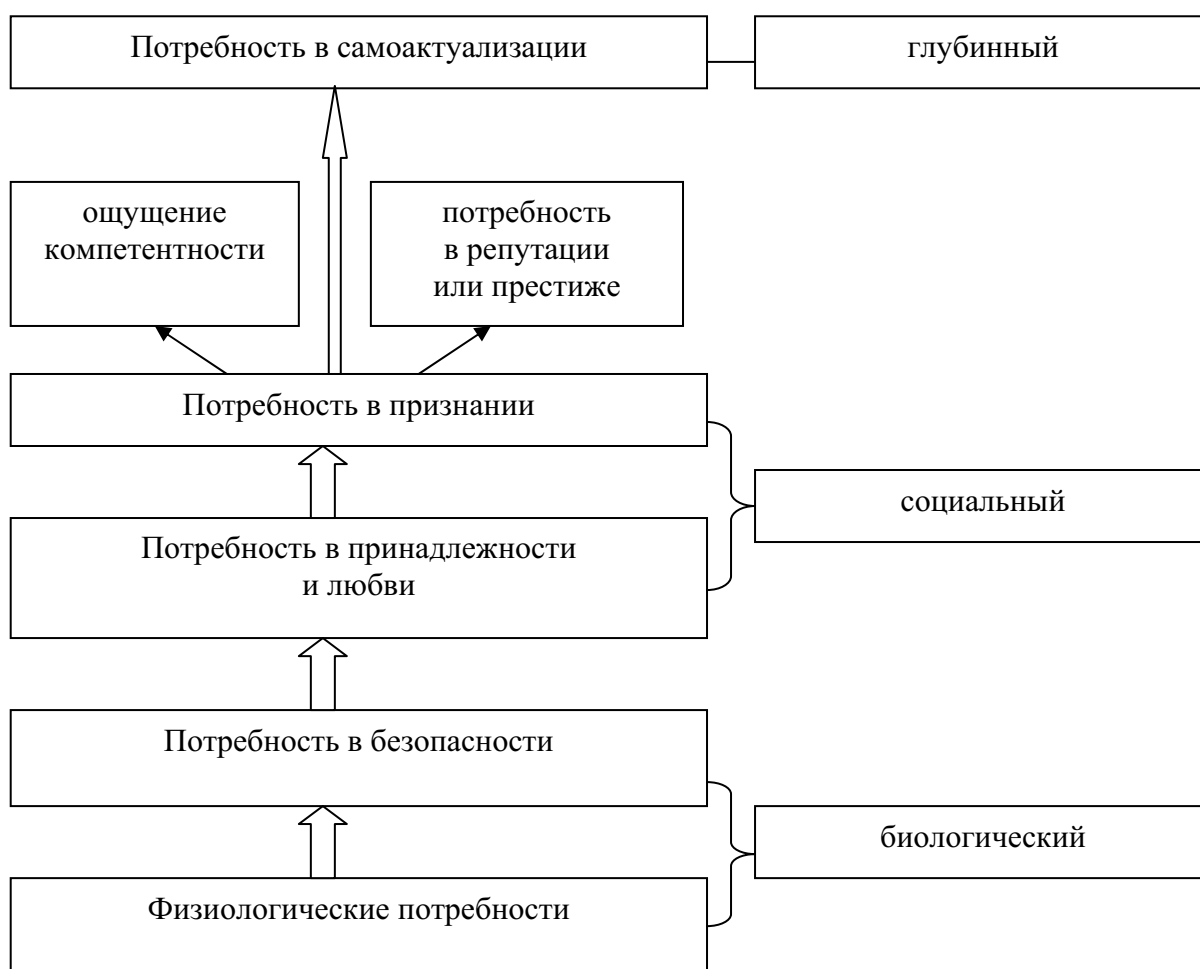


Рис. 1. Иерархия потребностей и уровни мотивации

Румынский социолог К. Замфир полагает, что мотивация включает три составляющие: внутреннюю мотивацию (ВМ), внешнюю положительную мотивацию (ВПМ) и внешнюю отрицательную мотивацию (ВОМ). ВМ, по ее мнению, возникает из потребностей человека, поэтому он выполняет свою работу без принуждения, внешнего давления, получая от нее удовлетворение и совершенствуя свое профессиональное мастерство.



К ВПМ она относит материальное стимулирование, продвижение по «служебной лестнице», одобрение со стороны коллег и коллектива, престиж, т.е. стимулы, заслуживающие с точки зрения человека приложения его усилий.

К ВОМ исследователь относит наказания, критику, осуждение, штрафы и т.д. Внешняя мотивация в целом не стимулирует профессиональное развитие, деятельность человека в таком случае – средство получения определенных благ.

Наиболее благоприятным соотношением между тремя видами мотивации для высокой эффективности труда К. Замфир считает то, при котором внутренние мотивы преобладают при одновременном использовании внешних положительных мотивов и полном отсутствии, по мере возможности, или ограничении внешних отрицательных мотивов. Таким образом, к наилучшим, оптимальным, мотивационным комплексам относятся следующие два типа сочетаний: $VM > ВПМ > ВОМ$ и $VM = ВПМ > ВОМ$. Наихудшим мотивационным комплексом является тип $ВОМ > ВПМ > VM$ [4].

В целом, исходя из вышеизложенных теоретических положений и опыта работы со студентами неязыковых специальностей, студентами специальности 31202 – Перевод и переводоведение, а также опыта руководства коллективом кафедры технического вуза, мы можем заключить, что правильное и своевременное выявление профессиональных склонностей и интересов будущих и настоящих специалистов может стать залогом их удовлетворенности профессией в будущем. С учетом все усиливающейся в современном обществе тенденции к непрерывному профессиональному образованию и совершенствованию совместные усилия руководителей, преподавателей и студентов должны быть направлены на поиск личности себя в профессии. Успешное решение поставленной задачи поможет ей в реализации ее жизненных планов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – 511 с.
2. Вербицкий, А. Контекстное обучение: формирование мотивации / А. Вербицкий, В. Кругликов // Высшее образование в России. – 1998. – № 1. – С. 101-107.
3. Вилюнас, В. К. Психологические механизмы биологической мотивации / В. К. Вилюнас. – М.: МГУ, 1986. – 207 с.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
5. Ломов, Б. Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Педагогика, 1991. – 296 с.
6. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – М.: Просвещение, 1990. – 192 с.
7. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
8. Москвичев, С. Г. Проблемы мотивации в психологических исследованиях / С. Г. Москвичев. – Киев: Наук. Думка, 1975. – 144 с.
9. Орлов, А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики / А. Б. Орлов. – М.: Академия, 2002. – 272 с.
10. Реан, А. А. Социальная педагогическая психология / А. А. Реан, Я. Л. Коломинский. – СПб.: Питер, 1999. – 416 с.
11. Шадриков, В. Д. Деятельность и способности / В. Д. Шадриков. – М., 1994. – 315 с.

Яремчук С. В.

СТРЕМЛЕНИЕ К САМОРАЗВИТИЮ, ЕГО ВОЗРАСТНАЯ И СИТУАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

Яремчук С.В.

Yaremtchuk S.V.

СТРЕМЛЕНИЕ К САМОРАЗВИТИЮ, ЕГО ВОЗРАСТНАЯ И СИТУАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

STRIFE FOR SELF-DEVELOPMENT, ITS AGE/SITUATIONAL DYNAMICS



Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681027, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 4-75; 8-924-225-4122. E-mail: svj@rambler.ru.

Ms. Svetlana V. Yaremtchuk - PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Education Psychology, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). 681027, Komsomolsk-on-Amur, 4 Lenina pr., of. 75. 8 (924) 2254122. E-mail: svj@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования желания самоизменения у людей разных возрастных групп. Стремление к изменению рассматривается как показатель авторской позиции человека по отношению к собственной жизни. В качестве условия, препятствующего саморазвитию, анализируется конфликтный смысл изменений.

Summary: The paper presents the results of a research that deals with strife for self-development in people of different age-groups. This aspiration for self-development is considered a person's attitude to his/her own life. The conflicting content of the change is viewed as a condition preventing any self-development.

Ключевые слова: авторская позиция в жизни, саморазвитие, конфликтный смысл, стремление к самоизменению, возрастная динамика.

Keywords: person's attitude to life, self-development, conflicting content of change, aspiration for self-change, age dynamics.

УДК 159.9

В последние десятилетия широкое распространение получает развитие идеи субъектности человека, понимание человека как автора собственной жизни. Так, В.И. Слободчиков определяет индивидуальность, рассматриваемую им как способ бытия человека, как «авторство собственной жизни: в миропонимании, в стилях деятельности, в социальном поведении» [11, 357], В.Н. Дружинин в качестве наиболее эффективного стиля жизни выделяет «экзистенциальное конструирование», при котором «жизнь превращается в творческий процесс пересоздания самой жизни» [2, 130]. Человек как субъект собственной жизни, созидющий свой жизненный путь, предстает в работах К.В. Карпинского [3; 4]. Д.А. Леонтьев [6; 7] последовательно вводит в психологический лексикон термин «жизнетворчество», основой которого выступает творческая стратегия жизни – «динамичность отношений с миром, готовность к самоизменению в том направлении, которое будет максимально способствовать самореализации жизни в данной жизненной ситуации» [7, 19]. Понятие жизнетворчество в психологической литературе сейчас получает распространение, так, например, Л.А. Коростылева [5, 101-104] также считает его основой самореализации, включая в него процессы саморазвития и самопроектирования личностью самой себя.



Исходя из этих позиций, в качестве основного показателя авторской позиции по отношению к жизни может рассматриваться стремление к саморазвитию и самоизменению. В последнее десятилетие появилась масса работ, направленных непосредственно на феномен саморазвития [1; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15 и др.]. Размышления ученых отражают запрос общества, связанный с формированием субъектной, творческой, стремящейся к изменению личности человека, но вместе с этим в литературе наблюдается также тенденция задавания цели саморазвития человеку извне. Это порождает противоречие: личность творческая и субъектная сама ставит цели для саморазвития и не склонна принимать заданные извне цели без их осмысления и переработки. Попадая в условия, где цель изменения задается кем-то другим, человек утрачивает позицию авторства. Саморазвитие приобретает при этом конфликтный смысл: с одной стороны – саморазвитие поощряется обществом и декларируется как цель, другой – общество накладывает рамки, регламентируя цели саморазвития.

Кроме этого, практически не изученным остается вопрос о том, насколько сам человек стремится к самоизменению и саморазвитию, особенно в условиях конфликтного смысла саморазвития. Если человек стремится к тому, чтобы изменить какую-то свою особенность, он попадает в ситуацию множественности конфликтных смыслов, связанных с этой своей чертой. Наличествующая особенность личности, любое свойство человека, являясь всегда средством удовлетворения потребностей, способствует удовлетворению одних и препятствует удовлетворению других потребностей. Далекое не все смыслы осознаются человеком, на первый план выступают позитивные или негативные смыслы, и человек может стремиться приобрести черты, которые, как ему кажется, обладают только положительным смыслом и облегчат для него процесс удовлетворения потребностей, или стремится избавиться от какого-то своего свойства, черты, привычки, акцентируясь на негативном смысле. Но поскольку любая особенность человека включена в систему его личности и, *несомненно*, обладает *одновременно позитивным и негативным смыслом*, мотивы человека вступают между собой в борьбу, что может привести к торможению преобразовательной активности, направленной на самоизменение.

Это явление хорошо известно в психологической практике и проявляется в таких явлениях, как негативные последствия самоизменений, которые Б.М. Мастеров [13] называет *рисками саморазвития*:

1) *Социальный риск* – риск быть оцененным. Социальный риск связан с тем, что следование групповым ценностям или своим собственным является критерием оценки человека со стороны других людей. Одно и то же действие или качество личности может по-разному оцениваться в разных социальных группах, и, следовательно, в одних из них облегчать взаимодействие и достижение целей, а в других – затруднять.

2) *Риск несоответствия*. В процессе изменения себя человек рискует оказаться несоответствующим групповым ценностям, попадая тем самым в ситуацию риска отвержения референтной группой.

3) *Риск выбора*. Человек оказывается перед лицом выбора в ситуациях, когда необходимо соответствовать двум или большему числу ценностей, когда внутренние критерии начинают конкурировать друг с другом, порождая смысловой конфликт. Выбор того или иного пути саморазвития (или отказа от него) ведет за собой ответственность за его последствия.

4) *Риск самораскрытия*. Глубинное «Я» воспринимается человеком как безусловная ценность, потому что это безусловное мое, то есть то, что дает возможность ощущать меня мной. Самораскрытие непосредственно ощущается как личностный риск, делая «Я» уязвимым для окружающих. Поскольку всё содержание глубинного, внутреннего «Я» также конфликтно по своей природе – самопознание и самораскрытие сопряжено с риском осознания конфликта между безусловной ценностью внутреннего «Я» и теми отрицательными смыслами, которое оно содержит.

Б.М. Мастеров считает, что указанные риски могут побудить человека отказаться от саморазвития, предпочесть жизнь социального функционера, живущего в соответствии с

нормами, ценностями и ожиданиями общества. Но требования современного общества, как уже было указано выше, обладают противоречивостью, одновременно декларируя ценность саморазвития и ограничивая его направление. Это усугубляет и без того конфликтный смысл самого процесса саморазвития, осложняя для человека выбор.

В.Г. Маралов [8, 175] среди барьеров, препятствующих саморазвитию, особо выделяет барьеры, обусловленные системой сложившихся стереотипов и установок: чрезмерная приверженность и податливость личности социальному окружению, негативное влияние прошлого опыта, привычек, которые толкают людей к непродуктивным формам поведения; социальное влияние и групповое давление, которому индивид не способен, не желает и не умеет противостоять (любое противостояние оборачивается, по мнению такого индивида, только неприятностями); наличие системы внутренних защит, функционирование которых создает видимость благополучия и адаптированное личности к окружающей действительности.

Очевидно, что речь здесь также идет о смысловом конфликте или о приобретенном негативном осмыслении самого саморазвития, когда сам процесс изменения себя или мира влечет за собой ущемление каких-либо потребностей человека и приобретает негативную смысловую окраску. Это возвращает нас к проблеме, насколько стремятся к изменению люди, существующие в условиях обозначенных выше смысловых конфликтов.

Для изучения стремления к саморазвитию респондентам были заданы два вопроса: «Что бы вы хотели изменить в себе?» и «Что бы вы хотели изменить в своей жизни?». Обработаны результаты ответов, данных 156 людьми, среди которых были школьники старших классов (28 человек 16-17 лет), студенты дневного отделения гуманитарного и технического вузов (82 человека 17-22 лет) и взрослые люди, заочно получающие высшее образование (46 человек 22-56 лет).

В первую очередь обращает на себя внимание количество людей, не желающих изменять что-либо в себе и в своей жизни (см. табл. 1).

Таблица 1

Число респондентов, указавших отсутствие желания
изменять себя и свою жизнь (в % от объема каждой выборки)

Параметр сравнения	Школьники	Студенты	Взрослые
Отсутствие желания изменяться	17,9	19,5	17,4
Отсутствие желания изменять свою жизнь	21,4	30,5	28,3

Примерно каждый пятый респондент не хочет изменять ничего в себе и каждый третий – в своей жизни. В качестве обоснования этого респонденты часто пишут, что их «всё устраивает». Такое выражение субъективного благополучия, как и любое крайнее обобщение, свидетельствует об искажении восприятия реальности, в которой любое явление обладает конфликтным смыслом, неся в себе как положительные, так и отрицательные фрагменты. Отсутствие желания изменять что-либо показывает, что человек решает смысловой конфликт с помощью избегания решения, избегания изменения, даже избегания осознания неудовлетворенности, а это, в свою очередь, ведет к отказу от авторства в своей жизни. С возрастом эта тенденция меняется незначительно, сохраняется та же доля испытуемых, не желающих что-либо менять.

Но даже в случае, когда указывается желание что-то изменить, большая доля респондентов ограничивается одним высказыванием, немногословным и воплощающим одно конкретное изменение (не больше 10 % опрошенных указали больше трех желаний, связанных с изменением себя). Это может быть связано как со стремлением человека скрыть свои намерения изменяться, поскольку это связано с социальными рисками, так и со слабой представленностью в сознании желаний изменяться, а возможно и с тем, что если человек имеет намерение изменить что-то, то это одно намерение захватывает его всего и препятствует осознанию всех остальных более слабых стремлений.

Среднее число высказанных версий отражено на рис. 1. На рисунке отображена тенденция, характерная для всей выборки, обозначать большее число желаний, связанных с самоизменением по сравнению с желанием изменить свою жизнь (различия по критерию Т-Вилкоксона значимы для $p = 0,023$, $T = 1276$).

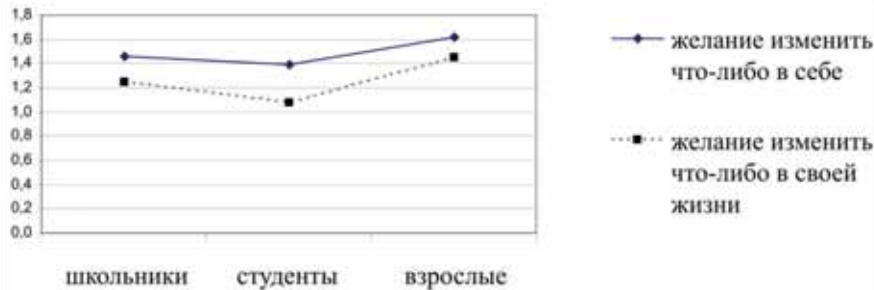


Рис. 1. Среднее количество высказываний, отражающих желание изменить что-либо в себе и своей жизни

Вместе с тем динамика стремления к изменениям хоть и незначительна, но имеет сходное направление: слегка уменьшается к студенческому возрасту и вновь возрастает к взрослости. Это наводит на мысль, что число сформулированных желаний изменить себя связано с числом высказываний об изменении своей жизни, и действительно, такая взаимосвязь существует как в каждой из обследованных выборок, так и для всей совокупности опрошенных в целом (в последнем случае коэффициент корреляции Спирмена $\rho = 0,413$, значим для $p \leq 0,0001$). Видимо, это отражает общую авторскую позицию, которую занимает человек как по отношению к своей жизни в целом, так и по отношению к самому себе.

Поскольку нас в большей степени интересует позиция человека, направленная именно на саморазвитие, дальнейший анализ посвящен желаниям изменить себя. Анализ содержания высказываний людей позволил разбить все желания самоизменения на шесть групп (см. табл. 2):

- 1) стремление к изменению непсихологических характеристик (внешность, цвет волос, рост, нос, стиль одежды, здоровье и пр.);
- 2) глобальное изменение без указания его направления (поведение, характер);
- 3) совершенствование конкретных психологических черт (научиться лучше контролировать свои эмоции, стать более открытым и общительным, еще быстрее принимать решения, быть спокойнее и терпимее и т.д.);
- 4) избавление от конкретных психологических черт (не лениться, побороть чувство страха, убрать вспыльчивость, капризность, обидчивость скромность, избавиться от вредных привычек и т.д.);
- 5) приобретение новых психологических черт (быть уверенной в себе, целеустремленной, научиться регулировать свои эмоции и т.д.);
- 6) осознание себя («знать, чего хочу», «хочу четче осознавать, чего я хочу», «познать внутренний мир для лучшего осознания своих жизненных потребностей»).

Последняя группа среди всех других имеет самый незначительный объем, совершенно не встречаясь у опрошенных школьников и взрослых и крайне редко встречаясь у студентов. Это показатель того, что, стремясь к изменениям в себе, люди ориентированы не на самоосознание, и тем более не на самопринятие (такого варианта в принципе не встретилось у опрашиваемой группы людей), а только на самосовершенствование. Осознаваемая цель изменения себя связана с качествами, ярко воплощающими амбивалентную (конфликтную) или приоритетно негативную (осознаваемую) смысловую окраску. Респонденты, как правило, стремятся избавиться от качества, которое препятствует достижению каких-то их целей, усилить качество, наличие которого они у себя осознают, но которое в одних случаях обнаруживает себя как эффективное средство, а в других – свою недостаточную эффективность.

И, наконец, человек стремится обрести то качество, которое он наделяет высокой эффективностью, придает ему позитивную смысловую нагрузку в связи с тем, что он наблюдал его как средство, имеющееся в наличии у других людей.

Таблица 2

Соотношение вариантов желания самоизменения
в разных возрастных группах (в % от объема каждой выборки)

Группы желаний, направленных на изменение себя	Школьники	Студенты	Взрослые
Изменение непсихологических характеристик	39,3*	17,1*	21,7
Глобальное изменение без указания направления	32,1	45,1*	10,9*
Совершенствование конкретных психологических черт	21,4	17,1	28,3
Избавление от конкретных психологических черт	14,3	18,3*	32,6*
Приобретение новых психологических черт	3,6	11,0	19,6
Осознание себя	0,0	2,4	0,0

* Обозначены выборки, между которыми возникают значимые различия (по χ^2 -критерию Фишера, значимы для $p \leq 0,01$)

Все эти стремления были бы более эффективными, если бы параллельно человек стремился к осознанию себя, своих действительных потребностей, инструментом удовлетворения которых служат (в большей или меньшей мере эффективно) имеющиеся у него качества; осознанию имеющихся качеств и их реального смысла, их ресурсов и того, что мешает ими воспользоваться; своим качествам и желаниям, препятствующим достижению целей (в том числе и целей саморазвития) и т.д. Однако такое направление изменений, видимо, рассматривается людьми как важное крайне редко. Это ведет к тому, что активность, связанная с самоизменением, может вести человека не к самому себе, а в противоположном направлении, приводить к неудовлетворяющим результатам, а может так и не начаться, столкнувшись с внутренними трудностями, осознавать которые для человека болезненно.

В табл. 2 также можно обнаружить специфику целей самоизменения в разных возрастных группах. Для школьников наиболее характерными являются желания, связанные с изменением непсихологических характеристик, как правило, внешности. Физическое тело первое осознается как орудие (эффективное или неэффективное) удовлетворения потребностей, хотя изменение собственных физических параметров менее подвластно человеку по сравнению с его же психологическими характеристиками. Видимо, осознание именно этого факта приводит к тому, то уже с 17 лет акцент смещается на психологические характеристики.

Большая часть студентов уже ориентирована на изменение своих личностных особенностей и поведения, но эта ориентация первоначально носит генерализованный, недифференцированный, синкретный характер. Самый распространенный ответ на вопрос «Что бы вы хотели изменить в себе?», даваемый студентами, это «Характер». В этом высказывании цель изменения себя еще слабо операционализирована. Хотя это и является шагом вперед по сравнению со школьниками, вместе с тем не может служить побудительной силой для изменения себя в силу недостаточной конкретности, контекстуализации и адекватности формулировки.

У взрослых людей формулировки становятся более конкретными и наибольшее распространение получает стремление к избавлению от какой-либо черты. Но вместе с тем увеличивается и доля желаний усовершенствовать уже имеющиеся особенности и приобрести что-то новое.

Таким образом, можно обнаружить следующий путь, который проходит человек как автор саморазвития. От осознания своего физического тела как средства удовлетворения потребностей (и соответственно цели самоизменения) к осознанию своих психологических



особенностей, сначала в более общем виде, а затем во все более и более конкретизированном. Саморазвитие как деятельность возможно только при таких условиях, когда человеком как можно более конкретно осознается предмет самоизменения, поэтому можно предположить, что в подростковом и юношеском возрасте создаются только предпосылки для этой деятельности, а сама деятельность складывается в более старшем возрасте. Хотя активность, направленная на самоизменение, еще не структурированная как деятельность, несомненно, возникает на более ранних этапах.

Для того чтобы обнаружить, как изменяется авторская позиция саморазвития в условиях сильных внешних ограничений, дополнительно была обследована выборка солдат срочной службы (17-18 лет, 18 человек), которая сопоставлялась с выборкой студентов того же возраста (см. табл. 3).

Таблица 3

Различия в вариантах желания самоизменения
в выборках студентов и солдат срочной службы

Группы желаний, направленных на изменение себя	Студенты	Солдаты	φ^* -критерий Фишера
Отсутствие стремления изменяться	19,5	55,6	2,947, значим для $p \leq 0,01$
Изменение непсихологических характеристик	17,1	11,1	не значим
Глобальное изменение без указания направления	45,1	0,0	5,659, значим для $p \leq 0,01$
Совершенствование конкретных психологических черт	17,1	22,2	не значим
Избавление от конкретных психологических черт	18,3	16,7	не значим
Приобретение новых психологических черт	11,0	0,0	2,595, значим для $p \leq 0,05$
Осознание себя	2,4	5,6	не значим

Из табл. 3 видно, что в выборке солдат срочной службы наблюдается, с одной стороны, резкое снижение стремления к изменению себя, а с другой – конкретизация желаемых изменений. Ответы, характеризующие традиционное для этого возраста желание глобальных изменений, сменяют либо более конкретные желания, либо полное избегание таких желаний вообще. Таким образом, система ограничений, накладываемая на человека, резко ограничивает стремление человека к самоизменению, что может дать дополнительное основание интерпретировать небольшое число желаемых изменений у всех обследованных людей как свидетельство ограничений, которые накладывает на них общество.

Вместе с тем кризисность ситуации, в которой человек ярко осознает внутреннюю конфликтность себя как инструмента достижения целей и собственную недостаточную эффективность, может вести и к усилению дифференциации и конкретизации целей саморазвития.

Но достаточно ли дифференцированной цели для того, чтобы человек начал воплощать ее в реальность, действительно став автором своей жизни? Рассматривая высказываемые желания как цели саморазвития, необходимо вместе с тем понимать, что далеко не всегда человек, желающий измениться, будет стремиться к этому и выстраивать свою активность в этом направлении. Часто мы можем наблюдать, что человек хочет чего-то, но ничего не предпринимает, чтобы этого достичь.

Для выяснения, какой побуждающей силой обладают сформулированные желания и как часто за ними следует конкретная активность, направленная на изменение себя, выборке из 26 взрослых людей дополнительно задавался вопрос «Что вы делаете для того, чтобы изменить себя?». Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Действия людей, направленные на самоизменение

Действия людей, направленные на достижение целей самоизменения	Процентное соотношение
Ничего не делают	38,5
Действия адекватны желаниям	23,1
Действия неадекватны желаниям	23,1
Действия частично адекватны желаниям	15,4

Большая часть людей (около 40 %) указывают, что не предпринимают никакой активности, направленной на изменение себя, обосновывая это нехваткой времени, материальных средств и сил. Это подтверждает мысль о том, что желание измениться далеко не всегда преобразуется в цель саморазвития, побуждая соответствующую активность.

Но и те люди, которые предпринимают активные действия и осознают их, далеко не всегда соотносят их с желаемыми изменениями. Так, мужчина, обозначая в качестве желаемого изменения «бросить курить», пишет, что для саморазвития он «ищет стабильности в личной и семейной жизни», а женщина, имеющая желание «стать более уверенной в себе и научиться смотреть на жизнь более позитивно», пытается бороться со своими недостатками. Такие действия обозначались как неадекватные и составляют 23,1 % всех ответов. То есть активность каждого четвертого человека, предпринимающего что-то для изменения себя, идет вразрез с его желаниями измениться. Причинами этого могут быть слабая представленность в сознании истинных желаний, незнание способов достижения своих целей, установки на определенный способ саморазвития и пр.

У 15,4 % респондентов их активность лишь частично соответствует заявленным желаниям, одни из описываемых ими действий соответствуют желаниям, а другие – идут вразрез с ними. И только у каждого четвертого человека наблюдается активность, полностью соответствующая высказываемым желаниям, которые только в этом случае можно рассматривать как реальные цели саморазвития. При этом возрастает и число предпринимаемых действий, люди, описывающие неадекватные действия, предлагают один, максимум два варианта того, что они делают для саморазвития. Для людей, активность которых адекватна целям – это редкость, как правило, они обозначают как минимум три варианта собственных действия.

Такое незначительное число людей, реализующих собственные цели саморазвития и воплощающих авторскую позицию в своей жизни, свидетельствует о наличии у остальных внутренних препятствий, которые могут не осознаваться людьми. Реальное авторство возможно лишь при условии как можно более полного осознания различных смыслов своих особенностей, различных последствий изменений. Однако, как уже было обнаружено, крайне редко респонденты высказывали желания понять и принять себя.

Таким образом, по результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

1) Стремление к саморазвитию обнаруживается далеко не у всех людей: каждый пятый опрошенный человек продемонстрировал нежелание изменять что-либо в себе, и каждый третий – нежелание менять что-либо в собственной жизни. Но даже сформулированное желание изменений сопровождается адекватно развертываемой активностью лишь в 15 % случаев. Это свидетельствует о том, что авторская позиция по отношению к самому себе и собственной жизни – достаточно редкое явление.

2) С возрастом происходит конкретизация желаний, связанных с изменением себя, а также переход от стремлений к изменению физического облика к управлению собственными психологическими характеристиками.



3) Ситуации, связанные с социальными ограничениями, в которые попадает человек, приводят, с одной стороны, к конкретизации целей саморазвития, а с другой – к избеганию саморазвития.

Этот последний вывод свидетельствует о том, что активность, направленная на саморазвитие, определяется не только самим человеком или его личностными особенностями, но и условиями, в которые он попадает. Следовательно, именно управление социальными условиями делает возможным развертывание активности, связанной с изменением самого себя, и пробуждение авторской позиции человека по отношению к миру. Таким образом, социальный запрос на творческую личность, которая могла бы стать автором собственной жизни, должен подкрепляться действиями социальных структур, направленными на создание таких условий, в которых функционирование саморазвивающейся личности стало бы наиболее поддерживаемым обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вазина, К. Я. Природно-рефлексивная технология саморазвития человека / К. Я. Вазина. – М., 2002. – 145 с.
2. Дружинин, В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Леонтьев. – М.-СПб., 2000. – 135 с.
3. Карпинский, К. В. Психология жизненного пути личности: учеб. пособие / К. В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 167 с.
4. Карпинский, К. В. Человек как субъект жизни / К. В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 279 с.
5. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Л. А. Коростылева. – СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
6. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. С. Мазур, А. И. Сосланда // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. – М.: Смысл, 2001. – С. 100-109.
7. Леонтьев, Д. А. Шанс для творчества (конфликты и стратегии их разрешения) / Д. А. Леонтьев // Конфликт в конструктивной психологии: тезисы докладов и сообщений на 2-й научно-практической конференции по конструктивной психологии. Красноярск, 7-10 июня 1990 г. – Красноярск, 1990. – С. 17-20.
8. Маралов, В. Г. Основы самопознания и саморазвития / В. Г. Маралов. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 256 с.
9. Мокерова, Ю. В. Противоречия становления потребности саморазвития личности в современных условиях: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Мокерова Юлия Викторовна. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.
10. Селезнева, Е. В. Общение как среда для саморазвития личности / Е. В. Селезнева // Журнал прикладной психологии. – 2002. – № 2. – С. 49-54.
11. Слободчиков, В. И. Психология человека / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М., 1995. – 384 с.
12. Стахнева, Л. А. Саморазвитие: миф или реальность? / Л. А. Стахнева // Психология зрелости и старения. – 2004. – № 3. – С. 21-37.
13. Цукерман, Г. А. Психология саморазвития / Г. А. Цукерман, Б. М. Мастеров. – М.: Интерпракс, 1995. – 286 с. (ISBN 5-85235-211-X)
14. Шаршов, И. А. Пространство профессионально-творческого саморазвития субъектов образовательного процесса в вузе / И. А. Шаршов // Педагогическое образование и наука. – 2004. – № 5. – С. 69-72.
15. Щукина, М. А. Об онтологическом статусе саморазвития личности / М. А. Щукина // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 107-115.

Гацкан А. В.
Gatskan A.V.

**ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЯХ
И ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

**SOME ASPECTS OF PORTRAIT DESCRIPTIONS IN DIFFERENT STYLES AND
GANRES OF THE MODERN FRENCH LANGUAGE**



Гацкан Анна Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной деловой коммуникации Хабаровской государственной академии экономики и права, аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Хабаровск). E-mail: gatskan06@rambler.ru
Ms. Anna V. Gatskan - lecturer at the Dept. of Foreign Languages and Intercultural Business Communication, Khabarovsk State Academy of Economics and Law, PhD Candidate at Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 680042 Khabarovsk, Tichookeanskaya st.,134, room 509. Tel. 7 (4212) 374950 (office), 8 (962) 2243205 (cell). E-mail: gatskan06@rambler.ru

Аннотация. В современной лингвистике портретное описание является универсальной формой текстовой репрезентации человека. Описание, характеристика лица посредством перечисления его особенностей, определенных признаков, проявляется во всех сферах общения – от бытового общения до сайтов знакомств и полицейских сводок. Нашей задачей является исследование портретного описания как отдельного речевого жанра и выявление вариантных и инвариантных характеристик, которые определяются коммуникативной целью каждого текста.

Summary: In modern linguistics the description of a portrait is the universal form of textual representation of a person. Description and characteristic of a person by listing his/her features, is manifested in all areas of communication - from everyday communication to online dating sites and police records. Our task is to study the description of the portrait as a separate speech genre and identify the variant and invariant features, which are determined by the communicative purpose of each text.

Ключевые слова: портретное описание, вариантные характеристики, инвариантные характеристики, речевой жанр, описание, структура текста, коммуникативная цель, стилистика текста.

Key-words: Portrait description, variant characteristics, invariant characteristics, speech genre, description, text structure, communicative purpose, style of text.

УДК 801

В традиционном понимании в рамках стилистики текста под композиционно-речевыми формами понимают «схемы повторяющихся структурных признаков, отвлеченные от конкретных проявлений речи, являющиеся однородными формами словесной композиции и отражающими структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов между собой» [9, 34]. Обычно, выделяют три основных композиционно-речевых формы: повествование (сообщение), описание, рассуждение.

Как известно, композиционно-речевая форма «описание» предназначена для характеристики явлений природы, предметов, лиц и т.д. путем перечисления их признаков. В таком случае, можно сказать, что, в самом общем смысле, и портретное описание предназначено для характеристики какого-либо лица путем перечисления его признаков.

В современной лингвистике складывается представление о портретировании как об универсальной форме текстовой репрезентации человека, характерной для разных сфер об-



щения. Портрет встречается и в бытовом общении, и в ситуациях знакомства людей, и представлении человека, он проник на страницы газет и журналов, на сайты знакомств, сайты поиска пропавших людей, без него не обходятся и полицейские сводки.

При всей широте употребления и легкости использования портретных описаний всё же возникают вопросы: является ли портретное описание разновидностью композиционно-речевой формы, типом текста или отдельным речевым жанром со всеми присущими ему характеристиками? Насколько типизировано портретное описание? Какими функциями оно обладает как коммуникативная единица?

Следует признать, что несмотря на множество работ, посвященных изучению портретного описания [1; 4; 5; 7], многие из вышеперечисленных вопросов до сих пор не получили достаточного освещения. В приведенных выше исследованиях, в частности, рассматриваются следующие вопросы: особенности функционирования синонимов, репрезентирующих языковой образ человека в разных речевых жанрах [11]; культурно-специфичные и гендерные отличия, проявляющиеся в портретных описаниях [1, 84] и др. Следует отметить, что портретное описание входит в область интересов тех исследователей, которые изучают жанры «Объявление о знакомстве» или «Брачное объявление». Здесь можно упомянуть В.М. Громова и её исследования, в которых рассматриваются особенности письменной электронной коммуникации, конститутивные признаки речевого жанра «объявление о знакомстве», а также О.С. Рогалеву, чьи работы посвящены исследованию брачного объявления как жанра [6; 12]. Множество работ направлены на изучение портрета героя на материале произведений отечественных авторов. Например, работы О.А. Кашпур [8], В.В. Башкеевой [4]. Н.А. Родионова, например, в своей статье рассматривает текстообразующие функции портретных характеристик в рамках жанра малой эпической формы (на примере рассказов И. Бунина), где выявляет определенные закономерности между местом портретной характеристики в структуре художественного текста и ее ролью в выражении авторского замысла [11, 18]. Также можно выделить исследование А.В. Громовой, изучающей жанр литературного портрета на материале творчества Б.К. Зайцева, где «отношение автора к герою является самым активным элементом жанровой структуры и определяет отбор биографических фактов, композицию портрета и выбор характеристических средств» [7, 93].

Ряд авторов изучает проблему портретных описаний на материале английской прозы XVIII-XIX вв. Так, Л.Р. Малышева и З.Р. Ибатуллина [9], Т.С. Борисова [5] рассматривают портретные описания как дискурсивно связанные семантически членимые элементы художественного текста, исследуют вопросы топографических и локальных маркеров портретных описаний и лингвистические способы их выражения.

Как мы видим, все названные исследования являются узко ориентированными, в них портретное описание в основном рассматривается в рамках одного определенного литературного жанра, или художественного произведения, причём на материале либо английского [5; 9; 10; 12], либо русского языков [11], в рамках научно-фантастического текста, реалистической прозы [9] или объявлений о знакомстве. Нам же представляется возможным изучение портретного описания совсем в ином ключе. Мы ставим задачу исследовать портретное описание как отдельный тип текста, отдельный речевой жанр, функционирующий в различных сферах коммуникации.

В связи с поставленной задачей мы уделяем особое внимание выбору материала исследования. В нашей работе мы рассматриваем портретные описания в художественном (новелла, любовный роман, исторический роман, детектив, мемуары), в официально-деловом (полицейские сводки с описанием разыскиваемых людей и др.) стилях, а также в интернет коммуникации (сайты знакомств, сайты поиска пропавших людей). Такой широкий диапазон материала исследования способствует выявлению инвариантных и вариантных характеристик портретного описания.

Далее проанализируем различные портретные описания:

В романе Ф. Саган «Un peu du soleil dans l'eau froide» описание одного из персонажей выглядит следующим образом: ... *A trente-cinq ans, il était encore beau. Cet «encore» tenait au fait qu'il avait été d'une rare beauté à vingt ans, beauté dont il n'avait jamais eu conscience d'ailleurs mais dont il s'était joyeusement servi et qui avait indistinctement fait envie longtemps aux femmes comme aux hommes – ces derniers en vain. Quinze ans plus tard, il était plus maigre, plus mâle, mais avec quelque chose encore dans sa démarche, ses gestes, de l'adolescent triomphant qu'il avait été. Cette maigreur, ces yeux bleus, ces cheveux noirs un peu longs, cette nervosité... Il devenait d'ailleurs de plus en plus nerveux ...* (FB,)

Как мы видим, здесь основная характеристика персонажа – «beau» получает пространное описание, включающее в себя элементы развития сюжета и перечисление других черт характера персонажа: *d'une rare beauté à vingt ans, beauté dont il n'avait jamais eu conscience d'ailleurs, mais dont il s'était joyeusement servi et qui avait indistinctement fait envie longtemps aux femmes comme aux hommes – ces derniers en vain. Более того, данное портретное описание включает в себя показатели изменения облика героя (plus maigre, plus mâle, mais avec quelque chose encore dans sa démarche, ses gestes; Cette maigreur, ces yeux bleus, ces cheveux noirs un peu longs, cette nervosité... Il devenait d'ailleurs de plus en plus nerveux), а собственно портретные характеристики (ces yeux bleus, ces cheveux noirs un peu longs) появляются в ходе портретного описания лишь раз и как бы вскользь.*

Если же мы обратимся к сайтам знакомств, то увидим там портретные описания совсем другого рода:

M.N – 23 ans – Mirefleurs – Auvergne 23 ans, 169 cm, yeux marrons. J'habite Mirefleurs, Auvergne (France) Je cherche une femme de 25 à 30 ans (см. прим. 1; 2).

Cheveux	bruns
Mon trait de caractère le plus marqué	solitaire
Silhouette	mince
Sorties	afterwork, concert bar / pub
Hobbies	bricolage
Activités sportives	football, moto, ski / snowboard
Ma taille	169 cm
Mon poids	58 kg
Mes yeux	marrons

Здесь мы наблюдаем жесткую структуру построения текста, информативный «телеграфный» стиль изложения, перечисление физиогномических характеристик и обозначений роста, веса и т.п. Незначительная вариативность допускается лишь в разделах *Sorties* и *Hobbies*.

Интересный материал для исследования представляют собой объявления о поиске людей: *Jeune fille brune en jupe et manteau noir, tu t'es assise en face de moi puis es descendue gare de l'est. En conversation achats de noel, je n'ai pas osé te déranger. Si toi tu le veux...inconnueligne7@yahoo.fr* (см. прим. 3).

В этих объявлениях большое значение имеет та информация, которая поможет идентифицировать незнакомого человека, напомнить ему о случайной встрече. К такой информации наряду с обстоятельствами встречи (*tu t'es assise en face de moi puis es descendue gare de l'est*) относятся элементы портретного описания (*Jeune fille brune en jupe et manteau noir*).

Таким образом, портретное описание, в какой бы сфере коммуникации оно ни встречалось, обладает некими постоянными и переменными характеристиками (см. табл. 1).

Как мы видим, высокообязательным признаком в рассмотренных примерах являются ИНВАРИАНТНЫЕ характеристики: «возраст», «внешность», а именно лицо, т.е. простое описание цвета глаз и волос, и «телосложение».

Что касается ВАРИАНТНЫХ характеристик, то они определяются коммуникативной целью каждого типа текстов. Так, в художественном произведении описание персонажа служит воплощению художественного замысла, поэтому автор целенаправленно отбирает те характеристики персонажа, которые помогут полнее выразить данный художественный замысел. Дать понять читателям, каков он главный персонаж, показать его внутренний мир и его внутреннее эмоциональное состояние, состояние человека, получившего от жизни все, как он считал. Именно поэтому к 35 годам он разочарован в жизни, не удовлетворен ее и отсюда постоянное раздражение в купе с завышенной самооценкой, приобретенной им в молодости. Все эти факторы впоследствии приводят его к тому, что он теряет самого главного человека в своей жизни, то самое «солнце», которое взошло на небосклоне его жизни, нарушило рутину, но к которому главный герой относился небрежно, с чувством вечной досады и раздражения.

Таблица 1

Характеристики описания	Роман	Объявления о поиске	Объявления о знакомстве
Внешность: - глаза - волосы - рост - вес - оценочные элементы	Ces yeux bleus, des yeux clairs Ces cheveux noirs, trop brun - - Encor beau, remarquablement beau	Brune - - Belle fille	Yeux marrons Brun, blond 169, 173 cm 58, 63 kg
Характер: - черта характера - оценочные элементы	Nerveux, plus male Cette nervosité	- -	vif solitaire
Возраст	A trente-cinq ans	Jeune fille	23 ans
Телосложение	Plus maigre, très mince	-	Sportif, mince
Коммуникативная цель	Глубокая психологическая характеристика, описание тех характеристик, которые помогут раскрыть главную тему произведения	Найти конкретного человека, завязать знакомство	Завязать знакомство

В объявлениях о знакомстве цель – найти человека для личной жизни, поэтому акцент делается, прежде всего, на простом и достоверном описании внешности, для того чтобы потенциальный спутник жизни составил четкое представление о внешних характеристиках

Гацкан А. В.

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЯХ И ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

претендента. Также здесь может быть представлена информация об образе жизни, увлечениях и совсем не затрагивается такая область, как внутренний мир.

В объявлениях о поиске конкретного человека мы находим описание тех характеристик, которые присущи конкретному, разыскиваемому человеку, отличительные признаки, по которым его можно идентифицировать.

Таким образом, можно говорить о том, что различия в коммуникативной цели коррелируют с различиями на лингвистическом уровне. Так, например, такая характеристика, как внутренний мир персонажа, активно описываемая в художественных произведениях, не затрагивается в объявлениях, где акцент делается именно на достоверное описание лица и одежды человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулова, Е. В. Речевой жанр «Объявление о знакомстве» как поле реализации культурно-специфичных и гендерных представлений / Е. В. Акулова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996.
3. Бахтин, М. М. Автор и герой / М. М. Бахтин. – СПб., 2001.
4. Башкеева, В. В. Русский словесный портрет. Лирика и проза конца 18 в. / В. В. Башкеева. – М., 2000.
5. Борисова, Т. С. Лингвостилистические средства создания образа стереотипного персонажа (на материале англоязычной приключенческой прозы XIX-XX вв.): дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Борисова // Херсонский гос. педагогический ун-т. – Херсон, 2002.
6. Громова, В. М. Объявление о знакомстве как жанр компьютерной коммуникации / В. М. Громова // Вестник Удмуртского университета. Сер. Филологические науки. – 2006. – № 5(2). – С. 16-19.
7. Громова, А. В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б.К. Зайцева / А. В. Громова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 7. – С. 18-20.
8. Кашпур, О. А. Жанр литературного портрета в творчестве Б.К. Зайцева / О. А. Кашпур. – М., 1995.
9. Малышева, Л. Р. Особенности портретных описаний в английской реалистической литературе 19 в. / Л. Р. Малышева, З. Р. Ибатуллина // Вестник ОГУ. – 2004. – № 1. – С. 3-7.
10. Радионова, И. В. Портрет в строе текста современного английского рассказа / И. В. Радионова. – М., 2003.
11. Родионова, Н. А. Портретная характеристика литературного персонажа как текстообразующий фактор бунинского рассказа / Н. А. Родионова // Вестник СамГУ. Языкознание. – 2000. – № 1. – С. 20-22.
12. Рогалева, О. С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Рогалева. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
13. F. Sagan «UN peu de soleil dans l'eau froide». – М., 2001.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Французский сайт знакомств. Режим доступа. [www.yahoo.fr \(rencontres\)](http://www.yahoo.fr/rencontres)
2. Французский сайт знакомств. Режим доступа. www.meetic.fr
3. Ежедневная французская газета «Метро». Режим доступа. www.metro.com
4. Сайты с информацией о разыскиваемых людях. Режим доступа. www.ouetu.com, www.jeterecherche.com, www.metrofrance.com, www.leparisien.fr www.lefigaro.com
5. Сайт научной библиотеки им. М.М. Бахтина. Режим доступа. www.library.mrsu.ru
6. Трусевич А. Р. Проблема выделения композиционно-речевых форм (на материале произведения К. Льюиса «Серебряное кресло»). Режим доступа. www.e-library.ru

Кованцева Л. Ю.
Kovantseva L.J.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

FUNCTIONAL ASPECT OF TERMINOLOGICAL UNITS IN SPECIALIZED TEXTS



Кованцева Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского как иностранного Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная 87/2, кв. 99; 89622983929. E-mail: plurilingua@initkms.ru

Ms. Ludmila Y. Kovantseva – PhD in Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, 87/2 Vokzalnaya st., ap.99, tel.: 8 (962) 2983929, e-mail: plurilingua@initkms.ru

gua@initkms.ru

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистической науки – изучению номинации и ее отличительных свойств в специальной лексике, осуществляемому на материале немецких детерминативных субстантивных композитов сварочно-технической терминологии современного немецкого языка. Анализ исследуемой подсистемы показал, что технические тексты отличаются ярко выраженным именным характером, что в значительной степени усиливается за счет преобладания таких единиц номинации, как сложные существительные. Важным признаком сложных терминологических единиц в текстах является создание новых единиц с еще большим смысловым объемом.

Annotation: The paper deals with one of the important problems in the science of linguistics – the study of nomination and its distinctive properties in special lexicon, the case here being the determinative substantive composites of welding-technical terminology in the modern German. Analysis of the investigated subsystem has shown that scientific and technical texts have pronounced nominative features, where complex nouns prevail. The distinctive feature of complex terminological text units is the development of new units with still greater semantic volume.

Ключевые слова: детерминация, композиты, номинация, вариантыные ряды, системный характер, специальная коммуникация, коммуникативная семантика, точность, однозначность информации, речевая единица.

Key-words: determination, composites, nomination, variation series, system character, special communication, communicative semantics, accuracy, information un-ambiguity, speech unit.

УДК 801.54:803.0

На современном этапе развития лингвистической науки коммуникативно-функциональный подход к явлениям языка, изучение языка в действии становятся ведущим, что означает интерес к функциональной стороне языка. Интерес к семантической стороне языка предполагает анализ лексического состава не в его изолированной форме, а с учетом семантических, структурных и прагматических характеристик единиц коммуникации – высказывания и текста.

Актуальность исследования терминов и терминологических систем в технической литературе обуславливается, прежде всего, тем, что в настоящее время во всем мире уделяется большое внимание терминологической деятельности как в теоретическом, так и в практическом плане. Это связано с тем, что ученые и производственники осознали тот факт, что от рациональной, точной, отработанной терминологии в значительной степени зависит успех их научной, технической, коммерческой и экономической деятельности.

Нам представляется, что роль терминологической лексики в развитии и функционировании современного языка можно оценить, только подходя к ней в плане анализа всех лингвистических явлений и учитывая эволюцию развития языка на всех этапах. В связи с этим справедливой представляется точка зрения о том, что терминология в сфере функционирования языка является тем средством, вокруг которого происходит выкристаллизация всех языковых процессов, [3] затрагивающих такие области, как: семантика, лексика, морфология, синтаксис, актуальное членение. Иными словами, язык научной литературы необычайно богат и разнообразен и вместе с тем чрезвычайно конкретен.

Терминоведение представляет собой современную научную дисциплину, предметом которой являются термины и терминологические системы. Оно возникло в середине XX в. на стыке лингвистики, логики, информатики, психологии и ряда других наук. Следует заметить, что сегодня терминоведение переживает период бурного развития во всех трех методологических направлениях – теоретическом, описательном и прикладном.

Термины, как и профессионализмы, с точки зрения теории лексикологии, входят в специальную лексику, охватывающую слова и словосочетания, которые называются понятиями, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека, и не являются общеупотребительными. Специальные слова и словосочетания используются в устной и письменной речи людьми, объединенными каким-либо родом производственной деятельности. Слова, которые находятся в употреблении у людей одной профессии, могут быть непонятны остальным членам общества, т.е. эти слова не входят в состав общеупотребительной лексики.

Самой значительной группой в специальной лексике являются научные и технические термины, образующие разнообразные терминологические системы. К терминологической лексике относятся слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий, их отличительных признаков. Следовательно, для термина, в отличие от любого другого общеупотребительного, основной характерной функцией является функция определения, называемая дефинитивной, а само терминологическое раскрытие содержания понятия – дефиницией.

В нашей работе будут рассмотрены некоторые теоретические и практические аспекты терминоведения в немецких технических текстах, в частности, в текстах со сварочно-технической тематикой. Такая необходимость вызвана малой степенью изученности сварочно-технических терминов в технической литературе. Как отмечают М.П. Брандес и В.И. Провоторов, для лексического оформления технических текстов характерно, прежде всего, насыщенность терминами всех видов. Это объясняется спецификой терминов, их принципиальной однозначностью, точностью, экономичностью, номинативной и различительной функцией, стилистической нейтральностью, большой информационной насыщенностью по сравнению с обычными словами. То же самое можно сказать и о текстах со сварочно-технической тематикой. Для таких текстов специфично использование как специальной терминологии с множеством более частных подразделений, ограниченной в своем употреблении сферой сварочной техники (*Schweißstraße* – сварочный стан, *Schweißsatz* – набор принадлежностей для сварки; *Sonderfluss* – специальный сварочный флюс), так и общеупотребительных терминов, известных практически всем носителям языка (*der Wirkungsgrad* – коэффициент полезного действия; *der Hilfsmittel* – вспомогательное средство).

Функциональный подход к изучению терминологических систем сближается с когнитивным подходом изучения языка, который заключается в изучении процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. В связи с этим остановимся на одном рабочем определении термина. Термин – это слово или словосочетание, соотношенное с одним понятием или объектом в системе понятий специальной области науки или техники, функционирующее внутри текста согласно общим закономерностям построения предложения и в тесной связи с другими словами и словосочетаниями.

В процессе функционирования, в зависимости от конкретного коммуникативного задания, языковые единицы отчасти трансформируются, получают дополнительные качества,

это явление можно назвать *смещением*, так как слова общего языка в научном тексте приобретают специфическую окраску, характерную только для научной литературы, ср.: m *Arm* – в общем языке означает руку, ручку, а в языке науки – рукав, плечо, консоль, хобот, кронштейн: *Elektrodenarmhalter* – держатель хобота; f *Backe* – щека; губка / машины для стыковой сварки /: *Klemmbacke* – зажимная губка, *Zusatzbacke* – дополнительная зажимная губка; m *Satz* – тезис, предложение; комплект, набор, ассортимент: *Brennsatz* – набор горелок, *Schweißsatz* – набор принадлежностей для сварки; f *Rolle* – роль; ролик, блок, катушка: *Zugrolle* – загрузочный ролик, *Drahtführungsrolle* – ролик, направляющий проволоку; f *Straße* – улица, дорога, пролив; стан: *Schweißstraße* – сварочный стан, *Rohrschweißstraße* – трубосварочный стан; m *Fluss* – река, поток, течение; флюс: *Kolophoniumfluss* – канифольный флюс, *Sonderfluss* – специальный сварочный флюс.

В текстах со сварочно-технической тематикой используются общеупотребительные и специальные сварочно-технические термины. Процесс образования специальных сварочно-технических терминов осуществляется традиционными способами, присущими словообразованию в немецком языке. Так, мы выделили следующие способы образования:

- простые термины-существительные: die *Naht* – шов, die *Elektrode* – электрод;
- сокращенные термины: *WEZ /Wärmeeinflusszone/* – зона термического влияния; *TSU /Transistorschweißumrichter/* – транзисторизированный сварочный выпрямитель;
- сложные термины: 2-3-компонентные: *Brennerreinigung* – очистка сварочной горелки, *Schweißstromdichte* – плотность сварочного тока;
- многокомпонентные термины: 4-5-компонентные: *Lichtbogenauftragschweißen* – электродуговая наплавка, *Wasserdampflichtbogenschweißen* – дуговая сварка в среде водяного пара;
- термины-глаголы: *steifen* – придавать жесткость, усилить, *krumpfen* – давать усадку;
- термины-прилагательные: *unffluchtig* – несоосный, *hexagonal* – шестиугольный.

Как мы видим, самое большое количество сварочно-технических терминов составляют существительные. Это объясняется наличием в сфере сварочной техники огромного количества машин, приборов, механизмов.

Использование заимствований в текстах со сварочно-технической тематикой объясняется тем, что словарный состав любого языка естественно должен пополняться за счет заимствований и иметь их в качестве синонимов для национальных слов; появление новых понятий в области науки и техники ведет за собой их употребление на том языке, в стране которого они появились; употребление англо-американских заимствований в профессиональной группе указывает на высокий уровень информативности о новых, современных, прогрессивных технологиях. Следует отметить широкое употребление английских терминов, как в качестве первого, так и в качестве второго компонентов сложных терминоединиц: *Shadigkorrektur*; *Serviceraum*; *Workstation*; *Just-m-time – Produktion*; *Personalcomputer*, *Prozesssoftware*, *Silikonspray*, *Steuerungshardware*.

В текстовом материале наблюдается большое количество синонимов, при этом немецкому термину соответствует обозначение на английском языке: *US-Generator* = *US-Schweißpresse*; *Abstandsensor* = *Positionssensor*; *Softwaresystem* = *Programmsystem*; *Stahl-Aluminium mit Aluminium-Magnesium* = *Dreilag-Explosionsschweißverbindung*; *UP-Engspalt-Tandem-Schweißverfahren* = *TANGSA-Schweißen / Tandem Wires Narrow Cap Submerged Arc /*; *Gestaltung von Stromanstieg- und Stromabstiegszeit* / *up-slope und down-slope /*; *Silikonöl* = *Silikonspray*; *Gateways* = *Übertragungsbrücke*.

К явлению синонимии мы причисляем и довольно многочисленные случаи использования терминологических дублетов по образцу «компонит – терминологическое словосочетание», ср.: *Schweißnahtfehlersegmentierung* ---- *Segmentierung von Schweißnahtfehlern*; *Speicherprogrammsteuerung /SPS/* ---- *speicherprogrammierbare Steuerung*. Терминологические словосочетания передают в принципе те же семантические отношения, что и компоненты, но отличие заключается в том, что признаки, передаваемые терминологическими словосочетаниями, в большей степени эксплицитированы по отношению к определяемому, чем сложными

терминами. Ср.: в словосочетании *die flache Naht* признак подчеркивается за счет его экспликации гораздо шире, чем в композите *die Flachnaht*, а в словосочетании *Massestrom des Zusatzwerkstoffes* отдельно стоящее определение несет большую смысловую нагрузку, чем в сложном термине *Zusatzwerkstoff-Massestrom*.

Наш анализ подтвердил, что основу лексики стиля научной речи составляет внестилевой лексический фонд всей лексики. Так, в тексте на 5125 печатных знаков встретились 102 терминологические единицы общелитературного и общетехнического характера и только 28 терминов по сварке: ср.: *Zahl, Einflussfaktor, Prozessablauf, Veröffentlichung, Arbeitparameter ...*, но: *Schweißaufgabe, Schweißtechnologie, Stoßart, Schweißverfahren* и т.п. Иными словами, для научного стиля характерно употребление слов в ведущем предметно-лексическом значении, называемом иногда «реально-логическим, прямым предметно-логическим значением» [2].

Благодаря лексике научный текст всегда обнаруживает потребность показать лишь объективную сторону вещей, для него характерна строгая последовательность и тесная связь отдельных фрагментов текста, отдельных предложений, где каждое следующее вытекает из предыдущего, т.е. текст построен «по типу вытекающей в длину цепочки» [1].

Анализ технических текстов исследуемой подсистемы показал, что потенциальный оттенок могут приобретать и такие высказывания, которые не содержат ни синтаксических, ни лексических средств со значением модальности. Так, например, краткие описания новых изделий обычно заканчиваются стандартным сообщением о возможности их поставки заказчику. При этом значение возможности в одних контекстах передается специальными средствами, а в других остается формально невыраженным.

Исследование технического текста подтверждает, что существительные (на их долю приходится 50-60 % словарного состава) и субстантивно-атрибутивные словосочетания являются его наиболее употребительными и информативными составляющими. При использовании термина в специфичном контексте конкретного подязыка реализуются определенные семантические оттенки, потенциально заложенные, хотя зачастую и не выраженные эксплицитно в семантической структуре данного слова.

Учитывая, что основными характеристиками всякого текста являются связность, точность, логичность, объективность, целостность, эксплицитность и т.п., считаем, что у научного текста имеются семантические особенности, для характеристики которых данные признаки оказываются недостаточными. Так, в плане коммуникативных задач, выполняемых научно-техническим текстом, особую значимость приобретает семантическая категория – *потенциальность*, так как процессы, описываемые в научно-технической литературе, обычно содержат не отдельные соотнесенные с временной осью события, а обозначают потенциальные возможные факты, служащие для качественной характеристики предметов и явлений.

Анализ технических текстов исследуемой подсистемы показал, что потенциальный оттенок могут приобретать и такие высказывания, которые не содержат ни синтаксических, ни лексических средств со значением модальности. Так, например, краткие описания новых изделий обычно заканчиваются стандартным сообщением о возможности их поставки заказчику. При этом значение возможности в одних контекстах передается специальными средствами, а в других остается формально невыраженным.

Особое теоретическое и практическое значение имеет изучение функций детерминативных субстантивных композитов, так как функциональный подход позволяет сосредоточить внимание на назначении композитной конструкции в немецком языке. Поскольку композит является одним из способов для образования новых наименований, то и основной функцией композитной конструкции нужно считать номинативную функцию, которая рассматривается среди главных, а не среди второстепенных функций языка и речевой деятельности.

Термины, описывающие процессы, операции, играют важную роль в текстовом описании. Типы семантических отношений в текстовой выборке обнаруживают существенные отличия от словарной выборки. Данное явление мы расцениваем как логичное отражение реальной действительности: в текстах увеличивается количество объектов, на которые направ-



лено действие процессов и операций, увеличивается численность абстрактных понятий, с которыми процессы и операции соотносятся. Исследование показывает, что термины с определенными и локальными отношениями в текстах чаще передаются словосочетаниями. Ср.: Schweißwärmeverlauf – термический процесс сварки; Schweißwärmeverlauf – Vorlauf der Schweißwärme; Wärmewechselbeanspruchung – напряжение при теплообмене, Wärmewechselbeanspruchung ---- Beanspruchung, die beim Wärmewechsel entsteht. С появлением новых терминов связано появление новых видов семантических отношений.

Анализ текстового материала позволил определить следующие особенности употребления терминов: в композитах часто используются в качестве специфического терминологического названия названия фирм, предприятий, имена собственные, марки сплавов и металлов, материалов, размеры швов и др.: 40-Tonnen-E-Ofenschmelzen; 9 MnNi 4.8/Pie 4 UP-Schweißgut. Таким образом, свойства языковых единиц как элементов лексико-семантической системы при функционировании их в качестве компонентов субстантивных терминов-композитов специфически преломляются в зависимости от обозначаемых ими понятий и особенностей формирования терминологической системы языка.

Исследователи-терминологи (Е.В. Болотова, М.Н. Володина, Е.М. Какзанова, М.Г. Кочнева, L. Ortner) отмечают широкий характер семантики терминов, проявляющийся в придании опорному терминологическому элементу по возможности большого количества определений. В тексте это реализуется за счет копулятивных композитов (соподчинение нескольких элементов): Schallmess-, Schallspeicher- und Schallanalysetechnik; Mitteldruck-, Hochdruck- und Superhochdruckkessel; Schweißingenieure-, Konstrukteure-, technologen oder –gütekontrolleure; Apparate-, Rohrleitungs- und Behälterbau.

Таким образом, свойства языковых единиц как элементов лексико-семантической системы при функционировании их в качестве компонентов субстантивных терминов-композитов специфически преломляются в зависимости от обозначаемых ими понятий и особенностей формирования терминологической системы языка.

Существенными особенностями функционирования сложных терминологических единиц следует считать широкий характер семантики терминов, проявляющийся в придании опорному терминологическому элементу по возможности большого количества определений. В тексте это реализуется за счет копулятивных композитов (соподчинение нескольких элементов): Schallmess-, Schallspeicher- und Schallanalysetechnik; Mitteldruck-, Hochdruck- und Superhochdruckkessel; Schweißingenieure-, Konstrukteure-, technologen oder –gütekontrolleure; Apparate-, Rohrleitungs- und Behälterbau.

В заключении отметим, что технические термины представляют собой огромный пласт специальной лексики и являются предметом широкого научного исследования и анализа. Логико-понятийная основа содержания научно-технической информации, влияние таких принципов научного стиля, как объективность, логичность, точность, определяют особенности строя подязыка науки и техники на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Методы терминоведения можно активно использовать для изучения сварочно-технических терминов, природы их появления и развития, для определения их роли в технической терминосистеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова, Е. В. Функционально-семантический анализ девербативов в сфере технической терминологии / Е. В. Болотова // Теория поля в современном языкознании. – Уфа, 2002. – С. 57-60.
2. Володина, М. Н. Научно-техническая терминология и общеупотребительная лексика / М. Н. Володина // Речевое общение. Специализированный вестник. Вып. 8-9 (16-17). – Красноярск, 2006. – С. 57-73.
3. Володина, М. Н. Über das kognitiv-informationelle Wesen von Terminus und terminologischer Nominierung / М. Н. Володина // Russian terminology science (1992-2002). – Vienna, 2004. – С. 153-161.
4. Какзанова, Е. М. К вопросу о терминологической номинации / Е. М. Какзанова // Вестник МГЛУ. – М., 2007. – Вып. 522. – С. 103-109.
5. Кочнева, М. Г. Об особенностях структурно-семантических соответствий терминологической лексики в технической литературе (на материале английского, немецкого и русского языков) / М. Г. Кочнева, А.С. Пашенко // Русский язык в современном мире. – Воронеж, 2007. – Ч. 2. – С. 35
6. Ortner, L. Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung / L. Ortner. – Tübingen: Niemeyer, 2001. – 165 S.

Мазур И. В.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «КОМПЛИМЕНТ» В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мазур И.В.

Mazur I. V.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «КОМПЛИМЕНТ» В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE “COMPLIMENT” SPEECH GENRE IN DIFFERENT AREAS OF FRANCOPHONE COMMUNICATION

Мазур Ирина Валерьевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной деловой коммуникации Хабаровской государственной академии экономики и права (г. Хабаровск, Россия). 680042 г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 134, ауд. 509, тел. 7 (4212) 37-49-50. E-mail: im-azour@ael.ru

Ms. Irina V. Mazur – senior lecturer at the Department of Foreign Languages and Business Communications, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Khabarovsk, Russia), 134 Tikhookeanskaya Str., room 509, Khabarovsk, Russia 680042, tel. 7(4212) 37-49-50. E-mail: im-azour@ael.ru

Аннотация: Возрастающий интерес лингвистов к проблемам межличностного вербального общения и взаимодействия людей между собой требует углубленного исследования любой формы речевого поведения носителей языка и их коммуникативных и прагматических особенностей. Формулы, включающие комплиментарные высказывания, представляют особый интерес в связи с прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации. Таким образом, комплимент как речевой жанр, обладающий контактоустанавливающей функцией, как гармонизатор общения заслуживает самого пристального и комплексного исследования.

Summary: The ever growing interest of researchers of linguistics to various problems of interpersonal verbal communication and interaction between people requires in-depth study of any form of speech behavior in native speakers of a language and their communicative and pragmatic characteristics. Formulas that include complimentary/welcoming statements are of particular interest in connection with a pragmatic focus on the successful implementation of language communication. Thus, a ‘compliment’ as a speech genre, which has a communicative function of a harmonizer, deserves the most careful and comprehensive study.

Ключевые слова: Комплимент, гармонизация, комплиментарные высказывания, лесть, похвала, речевой жанр, эмоциональность, гиперболизация

Key-words: compliment, harmonization, complimentary remarks, flattery, praise, a speech genre, emotion, exaggeration

Комплимент представляет интерес для различных областей научного знания: психология, социология, лингвистика. В последние годы комплиментом в целях обучения искусству делового общения стала активно интересоваться практическая психология [Шепель 1994; Шейнов 1997; Бодалев 1996; Борисов 1998 и др.]. В рамках этого направления комплимент рассматривается как необходимый компонент создания доверительной тональности общения, способствующий его эффективности.

Возрастающий интерес лингвистов к проблемам межличностного вербального общения и взаимодействия людей между собой требует углубленного исследования любой формы речевого поведения носителей языка и их коммуникативных и прагматических особенностей. Формулы, включающие комплиментарные высказывания, представляют особый интерес в связи с прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации.

Требования к искусству комплимента как элементу этикета в конце 20 века кардинально изменились. Если раньше сфера использования комплимента была ограничена эпи-



столярной речью или устным этикетным общением, то сегодня комплименты рекомендуется делать как можно чаще и всем, «кто, хоть в малейшей степени достоин доброго слова» [Шейнов 1997].

В современных лингвистических исследованиях комплимент включается в систему жанров эпидейктической речи. Описание эпидейктической речи впервые представлено в труде Аристотеля «Риторика». В зависимости от адресата и цели речевого акта, Аристотель выделяет три рода риторических речей: совещательные, судебные и эпидейктические. Целью последней он называет похвалу или хулу, а объектом произнесения хвалы - прекрасное и добродетель [2, 46].

В прошлом к комплименту как малой форме эпидейктической речи предъявлялись следующие требования:

1. Объектом комплимента является то, что заслуживает похвалы.
2. Адресатом комплимента становится тот, кто обладает какой-либо добродетелью, т.е. крайней степенью какого-нибудь положительного качества.
3. Произнося комплимент, говорящий должен учитывать личность слушающего.
4. Для комплиментов наиболее характерно использование таких тропов, как гипербола, сравнение, эпитеты и градация.

Таковыми были основные требования к эпидейктической речи в античной риторике, и со временем они почти не изменились.

В книгах о хорошем тоне настоятельно рекомендовалось не отождествлять комплимент с лестью, четко дифференцируя их: «Комплиментами называют те любезности, которые говорят лицам по какому-либо поводу, вернее сознательно преувеличенный отзыв о качествах лица, с целью доставить ему удовольствие, но не ради извлечения выгоды, чем отличается от лести» [18, 161].

Для определения понятия «комплимент» в современных толковых словарях - например, в Словаре русского языка в 4-х томах, в Словаре русского языка С.И.Ожегова и др. - используется лексема «лестный». Хотя она и является дериватом от существительного «лесть», имеющего отрицательную коннотацию, одновременно является синонимом прилагательного «приятный» и сопровождается положительной коннотацией: «Лестный - содержащий похвалу, одобрение; дающий удовлетворение самолюбию» [19, 234].

Таким образом, понятия «комплимент» и «лесть» противопоставляются друг другу как выражение реально существующих достоинств собеседника, целью которого является доставить удовольствие собеседнику, не предполагая собственной выгоды, и восхваление несуществующих или сильно преувеличенных достоинств собеседника с целью извлечь выгоду.

Жанр комплимента допускает некоторую гиперболизацию, но совсем не подразумевает обмана и неискренности. Этим комплимент существенно отличается от лести.

Граница между комплиментом и лестью является довольно зыбкой и зависит от коммуникативной ситуации и самих коммуникантов, точнее от их возрастных и социальных характеристик, а также от личных взаимоотношений адресанта и адресата и базируется на принципе искренности/неискренности участников коммуникации.

Следует также различать комплимент и похвалу. Так, О.С. Иссерс говорит о том, что для похвалы основной целью является положительная оценка, а для комплимента - сообщить о благорасположении [12, 2]. Исследователь отмечает, что «для похвалы показателем успешности... является принятие оценки, показателем неудачи - ее отклонение», «для комплимента даже несогласие адресата с говорящим не означает неуспеха...», а также утверждает, что похвала предполагает оценку качеств, знаний, умений адресата, и, чтобы получить похвалу, нужно совершить нечто, проявив себя с положительной стороны. Комплимент же не ограничен в этом плане [12, 2].

Несмотря на то, что комплимент как речевой жанр за сравнительно недолгую историю своего изучения уже довольно детально описан [Леонтьев В.В. 1999; Мищенко В.Я. 1998;

Мудрова Е.В. 2007; Мурашкина Э.В. 2004; Сальникова В.И. 2006; Демченко Е.В. 2007; Галимова З.Ф. 2009], имеется еще много лакун в этой области исследований.

Помимо вопросов, касающихся определения жанровой модели комплимента (межжанровые границы похвалы и комплимента, комплимента и лести, комплимента и флирта), требуют решения и вопросы внутрижанровой дифференциации комплимента (внутрижанровая классификация комплимента, антикомплимента, прямого, косвенного комплиментов и т.п.). Весьма актуально также изучение межкультурных аспектов речевого жанра комплимент и функционально-стилевой специфики комплимента.

Парадоксально, но такой речевой жанр романского происхождения, как комплимент практически не изучался на материале французского языка. Во всяком случае, нам известны работы, в которых комплименты на французском языке были только частью исследуемого материала [Агаркова О.В. 2004; Белан Д.В. 2007], но не всем его объёмом или не центром исследования.

Кроме того, во франкоязычной коммуникации существует и литературная форма комплимента (комплимент вновь принимаемым членам французской академии, например), которая совершенно не изучена и представляет собой несомненный интерес для романиста-жанроведа. Исследование литературной формы комплимента позволит, как мы предполагаем, выявить жанровые границы РЖ «комплимент» в целом, и покажет те «рубцы межей» жанров, о которых говорил М.М. Бахтин [3].

Комплименты употребляются в различных сферах жизни: в официальной обстановке, в деловой сфере, в неофициальной обстановке, т.е. в кругу друзей, близких, родственников. С помощью комплимента говорящий реализует различные цели в коммуникативной ситуации: помимо установления контакта - создание благоприятной атмосферы в ходе беседы, выражение чувств (чаще всего в отношениях между мужчиной и женщиной) и другие. Комплимент может быть обращен к женщине, мужчине, коллеге по работе, начальнику, ребенку, пожилому человеку и т.д. От того, кому адресован комплимент и в какой ситуации он произнесен, зависит форма его выражения, характер, структура и содержание.

Таким образом, комплимент как речевой жанр, обладающий контактоустанавливающей функцией, как гармонизатор общения заслуживает самого пристального и комплексного исследования.

В ходе нашего исследования было установлено, что литературная форма комплимента сохраняется во франкоязычной коммуникации и может носить жанровые признаки спонтанного комплимента и в то же время быть образцом продуманной, заранее подготовленной письменной речи (речь в честь юбиляра, награждаемого лица).

Например, комплимент произносится в адрес принимаемых во Французскую Академию лиц: «Voilà en effet bien longtemps que vous êtes célèbre. Peut-être vos poésies de première jeunesse ne furent-elles goûtées que de quelques délicats, dont, il est vrai, Marcel Proust. Mais, dès 1922, votre recueil de nouvelles Ouvert la Nuit fut lancé en fusée par un article de Léon Daudet et les feux d'artifice que vous tirâtes ensuite provoquèrent des salves d'applaudissements longuement retentissantes.» [24] или « Vous êtes en effet, Monsieur, un grand cavalier: cavalier de plein air, intrépide sauteur de gros obstacles, et cavalier de manège, habile à obtenir par le plus léger déplacement d'assiette, la plus moelleuse action des rênes et la moindre pression des jambes, les plus difficiles changements de pieds, les plus rares galops ralentis. Aussi bien y a-t-il, dans votre silhouette quelque chose qui décèle l'homme à cheval » [24].

Как мы видим, литературная форма комплимента носит особый характер изложения и отличается изысканностью фраз, использованием различного рода эпитетов (célèbre, grand, gros, intrépide), сравнения (ne furent-elles goûtées que de quelques délicats), употреблением passé simple (furent-elles, fut lancé), развёрнутой метафоры (cavalier, l'homme à cheval), повторов (cavalier, plus).

В разговорно-бытовой сфере франкоязычной коммуникации комплимент встречается чаще, чем в каком-либо другом языке. Здесь комплименты отличаются более простым стро-



ем предложения, подчеркнутой, напрямую выраженной эмоциональной окраской « Comme tu es belle, ma fille ! » [22].

Комплимент, несомненно, является высокообязательным элементом флирта, где он может быть завуалированным, косвенным, предполагающим игривый тон.

« Homme : T'appelles-tu Alice ?

Femme : Non, pourquoi ?

Homme : Parce qu'une fille comme toi peut seulement venir du Pays des merveilles! »[25].

« Que se passera-t-il dans le ciel avec tous ces anges qui marchent sur terre ? »[25]

Во франкоязычной коммуникации комплимент употребляется и в официально-деловой сфере, где момент установления контакта является очень важным и способствует эффективности делового общения, и где комплимент является не только элементом этикета, но и средством гармонизации межличностного взаимодействия:

« ... je pense que votre entreprise serait l'idéal pour moi » [26]

« Notre ambassadeur sera bien informé sur les coopérations entre Khabarovsk et la France grâce à vous ! » [23]

« Si tout le monde était comme vous ça serait un bonheur ! » [23]

В официально-деловой сфере, чаще всего, дается положительная оценка профессиональных качеств адресата, его деятельности или деятельности предприятия. При этом избегается та прямота, которой отличаются комплименты из разговорно-бытовой сферы общения.

Как показывает наш анализ, комплименты из разных сфер коммуникации независимо от темы, адресата и сферы употребления обладают общими чертами:

- объектом комплимента является какое-то положительное качество (внешний вид, профессиональные оценка собеседника, особенности характера или поведения и т.д.);
- прямое обращение на «ты» или на «вы», так как комплимент относится к контактной коммуникации (vous êtes, tu es) и может подразумевать ответную реакцию;
- лексика с положительной оценкой (célèbre, belle) и гиперболизация достоинств адресата (votre entreprise serait l'idéal pour moi; si tout le monde était comme vous ça serait un bonheur !; grâce à vous);
- эмоциональность, выраженная интонацией в устной речи и при помощи восклицательных знаков в письменной речи;
- гиперболизация и различиями:

Комплимент в сфере художественной литературы	Комплимент в разговорно-бытовой сфере	Комплимент в официально деловой сфере
Различия		
- особый характер изложения и изысканность фраз; - употребление Passé simple; - использование развернутой метафоры, повторов	- более простое построение фраз; - напрямую выраженная эмоциональная окраска	- четкое построение фраз; - употребление Conditionnel - косвенное выражение комплимента

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова Ольга Анатольевна. Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 : Челябинск, 2004 133 с. РГБ ОД, 61:04-10/1379
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. - М., 1975-1984.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206.
http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm

4. Белан Д.В. Комплимент в американской и французской коммуникативных культурах (сопоставительный анализ). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук.- Москва, 2007.
5. Бодалев 1996 - Бодалев Психология общения. М., 1996.
6. Борисов 1998 - Борисов Роскошь человеческого общения. М., 1998.
7. Галимова З.Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы. Автореф. дис. на соискание ученой степени к.ф.н. – Ижевск, 2009.
8. Горобец О.Б. «Комплимент в русскоязычной и франкоязычной коммуникации: жанровые и межкультурные аспекты» Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: сборник научных статей на основе докладов 4-й международной научной конференции, посвящ. Году рус.яз.в Китае и 110 летию обр.ДВГУ, Владивосток, 2-4 марта 2009 г. в 2 ч. Ч.1. Проблемы языка, литературы и лингвокультуры. – Владивосток: Изд. Дальневосточ. унта, 2009. С. 129-134.
9. Горобец О.Б. Похвала и комплимент: межжанровые границы Ученые записки КнАГТУ. № II-2 (2). Серия: Науки о человеке, обществе и культуре. С. 75-80
10. Демченко Е. В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках/Автореф. дис. на соискание ученой степени к.ф.н.- Ростов-на-Дону, 2007.с.20.
11. Журавлев А.В. Функционирование выражений-комплиментов в русском и французском языках. Сборник научных трудов «Русская и сопоставительная филология» www.ksu.ru/fil/kn2index.php
12. Иссерс О.С. Речевая тактика комплимента в разговорной речи // Речь города. Тезисы докладов Всероссийской межвузовской научной конференции. - Омск, 1995.
13. Леонтьев В.В. «Похвала», «Лесть», «Комплимент» в структуре английской языковой личности / Дисс. на соискание ученой степени к.ф.н. Волгоград, 1999
14. Мищенко В.Я. Комплимент в разговорном поведении представителей англоязычных (британской и американской) культур/Автореф. дис. на соискание ученой степени к.ф.н. Харьков, 1998
15. Морозова И.С. Некоторые особенности речевого акта «комплимент» в англоязычной (британской) лингвокультуре (на материале текстов художественных произведений XX века) //Межд.научн.конф. "Изменяющийся языковой мир". – Пермь: Пермский госуниверситет, нояб.2001 <http://language.psu.ru/bin/>
- 16.Мудрова Е.В. Комплимент как первичный речевой жанр / Автореф. дис. на соискание ученой степени к.ф.н. Таганрог, 2007.
- 17..Мурашкина Э.В. Комплимент как регулятивный речевой акт (на материале английского языка). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. Наук. – Тверь, 2004.
18. Ожегов С.И. Словарь русского языка – М. : Русский язык, 1989 – 750с.
19. Пелюхова Т. Ю. Структурно-композиционные особенности речевого действия комплимент в современном немецком языке <http://bibliothek.kafnemphil.ru/vyp-rab-2009/peljuhova-kompliment.doc>
20. Сальникова И.В. Комплимент в британской и американской лингвокультурах: коммуникативные, лингвопрагматические, лингвокультурные аспекты. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук.-Воронеж, 2006.
21. Светлов О.П. Светский благовоспитанный молодой человек: Сборник правил и наставлений, как держать себя с тактом во всех слоях общества и дома, с прибавлением необходимого словаря иностранных слов, употребляемых при разговорах в обществе и при дирижировании танцами. В 2-х частях / Сост. Светлов О.П.. - М., 1898. - 302 с.
22. Zola E. La curée. – М. : Просвещение, 1974
23. личные наблюдения
24. http://www.academie-francaise.fr/Immortels/discours_reponses/chastenet.html
25. http://www.seduction-rapide.com/ext2_stades.shtml
26. <http://www.interpsychologie.ru/compliment/>

Шунейко А.А., Авдеенко И.А.
Shuneyko A. A., Avdeenko I. A.

УЧАСТНИКИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

PARTICIPANTS OF INFORMATION/COMMUNICATIVE EVENT SCENARIOS



Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – PhD in Philology, Associate Professor, Department Of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue, 8 (4217) 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru



Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department Of Russian Language, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. Конкретные сценарии в силу своих особенностей вовлекают в сферу своего действия таких людей, которые в определенный момент под воздействием информационного и коммуникативного пространств наделены набором специфических признаков, предрасположены к реализации того или иного сценария.

Summary: Due to its specific features, a particular events scenario involves people who being influenced by the information and communicative space possess at a certain moment a set of special characteristics and are therefore inclined to follow one or another scenario.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Key-words: information-communicative events scenario, participant, information field, communicative space.

УДК: 804.0:801.1

Участником любого сценария информационно-коммуникативного события [1, 2, 3] может стать любой человек. Но при этом конкретные сценарии в силу своих особенностей вовлекают в сферу своего действия таких людей, которые в определенный момент под воздействием информационного и коммуникативного пространств наделены набором специфических признаков, предрасположены к реализации того или иного сценария. В этом смысле можно говорить о том, что у различных сценариев представлены специфические участники. Всего участников три: инициатор (тот, кто формально, своими действиями запускает сценарий в коммуникативном пространстве); реагент (тот, на кого направлены действия инициатора в коммуникативном пространстве); наблюдатель (тот, кто так или иначе воспринимает действия инициатора и реагента и тем самым вовлекается в информационно-

коммуникативное событие). Все три участника могут выступать в роли основного действующего лица, то есть оказывать определяющее влияние на протекание сценария, стремиться обязательно довести актуальный для себя сценарий до конца.

Участники сценария допроса

Инициатором реализации сценария допроса всегда является тот, кто испытывает недостаток в собственных знаниях, хочет получить информацию и тем самым этот недостаток восполнить. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Инициатор видит только один путь достижения своей цели – извлечь её из внешнего источника. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Хочу всё знать». В нём живет дух почемучки, он постоянно стремится собирать данные, концентрировать их в одном месте. Его мало интересует статус собеседника, но очень волнует реальное или предполагаемое наличие у него нужной информации. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: следователь, врач, контролер, экзаменатор, исследователь, ведущий игры, интервьюер, заблудившийся в чужом городе прохожий, ревнивая жена, любознательный ребенок, член экспертной комиссии, коллекционер, обеспокоенный чем-либо человек, клиент справочной службы, официант в момент приема заказа, гаишник, – то есть любые лица, стремящиеся что-либо выяснить. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но её инвариантными чертами являются стремление поглотить информацию и сопутствующие этому действия.

Реагентом в этом случае оказывается человек, у которого есть или предполагается наличие информации: свидетель, подозреваемый, пациент, пассажир общественного транспорта, ученик или студент в момент ответа, объекты реальной (социальной) действительности, игрок интеллектуальной игры, респондент, местный житель, страдающий от ревности супруг, взрослый, экспертируемые материалы, возможные собственники объектов собирания, друг обеспокоенного чем-либо человека, работник справочной службы, посетитель ресторана, водитель, – то есть человек, техническое средство или мир вообще.

Основным действующим лицом может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку в ходе реализации сценария свои цели может успешно реализовать как один, так и другой участник: если допрашиваемый, например, молчит, как партизан, или ему удастся перевести данный сценарий в формат совершенно иного сценария, то основным действующим лицом является он. Если же инициатору удастся реализовать свою цель (получить нужную информацию), то основным действующим лицом является инициатор.

Отношения между участниками всегда неравноправны, потому что уже сам факт обращения с вопросом предполагает, что инициатор ставит реагента в ситуацию, когда тот должен доказывать свою компетентность или свое соответствие реальным или предполагаемым требованиям. В пресуппозиции самого вопрошания содержится семантика «я могу тебя спросить, ты должен ответить и я по характеру ответа буду тебя оценивать». А сама предполагаемая возможность оценки уже содержит в себе компонент превосходства. В ряде ситуаций это превосходство выражено более ярко и сопряжено с социальной зависимостью, в другом ряде – менее выражено и ни с какими социальными отношениями не сопряжено. В то же время самим фактом вопроса человек ставит себя в зависимость от того, кого он вопрошает. Мера этой зависимости также может быть очень большой или минимальной, но всегда присутствует. Такое противоречие в отношениях участников всегда ставит инициатора в сложное положение. Он вынужден задумываться над тем, как будет выглядеть в глазах реагента, задавая тот или иной вопрос. Это служит причиной нерешительности и замешательства, которые испытывают многие люди перед тем, как задать элементарный вопрос.

Отношение участников к наблюдателям определяется тем, насколько они помогают им реализовать собственные задачи. Инициатор приветствует наличие наблюдателей, которые фактом своего присутствия или действиями заставляют реагента сообщать информацию. Реагента интересует наблюдатель, который обеспечивает его интересы (снимает тревожность реагента или ограничивает инициатора в выборе вопросов, помогает расслабиться или собраться и т.д.).



Участники сценария отчета

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто хочет передать информацию, распространить её в пространстве и времени, зафиксировать её таким способом, чтобы она так или иначе стала доступной той или иной группе адресатов. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Единственный путь достижения этой цели – сообщить информацию реагенту. Реализация сценария не предполагает обязательной сиюминутности и может быть ориентирована на сколь угодно длительную перспективу. У инициатора может быть самое разнообразное представление о реагенте, и он строит свое коммуникативное поведение в соответствии с этим представлением. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Слушайте, что я говорю». В нём живет дух глашатая, он стремится заполнить информацией доступное ему коммуникативное пространство. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: журналисты, мемуаристы (работающие вне социального или частного заказа), лекторы, водители автобусов, инструкторы, экскурсоводы, ораторы на митинге, доносчики, докладчики на конференции, спортивные комментаторы, сплетники, резонеры, дикторы – то есть любые лица, стремящиеся что-либо сообщить не в ответ на запрос, а главным образом, исходя из личной потребности увеличить количество информации. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, от одинокого летописца до вещающего перед миллионной аудиторией сытого политика, но её инвариантными чертами являются стремление распространять информацию и сопутствующие этому действия.

Реагентом в этом случае оказываются человек или группа лиц, которые по собственной или не собственной воле получают информацию, воспринимают тексты «к сведению»: читатель газеты, телезритель, кинозритель, студент на лекции, инструктируемый, экскурсант, толпа на митинге, получивший донос чиновник, пассажир общественного транспорта, член диссертационного совета, а также любой идеальный или материальный объект, к которому обращен отчет.

Основным действующим в подавляющем большинстве случаев реализации данного сценария является инициатор: он в целом управляет характером восприятия информации, темпом её подачи, её доступностью, ходом протекания сценария. Однако в случаях, когда реагент владеет большим объемом информации, заинтересован в её экспликации, стремится помочь растерявшемуся или замешкавшемуся инициатору, он сам может становиться основным деятелем.

Отношения между участниками равноправны, потому что в рамках данного сценария характер общения между людьми не предполагает обязанности восприятия излагаемой информации, а сам человек, излагающий информацию, не воспринимается как доминирующий. Но в некоторых ситуациях характер самопрезентации участника и распределение социальных ролей могут повлиять на отношения и сделать их неравноправными. При этом может меняться (повышаться или понижаться) коммуникативный статус как инициатора, так и реагента. Например, человек, который пришел, чтобы оправдываться, будет занижать свой коммуникативный статус, а человек, слушающий подчиненного, будет вести себя так, словно его социальная роль повышает его статус и в случае с ситуацией в рамках данного сценария.

Отношение участников к наблюдателям зависит от характера сообщаемой информации. Если характер сообщаемой информации не предполагает ограничения круга посвященных, отношение к наблюдателю положительное или нейтральное. Если же информация предназначена для узкого круга, в который не входит наблюдатель, отношение к нему будет негативным.

Участники сценария миротворчества

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто хочет сгладить или нейтрализовать реальную или потенциальную конфликтную ситуацию, установить мир в более или менее широком коммуникативном пространстве, способствовать разрешению опасного спора, свести на нет нежелательную ссору, остановить драку, успокоить, привести к единому знаменателю различные точки зрения, преодолеть разногласия, способствовать внешнему или внутреннему умиротворению, прекратить междоусобицу, примирить противников или оппонентов, разрешить противоречия, обойти опасную или неприятную кому-либо ситуа-

цию, установить равновесие. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Реагента он представляет себе как человека, попавшего в сложную ситуацию, которую сам этот человек разрешить не может. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Давайте жить дружно». В нём живет дух объединения, он стремится устранить конфликты и настроить или восстановить связи. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: федеральный, мировой, спортивный, третейский судьи, секунданты, дипломаты, надзиратели в отношении законопослушных граждан, воспитатели в детском саду, регулировщики дорожного движения, члены согласительной комиссии, психоаналитики, члены комиссии по трудовым спорам, конфликтологи или любые другие люди, примиряющие человека с другим, другими или с самим собой, а также язык, поскольку в его паремиологическом фонде представлены решения практически всех возможных конфликтных ситуаций. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но её инвариантными чертами являются стремление под воздействием различных причин деактивировать конфликтную ситуацию и сопутствующие этому действия. В процессе реализации сценария инициатор меняет степень актуальности тем, говорит, что это не важно, а важно, чтобы все жили в согласии. В том смысле он управляет вниманием реагента, выбирает нужные себе темы, как музыкант дергает одни струны и не трогает другие для получения нужной себе музыки.

Реагентом в этом случае оказывается человек, который произвольно участвует или произвольно втянут в конфликтную ситуацию, у которого есть потребность усугубить ситуацию, а также тот, кто не может самостоятельно найти выхода: истец и ответчик в суде, спорщик, хулиган, драчун, сварливая жена, конфликтный коллега, враждующие стороны, невротик, сутяга, обидчик и его жертва, нарушитель общественного порядка, разжигатель войны, бузотер, бретер, оскорбитель и оскорбленный, – то есть человек, который находится в контексте нестабильного, неравновесного коммуникативного окружения. Такой человек дестабилизирован внутренним или внешним конфликтом, может иметь или не иметь потребности в его прекращении, склонен к деструктивным решениям, не всегда адекватно оценивает ситуацию, подчинен ей.

Таким образом, в данном сценарии основное отличие инициатора от реагента состоит в том, что реагент находится в ситуации, а инициатор пытается встать над ситуацией, воспринимая её целостно или в контексте других, поэтому основная задача инициатора – вывести реагента за пределы ситуации, представить её как неактуальную.

Основным действующим лицом сценария преимущественно является инициатор, так как он (с разной степенью адекватности понимания) формально и содержательно стоит над ситуацией, занимает более высокую позицию, чем реагент, обладает большим количеством информации, приписывает себе способность управлять реагентом и таким образом наделяет себя функциями координатора и регулятора коммуникативных процессов. Лишь в некоторых случаях реагент может становиться основным действующим лицом, подыгрывая инициатору или перетягивая на себя инициативу, когда инициатор уже исчерпал свои возможности или что-либо препятствует их реализации.

Отношения между участниками всегда неравноправны, потому что уже сам факт попытки управлять ситуацией указывает на то, что инициатор ставит реагента в подчиненную позицию, но при этом инициатор может делать так, чтобы реагент воспринимал отношения как равноправные, поскольку такое восприятие действий миротворца более способствует достижению консенсуса. Впрочем, инициатор может подчеркнуто демонстрировать свое коммуникативное превосходство, говоря: «Молчать!», «Прекратить базар!», «Смирно!».

Отношение участников к наблюдателям всегда заинтересованное. Но эта заинтересованность, связанная с тем, что никакой конфликт не является исключительно конфликтом личностей, а проецируется в коммуникативное пространство, может подталкивать конкретного инициатора к различным действиям в отношении наблюдателей, в том числе, к их вовлечению в ситуацию («Идите все сюда!») или их устранению из неё («Оба ко мне в каби-



нет!»). Реагент заинтересован в расширении конфликтной области, а следовательно, и в наблюдателях, которых может привлечь на свою сторону, к которым может апеллировать.

Участники сценария провокации

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто стремится подтолкнуть кого-либо к какому-либо действию (разжечь конфликт, столкнуть двух людей, вызвать тот или иной поступок, спровоцировать ссору, завербовать человека, активизировать интеллектуальные или физические усилия, стимулировать различные поведенческие реакции, вызвать определенный тип отношения, управлять человеком или группой, перевести активность человека в другое направление, создать видимость активности, изменить реальность) и направляет на эту цель все свои коммуникативные усилия. Это действие может быть нейтрально, полезно, бесполезно или вредно для реагента, самого инициатора или их обоих, но на его производство направляются все усилия инициатора. Реагента он представляет себе в качестве марионетки, которой можно управлять. В целом его действия подчинены формуле: «Вы будете плясать под мою дудку». В нем живет дух подстрекателя. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: гебешники, резиденты иностранной спецслужбы, учителя общеобразовательной школы, конферансье, тамады, продюсеры, пакостники разного калибра, обязательно имеющие место в любом коллективе, продавцы-консультанты, тренеры, профессиональные революционеры или люди, которые себя ими считают, рейдеры, риелторы, армейские командиры, составители инструкций, законов и уставов, лингвисты-нормализаторы, рекламные или PR деятели, страховые агенты, синоптики, торговцы любой масти, профессиональные политики, модераторы, спикеры, проповедники, гипнотизеры, нищие попрошайки, хулиганы в подворотне, модницы (если они не самонавязываются и не состязаются), шантажисты, девушки-зажигалки, крупье, участники предвыборной гонки, ведущие телевикторин, аферисты всех видов, цирковые артисты, – то есть любые лица, стремящиеся подтолкнуть кого-либо к какому-то действию, поступку, изменяющему его характеристики, характеристики ситуации, а также язык, поскольку языковая картина мира во многом руководит установками и поступками человека. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но её инвариантными чертами являются создание нестабильности ситуации, пространства, мнений, идей, установок и указание нужного инициатору пути.

Реагентом в этом случае оказывается человек, который попадает в поле активности провокатора, причем способности человека к действию, которое необходимо провокатору, не повышают шансов стать реагентом в рамках данного сценария: избиратель, целевая аудитория рекламы и PR, прихожанин, солдат, участник ток-шоу и фокус-группы, спортсмен, судья, член жюри, зритель, болельщик, то есть любой человек, попавший в сферу интересов инициатора. Нет человека или коллектива, который реально или потенциально не был бы реагентом данного сценария. Таким образом, возникает диспропорция между ограниченным числом инициаторов и бесконечным числом реагентов, что ведет к тому, что инициаторы начинают конкурировать и конфликтовать друг с другом: родители с учителями, социальная, политическая, религиозная, коммерческая реклама – между собой, торговцы и политики. В результате реагент может оказываться одновременно в рамках нескольких провокационных сценариев, что является еще одним фактором дестабилизации, который в то же время затрудняет последовательную реализацию каждого из них.

Основным действующим преимущественно является инициатор. Исключения составляют те случаи, когда реагент не поддается провокации или сам меняет сценарий, результативно изобличает провокатора в производимых им действиях, ставит непреодолимые преграды между собой и инициатором или сам становится провокатором.

Отношения между участниками неравноправны, но неравноправность здесь определяется не коммуникативной позицией, а осведомленностью в проведении сценария: если о проведении сценария осведомлен только инициатор, то он и занимает главенствующее место, если об этом осведомлен также и реагент, то главенствующее место занимает реагент. В отношении коммуникативной позиции провокатор может внешне произвольно занимать лю-

бое место, в том числе подчиненное (например, нищий, попрошайка), оставаясь при этом ведущим в аспекте осведомленности об осуществляемом им сценарии.

Отношение участников к наблюдателям разное. Для инициатора наблюдатели могут быть важны, вредны или безразличны в зависимости от задач и уровня квалификации. Для реагента, осведомленного в своем участии в сценарии, они всегда выгодны, поскольку могут ограничивать инициатора в действиях.

Участники сценария самонавязывания

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто стремится актуально попасть в центр внимания и оставаться в нем в качестве позитивного персонажа, желательного собеседника, положительного образа, востребованного в коммуникативном пространстве, пока ему это нужно, выстраивая свое поведение так, чтобы внимание к нему постоянно увеличивалось, захватывало большее и большее количество людей и их эмоциональных усилий, связанных с концентрацией на инициаторе, и используя для этого все возможные средства. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Инициатор крайне заинтересован в реагенте, стремится захватить всё его внимание. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Восхищайтесь мной безмерно». В нем живет дух закоренелого эгоиста, считающего, что мир должен вращаться вокруг его персоны и притягиваться к нему. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: попутчики в поезде и самолете, покупатели, пациенты, клиенты любой сферы услуг, претенденты на рабочее место, телефонные хулиганы, работники творческого труда и участники художественной самодеятельности, если цель их творчества – привлечь к себе внимание, классические выпендрожники, постоянные обитатели лавок в городских и завалинок в сельских дворах, люди, уставшие от одиночества, желающие познакомиться с кем-либо, ощущающие дефицит общения, те, кто обращаются за психологической помощью, модницы (если они не провоцируют и не состязаются), люди, страдающие манией внимания, советчики (если они не провоцируют), неукротимые охотники делиться своей грошовой мудростью, бабушки сказительницы, – то есть любые лица, для которых в данный момент распространение информации о себе важнее любой другой информации, а также язык, который стремится к вытеснению всех остальных форм познания, о которых многие люди даже не подозревают. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но её инвариантными чертами являются стремление заслонить собой солнце, прокричать о себе громче всех, быть заметнее всех, ни с кем не делиться вниманием, подчеркнуть свою безусловную актуальность и сопутствующие этому действия.

Реагентом в этом случае оказывается любой человек, который попадает в сферу действий инициатора и не успевает, не имеет возможности или желания увернуться от него: продавец, другой пассажир, врач, мастер в сфере услуг, работодатель, судья, член жюри, зритель, болельщик, избиратель и др.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку в ходе реализации сценария свои цели может успешно реализовать как один, так и другой участник: если реагент не реагирует или ему удастся перевести данный сценарий в формат совершенно иного сценария, то основным действующим является он. Если же инициатору удастся реализовать свою цель (навязаться), то основным действующим является инициатор.

Отношения между участниками равноправны (реагент всегда имеет свободу действий: реагировать или нет, потакать или препятствовать, а инициатор – продолжать, прекратить или переключиться на другого); либо самонавязывающийся подчинен (он просит внимания, вынужден его добиваться): в этом смысле инициатор больше зависит от реагента, чем реагент от него, он часто выступает в роли просителя, вымаливающего подачку в форме разговора с ним или того, что его просто терпят рядом.

Отношение к наблюдателям у участников сценария заинтересованное: инициатору важно иметь возможность навязаться как можно большему числу людей одновременно (обращение к конкретному лицу для него формально) или в любой момент переключиться на



другого реагента; реагенту важно иметь возможность в любой момент уйти в сторону и передать инициатора другому реагенту, а также затратить меньше усилий за счет привлечения наблюдателей в число реагентов.

Участники сценария отпугивания

Инициатором реализации сценария является тот, кто стремится актуально попасть в центр внимания и оставаться в нем в качестве крайне негативного персонажа, нежелательного собеседника, отталкивающего образа, вызывающего отторжение в коммуникативном пространстве, причем в отличие от инициатора самонавязывания, инициатор отпугивания не обязательно стремится к постоянному укреплению такого восприятия себя; он в большей мере ориентирован на однократное эффективное (эффектное) действие. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Реагента он воспринимает тоже как нежелательное лицо, избыточный, ненужный компонент коммуникативного пространства, который должен быть вытеснен. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Бойтесь меня». В нем живет дух Бармалея. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: директора школы, надзиратели по отношению к заключенным, охранники, телохранители, вышибалы, вахтеры, панки и байкеры, злые клоуны, люди, которые стремятся к одиночеству и не заинтересованы в коммуникативных контактах, братки и гопники, руководители тоталитарных государств, солдаты, профессиональные единоборцы в ходе психической атаки, бытовые отморозки, милиционеры, привидения и подобные им существа как воображаемые участники коммуникации или любые другие лица, стремящиеся существовать в сознании собеседника в качестве пугала, а также язык (см., например, выражение: «Это не выразить словами»). Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но её инвариантными чертами являются стремление нагнать ужаса, напустить страха, поселить тревогу и тем самым подчеркнуть свою безусловную актуальность и сопутствующие этому действия.

Реагентом в этом случае оказывается любой человек, который попадает в сферу влияния инициатора: школьник, посетитель кафе, гражданин тоталитарного государства, прохожий, сосед бытового отморозка и т.д.

Основным действователем может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку запускать механизм сценария может и реагент, искренне приписывая собеседнику отторгающие свойства (например, проецируя физические недостатки на характер коммуниканта) или не поддаваясь действиям инициатора и заставляя его модифицировать коммуникативное поведение.

Отношения между участниками неравноправны, потому что инициатор является просителем определенного отношения и в этом смысле занимает подчиненное по отношению к реагенту положение, хотя инициатор считает себя в подавляющем большинстве случаев венцом творения, который доминирует в ситуации. В некоторых случаях возможно лицемерное признание своего подчиненного положения, что соответствует коммуникативной сущности, но не соответствует самолюбию инициатора (руководство советского тоталитарного государства называло себя «слугами народа»).

Отношение к наблюдателям у участников сценария различается: для инициатора они нежелательны, излишни, потому что среди них может оказаться тот, кто не поддастся запугиванию и помешает реализации сценария; для реагента они желательны, так как всегда содержат потенциальную возможность дезавуировать или рассеять действия инициатора, могут быть использованы как прикрытие и поддержка.

Участники сценария состязания

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто стремится повысить свой статус, показать окружающим, что он достоин занимать более высокое социальное положение, и привести неопровержимое подтверждение этого, организовать коммуникативное пространство таким образом, чтобы оно вытолкнуло его на поверхность и удерживало там. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Реагент для него – это ступень для своего возвышения. Инициатор предельно заинтересован в реагенте, но не как в человеке и

коммуниканте, а как в функциональной единице сценария, которая позволяет ему так себя реализовать. В целом поведение инициатора подчинено формуле: «Я хочу стать выше других». В таком человеке живет дух соперничества или прочно угнезвился комплекс неполноценности. Он постоянно стремится доказывать свою значительность и в ситуациях, когда в этом никто не сомневается, когда до этого никому нет дела и когда говорить об этом смешно. Он систематически бросается в глаза как носитель безмерных ценностей, заслуг, достигший выдающихся результатов в каком-либо виде деятельности, причем постоянно стремится доказывать это, что у любого человека уже вызывает подозрения. Он носит на лице маску неудовлетворенности или тупого самодовольства и никакие действительные или мнимые успехи не могут стереть этих масок. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: вузовские преподаватели, спортсмены, претенденты и исполнители выборной должности (в том числе мужа, любовника или жены), участники любого конкурса (включая конкурс идиотов), председательствующие, люди, которые ячаться, спорщики, игроки, бретеры (если они не занимаются провокацией), экстремальщики, критики, истцы и ответчики, прокуроры и адвокаты в суде, ревностные охранители своего превосходства, участники аукциона, захватчики символов превосходства (портфелей, медалей, корон и т.д.), охотники и рыбаки, Наполеоны и наполеончики, карьеристы (если они не провокаторы), модницы (если они не провоцируют и не самонавязываются), шифровщики. Кроме того, инициатором сценария может быть язык, который самим фактом своего существования вызывает человека на состязание (можешь изучить или нет).

Реагентом в случае с неадекватным инициатором может быть любой человек (хоть пятилетний ребенок), но продвинутыми инициаторами проводится произвольный или непроизвольный отбор, по крайней мере, в отношении осведомленности о той шкале ценностей, в которой они себя самоутверждают. То есть если потенциальный инициатор обнаруживает сходство интересов с потенциальным реагентом, вероятность начала сценария резко повышается, причем, чем больше совпадений, тем вероятность выше. Таким образом, реагентом этого сценария всегда является вольный или невольный конкурент: другой спортсмен, участник аукциона, игрок, спорщик и т.д.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку на исход состязания в одинаковой степени значительное влияние оказывает и тот и другой. Известна масса случаев, когда невольный реагент оказывается победителем, например, в русских сказках всегда побеждает Иван-царевич – невольный реагент борьбы с братьями – или когда нежеланием принимать участие в состязании реагент наносит сокрушительный удар по статусу инициатора.

Отношения между участниками изначально равноправны. Но реализация сценария может включать в себя состязание за признание себя инициатором, когда на эту роль претендуют несколько участников, потому что она предполагает характеристику лица как активного, динамичного, самостоятельно мыслящего, принимающего решения, способного бросить вызов, изменить ситуацию, то есть автоматически повышает статус. В этой борьбе превосходство может переходить из рук в руки и диктовать нюансы развития сценария.

Отношение к наблюдателям со стороны инициатора и реагента дифференцировано в зависимости от их включения в иерархию, в рамках которой происходит состязание. Если наблюдатели включены в иерархию, то отношение одинаково заинтересованное. Особое место среди наблюдателей занимают реальные или воображаемые судьи (люди, устанавливающие правила перемещений в иерархии). Учет или неучет установленных ими правил влияет на характер протекания сценария: если они не учитываются, участники вольны в выборе средств, если же они учитываются, то на участников накладываются ограничения, связанные с предпочтениями таких наблюдателей. Невключенных в иерархию наблюдателей инициатор и реагент могут воспринимать тройко: 1) как аплодирующих сбивая в кровь ладони статистов; 2) как источник эмоциональной подпитки; 3) безразлично. В первом и во втором случае участники не могут без них обходиться. Трагедией, грозящей серьезными деформациями



сознания, являются для них ситуации, когда они оказываются в социальном вакууме или когда статус участников никто не подтверждает. В таком случае они замыкаются на себе и ищут у себя подтверждения своей исключительной главенствующей роли.

Участники сценария подчинения

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто хочет снизить свой статус в той или иной сфере социально-коммуникативного взаимодействия, показаться неспособным, скрыть свои возможности, преувеличить возможности реагента или приписать ему несуществующие, деформировать шкалу оценок в невыгодном для своего статуса направлении, замаскироваться, спрятаться. Свое коммуникативное поведение он направляет на эту цель. Инициатор считает, что за счет полученного (сниженного) статуса он сможет если не управлять ситуацией, то, по крайней мере, влиять на её протекание, получить выгодные последствия, в частности избавиться от ответственности, спрятаться за авторитетом, получить покровительство, заручиться поддержкой, обезопасить себя. Он гнет спину в уверенности, что его актерские способности будут оценены по достоинству и принесут ему пользу. Он носит маску безобидного, преданного, улыбчивого, безропотного и покорного существа, но если состязание может быть из любви к искусству (ради хотя бы абстрактного зрителя), то подчинения такого рода быть не может, поведение инициатора здесь всегда подчинено выгоде, то есть инициатор этого сценария – прагматик. Реагента он воспринимает как потенциального руководителя, способного взять всю ответственность на себя. Действия инициатора подчинены формуле: «Я слабый и незащищенный сырой и убогий дурачок». В нем живет дух раболепного подчинения. Инициаторами здесь могут быть исполнители разных социальных ролей: привратники, лакеи, слуги, официанты, работники сферы услуг, конформисты, приспешники, приживалы, придворная челядь, горничные и всякая другая обслуга, стюардессы, холопы и прихлебатели по характеру жизненных ценностей, рабы, пассивные фаталисты, шестерки. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне, но инвариантными чертами являются: стремление максимально умалить свои достоинства, показать себя с худшей стороны, неспособным, бестолковым, занимающим не свое место.

Реагентом в этом случае оказывается любой человек, реально или мнимо наделенный более выигрышными качествами, чем инициатор, или человек, от которого он актуально или потенциально зависит. Вероятность включения в сценарий в качестве реагента повышается в зависимости от высоты статуса человека, а также от того, может ли он принимать решения в отношении состава иерархии. Типовые социальные роли реагента: клиент в сфере услуг, начальники и руководители разных уровней, авторитеты, боги разного рода, богатые родственники, родители в русских семьях, – то есть старшие в той или иной иерархии.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, но в первую очередь эта роль закреплена за инициатором. Реагент может стать основным действующим, не принимая сценария (клишированные фразы: «Не строй из себя дурака», «Ты слишком плохого мнения о себе», «Ты слишком хорошо обо мне думаешь» и т.п.) либо исхитряясь доказать, что он еще ниже по статусу.

Отношения между участниками в сущности равноправны, хотя инициатор стремится всеми силами продемонстрировать свое подчиненное положение. Управлять ситуацией участники могут в равной мере.

Отношение к наблюдателям со стороны участников безразличное или отрицательное. Безразличие объясняется тем, что от наблюдателя в этом сценарии исход не зависит. Отрицательное отношение связано с тем, что среди наблюдателей всегда есть представители иных общих с участниками сценария иерархий, которые могут повлиять на их положение в других иерархиях.

Участники сценария создания

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кого не устраивает существующая, общепринятая картина мира, кто считает, что сам факт её существования в таком виде негативно влияет на человечество, ведёт его по неверному пути, заставляет ориентировать-

ся на ложные истины, внедряет в его сознание фиктивные категории, неверно указывает на тип его координации со вселенной, неправильно ориентирует людей на специфику межличностных отношений, подчиняет их ложным стереотипам и т.п. Свое коммуникативное поведение он направляет на то, чтобы изменить это положение целостно или в какой-то его части (науке, культуре, идеологии, религии). К реагенту он относится как к неразумному, заблудшему, требующему наставлений существу. Его не интересует статус собеседника и перспектива понимания, наличие у собеседника достаточных знаний для восприятия информации, поэтому он проповедует свою идею и дворнику, и президенту. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Вот вышел сеятель, да сеет». В таком человеке живет дух реформаторства. Он постоянно стремится актуализировать зарождающуюся тему и утверждать свою правоту, даже если это грозит физическим устранением из коммуникативного пространства.

Инициатор может стремиться к публичности и затворничеству, но в любом случае он выступает как носитель каких-то иных ценностей, знаний. Несогласие, противостояние коммуникативного пространства для него является не трагедией, а стимулом для продолжения своей деятельности, поскольку потенциал учительства в нем неисчерпаем. Истинной же трагедией для него могут быть лишь собственные сомнения или появление в информационном и коммуникативном пространстве фактов, явно противоречащих его идее, четко осознаваемая им самим дискредитация зарождающейся темы. Но и в таком случае он не оставляет своих усилий, а ищет объяснение, которое включалось бы в пропагандируемую им идею, пытается обнаружить ошибку в вычислениях и всегда находит её не в центре, а на периферии (если тучка не сработала, то это неправильные пчёлы). Он носит на лице маску отстраненного от мира самодостаточного человека, пастыря и направителя или блаженного, которую часто считают, благодаря тем стереотипам, с которыми он борется, симптомом сумасшествия. Инициатор предельно заинтересован в реагенте как в слушателе, ученике, последователе, проводнике его идей, трансляторе открытых им истин.

Инициатором здесь может быть любой человек, обладающий способностью прямого подключения к информационному пространству или проявивший эту способность случайно. Эта способность делает его уникальным, что продуцирует у него ещё одно качество: он не признает авторитетов и находится над стереотипами коммуникативного пространства. То, какую социально-коммуникативную роль играет человек в жизни, никак не влияет на вероятность его подключения к сценарию создания в качестве инициатора. Кроме того, инициатором сценария может быть сама картина мира, которая не выдерживает тяжести стереотипов, противоречий и стремится к своему изменению, рекрутируя для этого определенное лицо или группу.

Реагентом здесь является группа лиц, которая может быть локально персонифицированной в любом человеке, по названным характеристикам противоположном инициатору: он не может подключаться к информационному пространству, подчинен господствующим стереотипам и концентрирует в себе то, с чем инициатор борется. Продвинутыми инициаторами проводится произвольный или непроизвольный отбор, по крайней мере, в отношении осведомленности о той шкале ценностей, которую они утверждают, то есть принцип: «Рыбак рыбака видит издалека» сохраняется, но не повышает вероятности включения в сценарий, поскольку новая картина мира создается для всех и для каждого. Таким образом, реагентом этого сценария всегда является тот, кто вольно или невольно попал в сферу деятельности инициатора.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку на исход создания в одинаковой степени значительное влияние оказывает и тот и другой. Однако реагент может быть основным действующим лишь на уровне материальных воплощений идеи (ставить преграды её материальной реализации или более четко формулировать идеи в словах), в то время как на уровне ментальных форм вознившая тема не может быть полностью стерта или остановлена в распространении и развитии.

Отношения между участниками изначально неравноправны. Инициатор воспринимает себя как существо, находящееся над всеми или противопоставленное всем по какому-либо признаку, находящееся вне всех остальных независимо от своего социального статуса. В то



же время реагент, устойчиво живущий в системе стереотипов, считает себя всезнающим и всемогущим, поэтому изначально воспринимает «другого» как неправильного. В этом смысле отношения между участниками не только неравноправны, но и конфликтны.

Участники сценария не воспринимают фактических или мнимых наблюдателей как таковых. Инициатор рассматривает всю совокупность участников, кроме себя, как реагентов, ему важно посеять зарождающуюся тему не в локальном, а в массовом масштабе. Реагент же рассматривает наблюдателей как носителей тех же стереотипов, которые он сам исповедует.

Участники сценария уничтожения

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кого не устраивает существующая, общепринятая картина мира в силу того, что в ней существуют избыточные единицы, неверно ориентирующие человека в мире, межличностных отношениях. Свое коммуникативное поведение он направляет на то, чтобы устранить эти избыточные единицы в картине мира целиком или в какой-то её части. В отличие от инициатора сценария создания, он концентрируется не на причинах, внутренних закономерностях, приводящих к несовершенству мира, а на конкретных фактах, которые считает избыточными, мешающими. Реагентов он воспринимает как неадекватных, больных, нуждающихся в срочном лечении. Его не интересует статус собеседника и перспектива понимания, наличие у собеседника достаточных знаний для восприятия информации, поэтому он подавляет эту тему в сознании и царя, и холопа. В целом действия инициатора подчинены формуле: «Лес рубят – щепки летят», поэтому его в большинстве случаев не интересуют негативные последствия устранения для других объектов мира. В таком человеке может жить как дух реформаторства, так и дух архаизаторства. Он постоянно стремится деактуализировать лишнюю тему и утверждать свою правоту, даже если это грозит ему физическим устранением из коммуникативного пространства.

Инициатор может быть публичным или непубличным человеком, но в любом случае он выступает как осознавший избыточность чего-то. Именно поэтому он выходит на бой не со всей картиной мира, а с конкретным её объектом. Несогласие, противостояние коммуникативного пространства для него является стимулом для усиления интенсивности своей деятельности и убежденности в своей правоте, поскольку вера в собственную непогрешимость в нем неисчерпаема. Корректировать его поведение (вплоть до оставления своих усилий) могут лишь собственные сомнения или появление фактов явно противоречащих его установкам относительно стираемого объекта. Он носит на лице маску вовлеченного в проблемы мира, воинствующего умника, всё понявшего, всё просчитавшего и видящего перед собой конкретную достижимую цель своих устремлений. Инициатор предельно заинтересован в реагенте как в побуждаемом к действию ученике, подручном, а попутно – как в проводнике его идей, трансляторе открытых им истин.

Инициатором здесь может быть любой человек, который в силу каких-либо действительных или мнимых обстоятельств признал какой-либо объект картины мира излишним, ненужным или вредным. При этом он не считает себя уникальным, но считает своих известных и неизвестных ему единомышленников непоследовательными, нерешительными. Авторитеты и коммуникативные стереотипы отбираются им и существуют только как сподручные. Социально-коммуникативная роль, которую играет человек значимо не влияет на вероятность его включения в сценарий в качестве инициатора. Кроме того, инициатором сценария может быть сама картина мира, которая не выдерживает тяжести стереотипов, противоречий и стремится к своему изменению, привлекая для этого определенное лицо или группу.

Реагентом здесь является группа лиц, которая может быть локально персонифицирована в любом человеке, произвольный или непроизвольный отбор не производится. Реагентом этого сценария всегда становится тот, кто вольно или невольно попал в сферу деятельности инициатора. Сопротивление или содействие, которые реагенты оказывают инициатору, связаны не с тем, каким образом они оказались в сценарии, а с прочностью и составом их картины мира.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку на исход уничтожения в одинаковой степени значитель-

ное влияние оказывает и тот и другой. Отношения между участниками изначально неравноправны. Инициатор воспринимает себя как более информированное, более нормальное, обладающее высокими прогностическими способностями существо, наделенное лучшим пониманием происходящего, видением конкретных причин несовершенства мира. В то же время реагент, устойчиво живущий в системе стереотипов, изначально не задумывается над нужностью или ненужностью чего-либо, поэтому может воспринимать инициатора по-разному или вообще не воспринимать. В любом случае реагент оказывается рекрутируемым.

Участники сценария не воспринимают фактических или мнимых наблюдателей как таковых. Инициатор рассматривает всю совокупность участников, кроме себя, как реагентов, ему важно стереть тему не в локальном, а в массовом масштабе. Реагент же рассматривает наблюдателей как носителей тех же стереотипов, которые он сам исповедует.

Участники сценария эксперимента

Инициатором реализации сценария всегда является человек, который испытывает потребность нарушить автоматизм использования речевых форм и применить их не в коммуникативной, а преимущественно в гносеологической, эстетической, метаязыковой и т.п. функции. Автоматизм использования речевых форм может нарушаться в рамках любого сценария, но здесь это нарушение является объектом языковой рефлексии, производится сознательно и имеет специфическую целевую установку: так или иначе ответить на вопрос, каким образом эти формы устроены, как они функционируют, какими возможностями обладают, то есть выявить любую связанную с ними информацию. В идеале такое использование речевых форм не имеет прагматической направленности, хотя в дальнейшем она может появиться. Инициатор стремится выйти за пределы сферы использования языка и войти в сферу самого языка, чтобы преодолеть его диктат, вмешаться в его структуру, но при реализации этого желания он оказывается под еще большим диктатом языка, что вызывает еще большее желание изменить язык. Так возникает замкнутый круг, и свое дальнейшее существование инициатор продолжает уже не столько в реальной действительности, сколько в действительности языка.

Инициатор этого сценария может быть вольным и невольным: стремление вмешаться в язык может возникнуть в связи с неудовлетворенностью теми средствами, которые язык предоставляет в распоряжение человека, интерпретациями языковых явлений, практикой использования языка, типами языковой самореализации, окружающим языковым контекстом, набором средств, которые человек привык или не привык использовать, а также в силу внешней провокации, в том числе со стороны языка (например, чтобы соблюсти орфографию, человек вынужден препарировать слово). Язык воспринимается инициатором в первую очередь не как инструмент, а как игрушка, модель.

Инициаторами сценария эксперимента могут быть исполнители различных социально-коммуникативных ролей: поэты, писатели, ученые, ищущие термин для выражения понятия («само-стоятельность», «ин-формация», «творческий»), филологи (в том числе нормальные литературоведы, пытающиеся «постричь» произведение искусства или осознать сущность словесного творчества, авторскую идею), языкотворцы, создатели искусственных языков, школьники и студенты, выполняющие упражнения и творческие работы по родному и иностранному языку, переводчики, шутники и юмористы, создающие уродливых вербальных монстров на потеху публике, создатели шифров и дешифровщики, родители, выбирающие имя своему ребенку, любители домашних животных, подбирающие кличку собаке, кошке и т.д., пользователи Интернета, создающие ники, адреса и пароли электронного ящика, отправитель СМС, участники лингвистической игры, составители кроссвордов, шарад, словарей, спичрайтеры, литературные редакторы и негры, сценаристы и режиссеры, а также все люди, которые сталкиваются с выбором речевых форм или противоречиями в правилах их использования.

Человек в качестве реагента (в реальности он может быть только наблюдателем или составной частью эксперимента) может инициатора заинтересовать или не заинтересовать. Заинтересованность в таком человеке возникает тогда, когда он становится одним из условий или индикатором успешности эксперимента. В целом действия инициатора подчинены формуле:



«А что если...». В нем живет дух ребенка, желающего распотрошить куклу, чтобы посмотреть, что из этого получится. Речевая маска инициатора варьируется в широком диапазоне (от полной отстраненности до гипертрофированной вовлеченности), но инвариантной чертой является выраженное в различной степени отклонение от нормы.

Реагентом в случаях коммуникации с перечисленными выше социально-коммуникативными типами инициаторов принято считать человека, который воспринимает результат языкового эксперимента, однако все безуспешные попытки объяснения лингвистических особенностей текста в терминах прагмалингвистики и логика настоящего описания говорят о том, что такой подход не соответствует действительности. Следует признать, что единственным сущностным реагентом сценария эксперимента является язык. Человек возникает в качестве реагента тогда, когда результат, полученный инициатором в рамках данного сценария (деструктурированные слова, переинтерпретированные тексты, трансформированные устойчивые выражения и т.п.), начинает использоваться им в других сценариях.

Основным действующим сценария может быть и инициатор и реагент, но в большинстве случаев им оказывается язык, поскольку от его структуры так или иначе зависит ход протекания сценария (см., например, вывод Ф. И. Тютчева о результатах языкового экспериментирования «мысль изреченная есть ложь»).

Отношения между участниками неравноправны, причем инициатор-человек оказывается практически всегда под властью языка-реагента. Сам факт попытки инициатора подчинить себе язык – это результат осознания инициатором главенства языка. Кроме того, подтверждением главенства языка оказывается и то, что сам язык, используемый как инструмент взаимодействия, старше инициатора и гораздо больше по объему.

Отношение инициатора и реагента к наблюдателям различное. Инициатора наблюдатель интересует исключительно как часть экспериментального инструментария. Отношение же реагента к наблюдателям безразличное. Успешность или неуспешность эксперимента никак не затрагивает сам язык, поскольку он существовал и существует на основе собственных законов, неподвластных человеку.

Участники сценария мимикрии

Инициатором реализации сценария всегда является тот, кто испытывает потребность скрыть свои истинные коммуникативные намерения и направляет свои усилия на достижение этой цели под влиянием внешних условий, осознав, что никакой прямой путь не подойдет. Следует подчеркнуть, что инициатор сценария мимикрии – вовсе необязательно мерзостный подлец или отвратительный негодяй, который стремится скрыть свои коварные цели, а мимикрия в данном случае – неоценочная категория. Дело не в этическом статусе, а в факте осознания инициатором того, что стереотипный путь речевого поведения в данной коммуникативной ситуации неприемлем. Это осознание может возникнуть как заранее, так и в рамках ситуации, но в обоих случаях он использует речевую маску и от успешности её использования зависит результативность речи. Инициатор не стремится, даже если он всем своим видом это демонстрирует, переделать мир кувалдой, разрешить противоречия лобовым ударом и не лезет на рожон, обращаясь к языковому сознанию, он подстраивается, адаптирует свое коммуникативное поведение к ситуации. Когда добряк пытается казаться злым, а злодей – добряком, когда волк надевает овечью шкуру, а овца примеривает волчью пасть можно говорить и о реализации сценария мимикрии. При этом язык как и другие средства коммуникации используется инициатором в качестве реквизита и с исключительно орудийной функцией (смех, плач, усталый вздох и храп не отражают состояния человека, но создают необходимые ему эффекты за счет коммуникативных стереотипов). Можно сказать, что инициатор заменяет одни стереотипы другими. Это человек, который прячет свое настоящее лицо под маской и никогда не раскрывает естественной для него манеры поведения.

Инициаторами данного сценария могут быть исполнители безусловно всех существующих реально и потенциально социально-коммуникативных ролей, которые способны менять маски (как в силу своей роли, так и независимо от неё) или пытаются это делать.

Реагентом в этом случае оказывается всякий человек, который попадает в сферу интересов инициатора, от особенностей восприятия которого зависит решение его проблем. Вероятность попадания в число реагентов этого сценария прямо зависит от степени социального влияния, авторитетности в рамках той группы, с которой непосредственно взаимодействует реагент и частью которой является инициатор. В связи с этим представители власти оказываются под сильным влиянием мимикрии, причем, чем больше власти, тем больше её во круг, что приводит к деформации видения мира и потере адекватности в действиях и оценках, они перестают видеть истинные лица, истинные причины, истинные намерения.

Основным действующим может быть в зависимости от конкретной ситуации как инициатор, так и реагент, поскольку решать свои задачи может не только человек, который мимикрирует, но и человек, потакающий мимикрии, тот, кто обманываться рад (зритель, самодлюбивый начальник).

Отношения между участниками всегда неравноправны, поскольку роль ведущего, как правило, остается за инициатором, причем это доминирование инициатора является свойством подменного мира, компенсирующего подчиненность в реальности, попыткой руководить руководителем. Инициатору принадлежит право активности, в отличие от прав наблюдения, оценки, ответной реакции, которые обычно остаются за реагентом.

Отношение инициатора и реагента к наблюдателям может быть различным. Инициатору может быть важно, чтобы наблюдатели не заметили использования сценария или наоборот, чтобы они увидели, оценили мастерство лицедейства. В некоторых ситуациях наблюдатели втягиваются в массовую мимикрию (маскарад, карнавал, хеппинг, реалити-шоу). Реагент, не осведомленный о своем участии в сценарии, безразличен к присутствию наблюдателей. Осведомленный реагент может быть заинтересован или не заинтересован в наблюдателях в зависимости от своих целей.

Опираясь на перечисленные выше характеристики участников информационно-коммуникативных событий и специфику совершаемых человеком речевых действий, можно определить, в какой роли и в каком сценарии находится в данный момент тот или иной говорящий. Это дает возможность более эффективно координировать свои действия с коммуникативной ситуацией, адекватно воспринимать свое место в ней, выстраивать свое поведение так, чтобы при необходимости стать основным действующим и достичь наилучшего коммуникативного эффекта.

Участники информационно-коммуникативных событий, с одной стороны, являются проекцией процессов самоорганизации информационного пространства, и в этом отношении подневольны, вынуждены воспроизводить необходимые признаки функционеров; но, с другой стороны, они обладают определенной мерой свободы и, реализуя свою свободу, включаются в эту самоорганизацию, добавляя к ней новые нюансы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1) – С. 58 – 64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2) – С. 86 – 98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2(3) – С. 93 – 97.

Иванов Анд. А.
Ivanov A.A.

ДЕМОНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ДЕТСТВА В КИНЕМАТОГРАФЕ

A DEMONIZED IMAGE OF CHILDHOOD IN CINEMA



Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7-138; 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD of Cultural Studies, Assistant Professor at the Department of Engineering and Architecture of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Komsomolsk-on-Amur, Lenin St. 85/7-138; tel.: 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается феномен демонизации детства в кинематографе. Определяются социокультурные факторы, обуславливающие демонизацию детства в культуре XX в. Фильмы, представляющие демонический образ ребенка, анализируются с позиции теории М. Мид о префигуративном типе культуры.

Summary: The paper analyzes the phenomenon of demonization of childhood in cinema. It determines the social and cultural factors that contribute to the process of demonization of childhood in the XX c. culture. Pictures representing a demonized image of child are analyzed using Margareth Mid's concept of a prefigurative type of culture.

Ключевые слова: детство, демонический образ, префигуративная культура, фильмы ужасов.

Key-words: childhood, demonized image, prefigurative culture, horror films.

УДК 008(091)

Как правило, воспоминания о своем детстве мы привыкли облекать в ностальгические тона, наделяя его всевозможными и безвозвратно утерянными во взрослом возрасте достоинствами – счастливой легкостью бытия, свободой от житейских нужд, доверчивостью и слиянностью с миром. Ребенок не чувствует неумолимого, ужасающего бега времени: каждое мгновение жизни, каждое впечатление для него – открытие, поэтому время растянуто и кажется бесконечным даром.

Со времен романтизма, как отмечает М. Эпштейн, детство предстает в художественной культуре «не как служебно-подготовительная фаза возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей» [5, 152]. Образ ребенка как воплощения чистоты, невинности, существа ангельской природы, часто становящегося жертвой порочности и жестокости взрослых, – один из ключевых образов в поэтике Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, М. Пруста и др. «Чистый» взгляд ребенка представлен как в «Детстве» Толстого, так и в «наиве» художников авангарда – П. Пикассо, М. Шагала, А. Матисса, В. Кандинского, в творчестве которых «исчезает прямая перспектива, предполагающая некую отграниченную и резко индивидуализированную (взрослую) точку восприятия, и воцаряется то смешение разных планов и проекций бытия, которое свойственно детству» [5, 157].

Но уже у Достоевского образ ребенка приобретает амбивалентные черты: маленькая девочка во сне Свидригайлова, убежавшая от дурных родителей, в ответ на отеческую заботу пытается соблазнить его; озлобленный мальчик Илюша Снегирев забрасывает камнями ни в

чем не повинного перед ним Алешу Карамазова; «... порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны» – говорит капитан Снегирев о школьниках, травивших его сына. «Ребенок у Достоевского, – пишет М. Эпштейн, – и традиционный христианский символ святости, и существо демоническое, готовое попать все христианские святыни. В нем абсолютнее, чем во взрослом, выражены полюса человеческой нравственности – божественное и сатанинское» [5, 160].

Мотив дегуманизации детства в искусстве XX в. отражает те коренные переломы, которые происходят в формах связи между поколениями и передачи социального опыта. Антрополог М. Мид обозначает данные процессы как переход к *префигуративному типу* культуры, в котором опыт старших поколений оказывается неприменим к условиям общества, сделавшего новшества повседневной практикой. «Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня» [4]. В условиях электронных коммуникативных сетей, глобальной культуры у молодых людей возникает тот общий опыт, которого никогда не было и не будет у старших. В свою очередь старшее поколение никогда не увидит в молодом повторение своего опыта, потому как перемены сменяют друг друга и каждый опыт беспрецедентен. Наиболее общим аспектом современной культурной глобализации, по мнению социолога П.Л. Бергера, является *индивидуализация* – тенденция к возрастающей независимости индивида от власти традиции, сообщества, духа коллективности, расчет на свои собственные силы и постоянно меняющиеся возможности [1, 16].

Этот разрыв между поколениями в западной культуре ярко проявился в 50-60-е гг. рождением молодежной контркультуры – культуры, прямо отрицающей буржуазные ценности отцов. Контркультурные движения осваивают нетрадиционные формы социальных и сексуальных отношений, искусства, религиозных учений. В свою очередь, взрослые начинают осознавать «чуждость» молодых, угрозу, исходящую от них: «...мы все еще цепляемся за веру, что дети в конце концов будут во многом напоминать нас. Однако этой надежде сопутствует страх: дети на наших глазах становятся совсем чужими, подростков, собирающихся на углах улиц, следует бояться, как передовых отрядов вторгшихся армий» [4]. Мир детей, таким образом, все чаще предстает как чужой, принципиально непознаваемый, не объяснимый привычной логикой, угрожающий.

Видимо, именно на это ощущение разрыва поколений и инаковости детей, связавшееся в коллективном бессознательном западной культуры с эстетикой хоррора, опирается популярный мотив демонизации детства в литературе и кинематографе. Демонический ребенок в подобных произведениях предстает как ребенок, который по мере разворачивания сюжета обнаруживает свою «чуждость» родителям (и цивилизации в целом), причастность к миру потустороннего и становится источником смертельной угрозы.

Мы остановимся на трех фильмах, снятых в 1960-х-начале 70-х гг. – в эпоху студенческих бунтов и молодежных контркультур, в то время, когда черты префигуративного типа культуры стали проявляться, что называется, в «заостренной» форме. Все три фильма представляют собой экранизации литературных произведений и обладают разной степенью художественной ценности (как и их литературные оригиналы). Но нас в данном случае будут интересовать не проблемы перевода с литературного языка на кинематографический и не проблемы киноэстетики. Аналогично методу В. Куренного, согласно которому блокбастер выступает как проявление «духа времени» [3], нас будет интересовать аспект отражения в этих фильмах проблемы префигуративного типа культуры или, другими словами, проблемы взаимодействия прошлого и будущего в современной цивилизации.

Повелитель мух (Lord of the flies).

Фильм, снятый Питером Бруком в 1963 г., – экранизация одноименного романа Уильяма Голдинга.

Данную картину нельзя отнести к жанру хоррора: режиссер поставил задачу перевести на киноязык философско-религиозную притчу «о пути всякой плоти» и таящемся в чело-



веке зверином начале, готовом прорваться сквозь тонкие покровы цивилизованности и культуры.

Группа детей, эвакуированная в военное время из Англии, в результате авиакатастрофы оказывается на необитаемом острове. Среди них выделяются два лидера: Ральф и Джек. Первый на острове успел познакомиться с Хрюшей, толстым, страдающим астмой, но рассудительным и догадливым мальчиком в очках; второй – староста церковного хора и непререкаемый авторитет у хористов. Жизнь на острове дети начинают с установления правил: морская раковина хранится у лидера, но передается любому, обозначая его право голоса. После выборов лидера, на которых победил Ральф, Джек и его хористы провозглашают себя охотниками. Ральф предлагает строить шалаши и развести костер на горе, чтобы их могли заметить и спасти. Костер разводят с помощью очков Хрюши. Вскоре появляются слухи, что на острове обитает некий «Зверь».

Джек с охотниками добывают мясо диких свиней. Он всё больше выходит из-под власти Ральфа и отвергает установленные в начале правила – на слова Ральфа «Кроме правил у нас ничего нет» следует ответ: «Катись ты со своими правилами, мы – сильные, мы – охотники». Джек отделяется от племени и предлагает другим мальчикам вступить в его племя, обещая охоту, мясо и иной, «дикарский» образ жизни. Он уходит жить на другую часть острова, некоторые мальчики уходят за ним. Так образуется второе племя с неограниченной властью Джека, в котором развивается нечто вроде примитивного культа Зверя и поклонения ему. Охотники ублажают его жертвами и дикими плясками – инсценировками охоты. В разгар такой пляски, потеряв над собой контроль, «охотники» убивают мальчика Саймона.

Постепенно все дети переходят в «племя охотников», и Ральф остается с Хрюшей и близнецами Эриком и Сэмом. Только они ещё помнят, что единственный шанс спастись – разводить костры в надежде привлечь спасателей. Ночью группа Джека нападает на Ральфа и его друзей, чтобы отнять очки Хрюши. На следующий день Ральф с ребятами направляются к Джеку в надежде их вернуть. Раскрашенные, как дикари, дети убивают Хрюшу, сбросив на него огромный камень со скалы, и берут в плен близнецов. Вскоре начинается охота на Ральфа: охотники, пытаясь выкурить Ральфа из зарослей джунглей, поджигают деревья. Ральф, оглушенный дикими воплями преследователей, добегают до берега и видит военных-спасателей, увидевших на острове дым и высадившихся на шлюпке. Кадры лиц озадаченных взрослых, растерянных охотников в боевой раскраске и плачущего Ральфа завершают фильм.

Вопрос о том, что история о благовоспитанных мальчиках, превратившихся в племя бесноватых дикарей, имеет второй – философско-аллегорический – план, достаточно освещен в исследованиях творчества Голдинга. Для нас в данном случае роман и экранизация показательны тем, что героями являются дети, среди которых выделяются носители разумного, гуманистического начала (Ральф, Хрюша, провидец Саймон) и те, в ком просыпается плотоядный «Зверь» (последние оказываются в большинстве). В том, как дети пытаются упорядочить свою жизнь на острове, подчинить ее рациональному началу и цели спастись («Нам нужны правила – мы не дикари какие-нибудь, мы англичане!») и как эти попытки терпят крах, угадывается идея «детскости», незрелости человеческой цивилизации, тонкости и эфемерности «защитного слоя» культуры. В финале одежда прибывших на остров моряков очень напоминает детские костюмы: короткие белые шорты, белые рубашки и береты. «Спасительная» культура взрослых так же наивна и неустойчива, как попытки детей установить демократию с помощью морской раковины.

Черты «Зверя», который одолеет все разумное, «аполлоническое» в детях, проглядывают уже в начале фильма в их невинных играх. Трое мальчиков, отправившись исследовать остров, ради забавы сталкивают камень с горы – такой же камень «охотники» потом сбросят на Хрюшу. Возвращаясь в лагерь с первой добытой свиньей, дети скандируют: «Убей свинью! Глотку режь!» – впоследствии с этим же кличем в порыве «дионисийского» экстаза они убьют Саймона. После первого обеда один из хористов, дурачась, делает из своей шапки маску – потом наденет маски, нанесет боевую раскраску весь клан «охотников», срывая тем

самым с себя человеческий образ и преображаясь в персонажей по-настоящему демонических (причем, это преображение легко спутать с детской игрой). Эта же маска дублируется в голове свиньи, которую «охотники» оставили на шесте в дар «Зверю». Вся облепленная мухами, согласовываясь с названием произведения, она отсылает к ветхозаветному демону Вельзевулу.

Роман Голдинга имеет четкие привязки к недавнему историческому прошлому Европы: написанный в послевоенное время сюжет о том, как среди цивилизованных детей развиваются примитивные культы и необъяснимая жестокость, явно стремится осмыслить опыт Германии и других тоталитарных режимов. Когда рассудительный Хрюша приводит Ральфу последний аргумент против существования «Зверя» на острове: «Если бы Зверь был, тогда все было бы ни к чему: дома, улицы, телевизор бы не работал – все не имело бы смысла», то эти слова, в сущности, выражают крах просветительского разума перед парадоксальным итогом западного прогресса – перед Освенцимом.

Ребенок Розмари (Rosmary's baby).

Фильм снят Романом Поланским в 1968 г. по одноименному роману Айры Левин.

Молодая бездетная пара Гай и Розмари Вудхаус переселяются в квартиру в старинном доме Нью-Йорка. У этого дома не очень хорошая репутация: их знакомый Хатч рассказывает, что в начале века дом прославился своими жильцами, обвиненными в каннибализме и занятиях черной магией, и мертвыми младенцами, найденными когда-то в подвале. Разумеется, молодых супругов это не останавливает, они переселяются и знакомятся с соседями – пожилыми супругами Романом и Миной Кастевет. Ужин, на который Кастевет весьма навязчиво пригласили Гая и Розмари, при этом никак не походит на поминки и совместное выражение скорби по поводу самоубийства приемной дочери хозяев (она за день до этого выбросилась из окна). Роман Кастевет увлеченно расхваливает игру Гая – неудачливого актера вторых ролей и рекламных роликов, – в то время как его жена столь же увлеченно поглощает десерт и деловито подсовывает его гостям. С этого момента от внимания этих экстравагантных и энергичных стариков Розмари уже не избавиться. Муж Розмари, напротив, оказывается очень благосклонен к их заботе: всегда вставит пару слов в их защиту, порекомендует следовать их советам и принимать их всевозможные подарки. Тем более его актерская карьера вдруг пошла в гору – роль, способную сделать его известным, предлагают ему после того, как уже назначенный актер внезапно ослеп.

Когда Розмари начинает страдать от одиночества и невнимания к ней увлекшегося работой мужа, Гай раскаивается и отмечает в календаре день зачатия долгожданного ребенка (sic!). В оный день в самый разгар заботливо обставленного мужем романтического ужина в дверь звонит Мина и приносит им десерт, отдающий каким-то медицинским привкусом. Розмари становится плохо, она засыпает и видит сон: она на яхте среди полуобнаженных красавиц и преуспевающих мужчин; ее везут под сводами Сикстинской капеллы; чернокожий матрос говорит ей: «Вам лучше спуститься вниз»; в какой-то комнате она ложится на кровать, вокруг которой столпились обнаженные люди, она узнает среди них супругов Кастевет и Гая. После того как на ее теле кровью начертали какие-то знаки, она видит нечеловеческие глаза того, кто входит в нее, кричит: «Это не сон – это происходит на самом деле».

Когда через некоторое время Гай узнает о беременности Розмари, его радость условна и неестественна, он скорее испуган. Вездесущие соседи, напротив, рады безмерно и предлагают услуги знакомого доктора Сапирстейна. В первые месяцы беременности Розмари мучают сильные боли, тем не менее, доктор уверяет ее, что все нормально, и рекомендует принимать приготавливаемый мисс Кастевет корень *таниса*. Сама будущая мать неизменно худа, бледна и буквально похожа на мертвеца. Посетивший однажды ее Хатч заинтересовался корнем таниса, пообещал выяснить подробности, но на назначенную встречу с Розмари не пришел: он впал в кому. Уже на его похоронах, ближе к концу беременности, Розмари передают от него книгу «Все из них колдуны», с подчеркнутыми местами о танисе и Стивене Маркато. Из книги она узнаёт, что танис – пористое вещество, используемое в магических



ритуалах, а Стивен Маркато – сын Дэниела Маркато, обвиненного в колдовстве и дьяволопоклонстве и сожженного толпой в начале века. Имя Роман Кастевет является анаграммой Стивена Маркато. Розмари понимает, что их соседи – дьяволопоклонники, ослепившие первого претендента на роль Гая, убившие Хатча, имеющие какие-то планы по поводу ее ребенка, и муж ее заодно с ними. Попытка сбежать не удастся, начинаются роды, после которых ей сообщают, что ребенок умер. Тем не менее, у нее сцеживают молоко и куда-то уносят, за стеной она слышит детский голос. Обнаружив за шкафом в коридоре потайной вход в квартиру Кастевет, она видит там целую группу людей и детскую колыбель, обвешанную черной тканью. Наконец, ей открывают, что ребенок ее зачат от Сатаны в ту самую ночь и сон, который она видела, был реальностью. Финал фильма – Розмари, качающая коляску, чтобы успокоить расплакавшегося ребенка.

Главным достижением картины можно считать создание эффекта постепенного вторжения оккультной тайны в кажущееся незыблемым спокойствие повседневного нью-йоркского быта. Источником дьявольской угрозы являются здесь не обитающие в заброшенных замках inferнальные монстры, а обычные соседи с вязальными спицами в руках и книгой анекдотов в туалете, известный врач и собственный муж, озабоченный актерской карьерой. Сатанинская секта представлена по большей части пожилыми людьми, чьи манеры, облик, речь, поведение воссоздают образ респектабельных, успешных, мещански озабоченных чистотой ковра буржуа. Грим и костюм дьявола понадобился режиссеру только однажды для изображения сна главной героини (говорят, роль дьявола в этой сцене исполнил глава Церкви Сатаны Антон Шандор Лавэй).

Несмотря на то что окончательным воплощением зла является младенец Адриан (но это зло пока потенциально, нам не показывают его, а дают услышать только голос – голос нормального младенца), проводником, служителем потустороннего в фильме является старость: в ночь ритуала героиню окружают в основном старческие обнаженные тела; муж репетирует дома роль калеки на костылях – знак хромоты, старости; в финальной сцене сатанинского сборища большинство – пожилые люди. Как ребенок близок потустороннему своим недавним рождением, так и старый человек – своей скорой смертью. Но старость эта не ассоциируется с дряхлостью и бедностью, напротив, в фильме она сочетается с респектабельностью, богатством и властью: в ключевую ночь Розмари снится яхта с преуспевающими мужчинами и обнаженными моделями; члены секты – не маргиналы, а люди явно высокого социального статуса.

Антагонистом демонического и потустороннего выступает молодость Розмари, ее подруг, доктора Хилла, пожилого, но «моложавого» Хатча. По отношению к демоническому молодость исполняет в основном роль жертвы: Хатч от колдовских чар впадает в кому и умирает, доктор Хилл не способен поверить в слова Розмари об уважаемом всеми Сапирстейне и отдает ее в руки дьяволопоклонников. Образ Розмари как воплощения пассивной жертвы режиссером намеренно усилен в сравнении с литературным оригиналом. В ночь соития с дьяволом в своем сновидении она предстает как податливая марионетка, которую раздевают, увозят на яхте, приказывают спуститься вниз, привязывают к кровати, рисуют на теле знаки и т.д. Когда ее спрашивают, не мешает ли ей музыка, Розмари говорит: «Не надо ничего менять из-за меня». Перед нами олицетворение пассивного женского начала, безропотной матери-Геи, порождающей чудовищ. Короткая мальчишеская стрижка, сделанная героиней во время беременности, – тоже знак жертвы: в некоторых древних культурах женщины обрезают себе волосы после смерти мужей, монахини принимают постриг, жертвуя мирской жизнью и красотой. Вдовы и монахини делают это добровольно – поступок же Розмари никак не мотивирован, кроме того, противоречит суеверному запрету на обрезание волос беременной женщины. Кажется, что она меняет прическу, подчинившись власти режиссера (став его жертвой). Если в романе Левин героиня самостоятельно принимает решение не отказываться от ребенка, то в фильме Поланского быть матерью Адриану ее призывает сам Роман Кастевет: материнская любовь Розмари не противопоставляется замыслу сатанистов, как это происходит в книге, но смиряется и подчиняется ему.

Таким образом, в художественно-образной структуре фильма Поланского, по нашему мнению, отражается ситуация отчуждения настоящего современной цивилизации от ее прошлого и будущего, способных стать источником принципиально чуждого, демонического, угрожающего. Хтоническое, терратоморфное прошлое (вторая мировая, Освенцим, Хиросима) продолжает жить, остается закрепленным в окружающем, как престарелые дьяволопоклонники в квартире старинного дома. Будущее, рожденное настоящим, может обернуться совершенно чуждым, звериным ликом, хотя пока лепечет в кроватке ангельским младенческим голосом. Настоящее же, т.е. сознание современного человека, может лишь пассивно воспринимать «удары судьбы». Может быть, именно этот «футурошок» определяет характерный для современной культуры страх перед принципиальными изменениями и нововведениями: «На развитом Западе, – пишет С. Жижек, – неистовая социальная активность скрывает фундаментальное однообразие глобального капитализма, отсутствие события» [2, 13].

Изгоняющий дьявола (The Exorcist).

Экранизация романа Уильяма Блэтти, снятая в 1973 г. по его же сценарию, режиссер – Уильям Фридкин.

В маленькую девочку Риган вселяется Сатана. Сначала мать – известная актриса – пытается прибегнуть к помощи медицины, так как является атеисткой, но потом становится ясно, что то, что происходит с девочкой, невозможно объяснить соматическими или психическими нарушениями. Она в отчаянии обращается к помощи церкви. Молодой священник ордена Иезуитов, Дэмен, испытывающий трудности с верой и мучимый виной, – он оставил мать без присмотра и она умерла, со своим старшим коллегой Мэррином, имеющим опыт в данной области, проводят обряд экзорцизма. Несмотря на их старания, неудачно. Старый священник погибает – и Дэмен в отчаянии приглашает демона вселиться в него самого, оставив девочку. Тот вселяется, и священник выбрасывается из окна и погибает, скатываясь по ступенькам.

В прологе, когда мы знакомимся с отцом Мэррином (Макс фон Сюдов) на археологических раскопках в Ираке, уже представлены те силы, поле взаимодействия между которыми составит основу сюжета картины: священник – ребенок – дьявол. Быстроногий иракский мальчик оповещает Мэррина о находке (ребенок и священник). Мэррин выкапывает голову демонообразной статуэтки, после чего его внимание привлекает местный кузнец с травмированным глазом (предчувствие грядущих телесных метаморфоз одержимой девочки). Кадр, представляющий основных протагонистов, – Мэррин стоит перед статуей крылатого демона, вокруг слышен собачий лай (священник и дьявол).

Многие образы из пролога повторяются во сне Дэмена: монета с изображением святого Иосифа (мы ее уже видели среди находок в Ираке); черная собака как знак угрозы и мира мертвых; остановившийся маятник часов (явно макабрическая символика); мертвое лицо, показанное быстрым кадром, отсылает к статуе демона в прологе. Видимо, единство тревожных образов, преследующих Мэррина в Ираке и Дэмена во сне, обозначает их духовную связь, т.е. принадлежность к католической церкви.

Одержимость девочки потусторонними силами репрезентирована в фильме с помощью:

- телесной деформации: изменение цвета лица (трупно-зеленоватый), глаз (пропадают зрачки), невероятная пластичность (поворот головы на 180 градусов, конвульсии, высовывание языка, «паучья походка»), создающая образ марионетки, машины, функционирующей вне привычных психологических мотивировок;

- деформации речи: старческий голос, обценная лексика, знание латыни, перевернутый язык (на вопрос Дэмена «Кто ты?», оно отвечает «Откинься» – перевернутое «я никто»);

- деформации поведения: первая сцена, в которой становится ясно, что с девочкой что-то не так, когда она выходит к гостям в ночной пижаме и мочится на ковер, извержение блевотины зеленого цвета, непристойная жестикуляция, убийство режиссера Бурка и отца Мэррина;

- проявления сверхъестественных способностей: левитация, телекинез, связь с умершей матерью Дэмена.



Проникновение инфернального в тело девочки, таким образом, представлено через искажение обыденных форм: тела, языка, поведения, человеческих способностей. Как правило, это искажение является инверсией: детский голос сменяется старческим, речь переворачивается, невинное тело совершает непристойные жесты. Метаморфозы, происходящие с Риган, призваны свидетельствовать о том, что ее тело как физическое обиталище ее субъективности перестало быть таковым: оно стало носителем иной субъективности, отпечатком другого тела, действующего как печать. Этот двойник проявляется за искаженной позой Риган в виде статуи архаического демона из пролога. Если бы эта чуждая субъективность не была представлена в виде тела, хотя бы и каменного, символического, зритель вынужден был бы безуспешно искать причины инверсии в детской природе и психике и неизбежно оказался бы в тупике, подобно медикам в фильме.

Рациональные объяснения происходящего и медицинское лечение, предпринимаемые врачами, терпят крах. Сложная аппаратура, к которой прибегают для выявления физиологических нарушений, способна подавить, вызвать страх, причинить боль, но не вернуть Риган власть над телом. Гипноз только провоцирует сидящего в девочке демона. Напрашивается вывод: разум бессилён, а его детище – техногенная цивилизация – враждебна человеку.

Спасение приходит через обращение к средневековому католическому ритуалу и через жертву Дэмена, оставившего свои сомнения в вере. В принципе идеологию картины можно определить как апологию вековой католической традиции в лице Мэррина и Дэмена, вооружившихся священным текстом и твердой иррациональной верой в борьбе с демонами прогресса и с первобытными инстинктами, возрождаемыми современной цивилизацией. Эта идея озвучена в самом фильме, когда Крис Макнил, мать Риган, на съемках исполняет роль учителя, протестующего против сноса здания старой школы: «Если вы снесете это старое здание, вы ничего не добьетесь!». В финале обретшая свою субъективность Риган трогательно целует священника, друга погибшего Дэмена.

Итак, рассмотренные здесь фильмы репрезентируют образ ребенка как локус развертывания Другого, наделяемого демоническими, деструктивными чертами. Демонический образ детства в современной культуре воспроизводит характерный для префигуративного типа культуры разрыв между поколениями с точки зрения старшего из них и отражает перемены, происходящие в механизмах наследования социального опыта. При этом каждый из примеров, нами взятых, транслирует определенную рефлексию над этими переменами: в «Повелителе мух» реализуется мотив «шаткости» культуры, здание которой в момент может быть снесено вновь возрожденными древними инстинктами и животными страхами; в «Ребенке Розмари» получает выражение проблема непредсказуемости как будущего, так и прошлого современной цивилизации; в «Экзорцисте» проводится идеология реставрации, возвращения к католической иррациональной традиции как единственного пути спасения от угроз будущего. Демонический образ детства в дальнейшем становится одним из самых популярных, «серийных» мотивов в жанре хоррора («Омен», «Дети кукурузы», «Звонок», «Сирота», «Впусти меня» и многое другое), что свидетельствует о сохранении в современном обществе проблемы преемственности поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурная динамика глобализации / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона // Многоликая глобализация. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 8-24.
2. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
3. Куренной, В. Философия фильма: упражнения в анализе / В. Куренной. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 232 с.
4. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями / М. Мид. library@countries.ru.
5. Эпштейн, М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы: учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с.

Спесивцева С. Н.

ЛОЗУНГИ И ПЛАКАТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1968 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

Спесивцева С.Н.

Spesivtseva S.N.

ЛОЗУНГИ И ПЛАКАТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1968 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

SLOGANS AND POSTERS AS A REFLECTION OF THE 1968 REVOLUTIONARY SITUATION IN FRANCE



Спесивцева Светлана Николаевна – ассистент кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681014, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Калинина, д. 28/2, кв. 35; 89141792592. E-mail: nnnnik2@yandex.ru.

Ms. Svetlana N. Spesivtseva – Assistant Lecturer, Department of General and Professional English Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681014 Komsomolsk-on-Amur, 28 Kalinina St., block 2, flat 35, tel.: 8 (9141) 792592, e-mail: nnnnik2@yandex.ru

Аннотация. В данной статье пытаемся рассмотреть лозунги и плакаты, отражающие революционную ситуацию 1968 г. во Франции. Для этого раскрывается понятие «лозунг», составляющие его компоненты, содержание. Приводим анализ лозунгов и плакатов революции 1968 г. наиболее ярко отражающих проблемы данного периода.

Summary: The paper tries to consider slogans and posters as a reflection of the revolutionary situation in France in 1968. For this purpose we define and explain the concept «slogan», its components and content. The author analyzes some slogans and posters produced in 1968 that reflect the problems of this period in a manifested way.

Ключевые слова: лозунг, плакат, революция, Франция, Май, образовательная сфера, социальная сфера, политическая сфера.

Key-words: slogan, poster, revolution, France, May, education, social activities, political activities.

УДК 088:94(44)

На каждом этапе развития и становления страны перед человеком, обществом возникают различные вопросы, на которые у разных слоев, групп, личностей есть разные ответы. Некоторые вопросы, которые стоят перед обществом, являются вечными. Это проблема идеальных отношений в обществе, проблема собственности, проблема высших ценностей, их формулирования и защиты. Каждое время, каждое общество решает эти вопросы по-разному. Иногда такое решение не бывает однозначно всеобщим. В любом обществе есть несколько ответов, которые даются в соответствии с актуальной в данный момент системой идей. Ответить – это значит артикулировать тот или иной вариант решения, например, в форме лозунга или призыва, обращения, программы действий. Ответ, сформулированный, например, в виде лозунга, наполняет ту или иную проблему конкретным идейным, социальным, политическим содержанием, актуальным для своего времени.

Что касается самого понятия «лозунг», то оно было заимствованно из немецкого языка в XVIII в. и первоначально означало «жеребьевка» (см. прим. 4). В. И. Даль определяет слово «лозунг» как синоним слова «пароль» – «слово для опознания часовыми своих при входе и выходе ночью из месторасположения войск» [2, 264]. Также лозунг определяют как краткую формулу, содержащую в себе одну-две фразы и выражающую содержание тех или иных задач и целей различных борющихся между собой классов в политике, экономике, философии, литературе (см. прим. 4).



Однако со временем слово приобрело и другое, более современное значение – «призыв, выражающий в краткой форме руководящую идею, задачу или требование» [4, 350]. Лозунгом называют краткое изречение, полотно или щит с написанным на нем изречением. Красный цвет этого полотна или плаката – это не только символика цвета революции, но и цвет, привлекающий внимание своей яркостью. Основная функция лозунгов – быть «наглядной агитацией» для идеологической пропаганды (см. прим. 5).

Привычным местом лозунга являются агитационные плакаты, идеи которых они разъясняют. Лозунги обращаются непосредственно к массовому читателю. В этом случае они печатаются на отдельных листах – ленточках, афишах и т.д. В дни, когда борьба партий выносятся на улицу, лозунги размещаются на красных знаменах, под которыми идут в бой революционные отряды [3, 271].

Мысль в лозунге отступает на второй план, если не исчезает полностью. Лозунг должен будить не мысль отдельного человека, а эмоции масс. Лозунги были всегда, но только в XX в. их стали сознательно конструировать и использовать для управления общественным сознанием. Французский писатель Андре Жид определял лозунг следующим образом: «Любая краткая, легко запоминаемая формула, которая поражает наше сознание» (см. прим. 5).

В лозунге выделяют:

- общую идею, «вечный вопрос», который лозунг пытается разрешить;
- набор идей, актуальных для автора лозунга, с помощью которых «вечная проблема» в очередной раз получает свое разрешение, конкретно-историческое истолкование;
- набор идей, актуальных для других идеологов, так как в обществе всегда существует несколько ответов на «вечные проблемы», столкновение которых рождает политический спор, репликой которого и является тот или иной лозунг (см. прим. 2).

Рассмотрим лозунги и плакаты, отражающие период революции 1968 г. во Франции. Революция 1968 г. охватила основные сферы страны, поэтому лозунги и плакаты этого периода отражают проблемы образовательной, социальной, политической сфер страны. Одни лозунги и плакаты формулируют эти проблемы, отражают пути их решения, другие – поднимают вопросы, сложившиеся у общества и дают ответы на них. Такие лозунги, как «Professeurs, vous êtes aussi vieux!» («Вы устарели, профессора!»); «Professeurs, vous nous faites vieillir!» («Профессора, вы нас старите!»); «Cours, camarade, le vieux monde est derrière toi!» («Беги вперед, товарищ, за тобой гонится старый мир!»); «Fin de l' Université!» («Конец университету!») положили начало революционным волнениям в образовательной сфере страны. Эти лозунги отражали недовольство студентов образовательной системой страны: протест против чудовищной примитивности читавшихся им курсов, против устаревшей системы французского высшего образования, сложившейся при Наполеоне I (см. прим. 6).

Примитивный режим образования, устаревший политический режим, безразличие государства по отношению к народу вынуждает студентов к революционным действиям (протестные парады и демонстрации, митинги) и к появлению такого лозунга, как «Nous ne voulons pas d' un monde où la certitude de ne pas mourir de faim s' échange contre le risque de mourir d' ennui!» («Мы не хотим жить в мире, где за уверенность в том, что не помрешь с голоду, платят риском помереть со скуки!») (см. прим. 6).

Студенты выступали с требованием предоставить им право участвовать в решении вопросов, касавшихся условий их жизни, а также содержания, форм и методов обучения. В студенческой среде росла популярность левацких группировок. В ответ на угрозу исключения нескольких «леваков» студенты развернули массовые студенческие демонстрации, в Латинском квартале разбирали мостовые, валили деревья, строили баррикады, поджигали автомашины. Лидеры левацких группировок срывали занятия, предлагали все «отрицать» и «оспаривать», выступали с лозунгом «Il est interdit d' interdire!» («Запрещено запрещать!») (см. прим. 6) и даже призывали к свержению правительства [1, 111].

Выступления студентов дали толчок массовому движению рабочих, что привело к революционным волнениям в социальной сфере страны и появлению следующих лозунгов Мая 1968 г.: «Depuis 1936 j' ai lutté pour les augmentations de salaire. Mon père avant moi a lutté pour les augmentations de salaire. Maintenant j' ai une télé, un frigo, une VW. Et cependant j' ai vécu toujours la vie d' un bouc. Ne négociez pas avec les patrons. Abolissez-les!» («С 1936 г. я боролся за повышение зарплаты. Раньше за это боролся мой отец. Теперь у меня есть телевизор, холодильник и Фольксваген, и все же я прожил жизнь, как козел. Не торгуйтесь с боссами. Уп-

раздните их!»); «Le patron a besoin de toi, tu n'as pas besoin de lui!» («Ты нужен шефу, а он тебе нет»); «Vivre sans travail, jouir sans entraves!» («Живи, не тратя время (на работу), радуйся без препятствий!»). Идеи, отраженные в лозунгах, пропагандируют отказ от работы, от подчинения государству, от уплаты налогов, от выполнения требований законов и общественной морали (см. прим. 6). Такие лозунги, как «Mille franc – non moins, 40 heures – non plus!» («Тысячу франков – не меньше; 40 часов – не больше!»); «Garantis l'emploi!» («Даешь гарантию занятости!»), отражают требования рабочих повысить средний минимальный заработок граждан («le salaire moyen minimum des citoyens») и заработную плату, улучшить социальное обеспечение, принять меры против безработицы, гарантировать соблюдение прав профсоюзов (см. прим. 6).

Все слои населения, от студентов до рабочих, демонстрируют отказ от подчинения государству, отказ от наличия власти и тирании между государством и народом. Рабочий класс призывает к равноправию между всеми слоями общества: «Les universités – pour les étudiants, les usines – pour les ouvriers, la radio – pour les journalistes, le pouvoir – pour tous!» («Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!»); «La Nature n'a fait ni maîtres, ni serviteurs, je ne veux donner ni recevoir d'ordres!» («Природа не создала ни хозяев, ни слуг. Я не хочу ни управлять, ни быть управляемым!»); «Ni robot, ni esclave!» («Ни роботов, ни рабов!») (см. прим. 6).

Многие лозунги отражают потребительское отношение государства к народу: «Je participe. Tu participes. Il participe. Nous participons. Vous participez. Ils profitent!» («Я участвую... Ты участвуешь... Он участвует... Мы участвуем... Вы участвуете... Они наживаются!»); «On achète ton bonheur, vole-le!» («Они купили твоё счастье, укради его!») (см. прим. 3).

Устав от тирании и манипулирования, все слои населения призывали к свободе, к свободе слова, мысли, действия. Наступил период истинного расцвета свободной мысли, что ярко отражалось в плакатах и лозунгах, покрывших все университетские стены: «La création, le naturel, la vie!» («Творчество, Непосредственность, Жизнь!»); «Être libre en 1968, c'est participer!» («Быть свободным в 68-м – значит участвовать!»); «L'avenir ne contiendra que ce que nous y mettrons maintenant!» («Будущее станет таким, каким мы его сделаем сегодня!»); «Travailleurs de tous les pays, amusez-vous!» («Рабочие всех стран, наслаждайтесь!»); «On ne revendiquera, on ne demandera rien. On prendra, on occupera!» («Мы ничего не потребуем, мы захватим!») (см. прим. 6).

Эти невероятные идеи являлись плодами юношеской фантазии, которые долго сдерживались мелочными ограничениями и удушающей централизацией. Студенты вообразили, будто их сила рождается именно их действиями вместо действий пролетариата: «Un homme n'est pas stupide ou intelligent: il est libre ou il n'est pas!» («Человек не может быть глупым или умным: он или свободен или нет!»); «Le socialisme sans liberté. c'est la caserne!» («Социализм без свободы – это казарма!») (см. прим. 6).

Революционные волнения приобретали все больший и больший размах: студенческие волнения подхватывались демонстрацией солидарности с жертвами репрессий, всеобщей забастовкой с экономическими требованиями, парализовавшей на несколько дней всю страну. В обществе продолжали назревать противоречия, связанные с недовольством народных масс реакционным режимом де Голля, которые положили начало третьему периоду революции 1968 г. – революционным волнениям в политической сфере.

Лозунги Мая 1968 г. отражали гнев и возмущение, которые постепенно накапливались во французском обществе и вызывались в значительной степени действиями государственной машины подавления: «Exterminons mécanisme de l'Etat!» («Уничтожим старую машину!») (см. прим. 3).

Просьбы народа о решении тех или иных проблем, об изменении политического режима в стране не находили ответа у правительства. Все идеи и требования общества де Голль встречал с присущей ему грубостью: «La réforme – oui! Mais sans chi-en-lit!» («Реформа – да, но без дерьма в постели!»). Это оскорбление вернулось обратно к де Голлю в увеличенных размерах в студенческих лозунгах и в криках демонстрантов: «Le chi-en-lit, c'est lui!» («Дерьмо – это он!») (см. прим. 3).

Поведение правительства, деголлевская манера игнорировать кризис, сам казарменный язык де Голля, все это, в конце концов, подтолкнуло людей открыто выразить свое негодование: «De Gaulle, quitte le service!» («Де Голль – в отставку!»); «De Gaulle est aux arc-



hives!» («Де Голля – в архив!»); «De Gaulle est le meurtrier!» («Де Голль – убийца!») (см. прим. 3). Ровно в день годовщины прихода де Голля к власти подхватывались лозунги: «Dix ans, cela suffit!» («Десять лет – этого достаточно!»); «Adieu, De Gaulle!» («Прощай, де Голль!»). У работников метро был особый лозунг: «De Gaulle – sous la terre!» («Де Голля – под землю!») (см. прим. 3).

Несмотря на недовольства народа, были и те, кто поддержали государство. После заявления де Голля о том, что Франции грозит «тирания» и диктатура «тоталитарного коммунизма», его сторонники организовали крупную манифестацию в центре Парижа. Сотни тысяч людей шли под трехцветными знаменами с пением «Марсельезы» и лозунгами: «De Gaulle n' est pas seul!» («Де Голль не один!»); «Le communisme ne passera pas!» («Коммунизм не пройдет!») (см. прим. 3).

Помимо лозунгов революции 1968 г. свое недовольство и негодование общество выражало при помощи разнообразных плакатов. Один из таких плакатов с изображением рабочего с гаечным ключом под прицелом пистолета содержал надпись: «Travailler maintenant!» («Работать сейчас!»), и отражал давление со стороны начальства, работу под надзором, унижительное отношение к рабочему классу того времени (см. прим. 1).

Возможность высказать свое мнение, свои мысли искореняется в обществе и молодое поколение находится под давлением государства, которое запрещает ему высказываться. Об этом говорит плакат с изображением молодого человека с забинтованной головой, рот у которого заколот большой булавкой. Плакат содержит лозунг: «Une jeunesse que l' avenir inquiète trop souvent!» («Молодежь, будущее которой беспокоит нас слишком часто!») (см. прим. 1).

Здесь представлен и другой плакат с изображением человека, пишущего на стене лозунги, оторванная рука которого лежит на полу. Надпись, гласящая на плакате «Non!» («Нельзя!»), дает понять, что так будет со всеми, кто возьмет инициативу в свои руки (см. прим. 1). Отношение государства к народу как к товару, как к безликой массе символически отражено на плакате, принадлежавшему группе художников: человеческие руки, головы, глаза с ценниками, выставленные на продажу на крюках и подносах в мясной лавке. Все это говорит о том, что индивидуальность человека не востребуется, человек не может существовать как индивид, со своими мыслями, идеями. Все они – это масса, груда мяса, не имеющая право голоса, своего мнения (см. прим. 1).

Во время революции 1968 г. родилось множество лозунгов и плакатов, поражающих своей масштабностью и своим разнообразным содержанием. В нашей статье мы представили лишь некоторые из них. Лозунги и плакаты отражают период революционных волнений своего времени. В этот период возникло множество вопросов, на которые общество пыталось найти ответы, множество проблем, которые общество пыталось решить. Именно с помощью лозунгов и плакатов общество пыталось найти пути решения этих проблем, ответить на вопросы своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзаканян, М. Ц. Политическая история Франции / М. Ц. Арзаканян. – М.: Высшая школа, 2003. – 111 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. – М., 1995. – 264 с.
3. Литературная энциклопедия. В 11 т. – М., 1929-1939.
4. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М.: Олимп, 2000. – 784 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. <http://chantsdeluttes.free.fr>.
2. www.old.russ.ru/antolog/vek/1999/5-6/altunyan.htm.
3. www.propaganda-journal.net.
4. www.slovari.yandex.ru.
5. www.triz-ri.ru/themes/school/school10.asp.
6. <http://users.skynet.be/ddz/mai68.htm>.

Сюй М. В.

СЕМАНТИКА РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ КИТАЯ

Сюй М.В.

Syuy M. V.

СЕМАНТИКА РАСТИТЕЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ КИТАЯ

SEMANTICS OF CHINESE VEGETABLE SYMBOLISM



Сюй Марина Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского как иностранного Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Юбилейная, д. 8, кв. 104; 8-4217-27-60-75. E-mail: marinasyuy@mail.ru.

Ms. Marina V. Syuy – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 8 Yubileynaya St., flat 104, tel.: 8 (4217) 276075, e-mail: marinasyuy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики растительной символики Китая. Проанализировав компоненты значения растительной символики, автор приходит к выводу, что для культуры и искусства Китая актуальными являются семантические комплексы бессмертие/долголетие, красота, любовь и плодородие.

Summary: The paper deals with the research of semantics of Chinese vegetable symbolism. After analysis of some components of vegetable symbols' meaning, the author makes a conclusion that for the Chinese culture and art significant are such semantic complexes as immortality/longevity, beauty, love and fertility.

Ключевые слова: символ, семантика, растительная символика, культура и искусство Китая.

Key-words: symbol, meaning, vegetable symbolism, Chinese culture and art

УДК 008

Обращаясь к семантике символов, мы будем опираться на следующие источники: Chavannes E. The five happinesses: Symbolism in Chinese popular Art, Fang J. P. Symbols and Rebus-es in Chinese Art, Imperial Tombs of the Ming and Qing Dynasties, 不可不知的中国文化常/毛峰者.

По своим характеристикам китайская символика очень разнообразна [1, 2]. Среди многообразных китайских символов значительное место занимают растительные символы. У этой группы – второе место по распространению. Эти символы сочетаются с зооморфными, антропоморфными и геометрическими символами. Растительная символика является не только неотъемлемой составляющей художественного и декоративно-прикладного искусства, но и различных областей повседневной жизни китайцев.

К растительным символам относятся символы, внешняя форма которых содержит в себе хорошо опознаваемые черты растений. К растительным символам относят цветы, деревья, овощи, фрукты, злаки, ягоды и грибы: абрикос, азалия, алоэ, амарант, ананас, апельсин, астра, бамбук, бархатцы, виноград, вьюнок, гвоздика, гранат, гриб бессмертия, груша, денежное дерево, дерево гинко, «Мировое дерево», «Дерево мертвых», Солнечная шелковица, Лунная корица, Дерево Жо, Нефритовое дерево (*Цюншу*), дуб, ель, жасмин, ива, кипарис, клевер, коралл, красные тюльпаны, лилия, лимон, лотос, магнолия, орхидея, персик, пион, рис, роза, сирень, слива, сосна, тыква-горлянка, хризантема, хурма, личжи.

Для выявления специфики и учета широты семантики символы целесообразно описать с учетом следующих характеристик: наименование, особенности внешнего вида, среда



существования, взаимодействие с полом, взаимосвязь с символами других групп, применение образа в культуре Китая.

Кравцова М. Е. подразделяет деревья на вечнозеленые и лиственные, цветущие (плодовые), «женские» и «мужские» [4]. Самым распространенным из вечнозеленых деревьев является сосна. Горная сосна растет в одиночестве, часто на вершине скалы или над обрывом, в самых неблагоприятных условиях, что и определило ее характерные черты – дерево с крепкими корнями, невысоким кряжистым стволом и узловатыми могучими ветвями. Символика образа сосны многогранна. Она символизирует бессмертие, долголетие, олицетворяет истинно благородную личность, как в конфуцианском, так и даосском ее понимании – человека, обладающего внутренней стойкостью, неподвластного внешним невзгодам и напастьям. С образом сосны перекликается образ кипариса, который наделялся в китайских верованиях особыми охранительно-целительными свойствами, включая защиту от мертвых.

Параллельно с образами вечнозеленых хвойных растений важное место в образной системе занимает бамбук. Общая символика бамбука тоже связана с его природными особенностями – растение с упругим полым стволом, покрытым твердой корою. Отчасти бамбук дублирует символику сосны – олицетворение внутренней стойкости человека, его высочайших духовных качеств и способности противостоять бедам и испытаниям [10, 187]. Одновременно бамбук обладает благопожелательной символикой в силу омонимичности его названия глаголу *чжу* – «молить о чем-то», «желать», «ожидать». Кроме того, бамбук символизирует сыновнюю почтительность. Существует легенда, в которой рассказывается о том, как больная мать страстно пожелала зимой супа, приготовленного из побегов бамбука, и ее сын столько пролил слез на бамбуковой плантации, что они, в качестве награды за его почтительную заботу, подобно теплым весенним дождям, размочили твердую зимнюю почву и дали рост нежным побегам [3, 49].

Среди цветущих деревьев важнейшее место занимает дикая слива – *мэй* 梅, больше известная как *мэйхуа* 梅花 – это календарное дерево, символ китайского Нового года, весны и рождения всего живого. Цветы сливы – *мэйхуа* приравнивались к сокровищам Китая и назывались «королевой цветов» [4, 51]. Они жесткие, но изящные, со слабым ароматом. В то же время ее название омонимично словам «красота» (*мэй* 美) и «брови» (*мэй* 眉), которым придавалось большое значение в облике красавицы, что усиливало ассоциации этого дерева и его цветов с женской красотой, юностью и чувством любви. Цветы *мэйхуа* и ее цветущие ветви – излюбленные орнаментальные мотивы всего китайского декоративно-прикладного искусства. Они могут реализовываться в росписях по керамике, в вышивках, в ювелирных изделиях. Кроме того, с ней связаны специальные тематические направления как в живописи («стиль *мэйхуа*»), так и в поэзии (стихи, посвященные ее воспеванию).

Символами женской красоты и любви также являются и другие плодовые деревья: плодовая слива – *ли* 李 и груша – *ли* 梨, омонимы слова «красота» (*ли* 麗); вишня – *ин*, плоды которой соотносятся с губками красавицы («вишневый ротик» *инкоу* 口); абрикос – *син* 杏, цвет плодов которого был оптимальным, с точки зрения вкусов китайцев, для цвета кожи красавицы.

Кравцова М. Е. отмечает, что «мужские» и «женские» растения определяются по характеру строения деревьев: с крепкими, прямыми и, наоборот, с тонкими, хрупкими, стволом и ветвями. «Мужскими» растениями являются: сосна, кипарис, бамбук, тополь – *ян* 楊, тополь – *хуай* 槐, тунговое дерево – *тун* 桐, платан – *утун* 梧桐, который может фигурировать и как мифологическое дерево (волшебные платаны служат местом обитания и гнездовой фениксов). К «женским» растениям относится ива – *люй*, особенно «плакучая ива».

Ведущее место в «цветочной» группе символов принадлежит: пиону, хризантеме, орхидее и лотосу.

Семейство китайских пионов включает две главные разновидности: пион – *шаояо* 芍藥, то есть *белоцветный*, и пион – *мудань* 牡丹 – *древовидный пион*. В художественной образной системе эти разновидности не различаются и имеют одинаковую символику. Пион считается, во-первых, «царем» всех цветов, символом знати, что находит отражение в его принятых образных названиях: «царь-цветок» (*хуа ван* 花王) и «цветок богатства и знатности» (*фугуйхуа* 富花). Во-вторых, он является календарным растением, соотносящимся с началом лета. В-третьих, пион ассоциируется с женской красотой и семейным счастьем. Если букет пионов, стоящий в доме, в течение долгого времени остается свежим – стебли сохраняют упругость, лепестки не вянут и не опадают, значит семье сопутствует удача. Быстро увядающие пионы – предупреждение о грозящих неприятностях. В эпоху династии Тан изображение феникса и пиона символизировало долголетие или бессмертие [7, 17].

Орхидея (*лань* 兰) и хризантема (*цзюй* 菊) в древней мифологии связаны с божественным миром и ритуальной обрядностью. Орхидея имеет два главных символических значения. В первом она олицетворяет исключительные внутренние качества человека, в том числе и конфуцианской благородной личности, и ее способности оказывать облагораживающее воздействие на окружающих ее людей, подобно тому, как цветок орхидеи испускает тончайший аромат. Во втором значении орхидея ассоциируется с женским началом и женской красотой, например, принятое образное название дворцовых гаремных покоев и покоев императрицы – «обитель орхидей» (*лань гуй* 兰闺).

Хризантема имеет более широкий смысловой спектр. Не исключено, что изначально она почиталась солярным цветком, связанным с бессмертием [9, 112]. Вино, настоянное на лепестках хризантем, служило напитком, сопоставимым с эликсиром долголетия. Хризантема также олицетворяет осень и является «царицей» осенних цветов. Наконец, отдельно выделяется символика хризантемы как знака поэтического вдохновения, внутренней раскрепощенности художника, его единения с природой и умения воспринимать красоту окружающей действительности. Подобно другим многолепестковым цветам, хризантема воспроизводилась не только в графических (расписные орнаментальные мотивы и живописные сюжеты), но и пластических формах: стилизованные под этот цветок керамические и металлические изделия (чаши, кубки, вазы).

Существуют две главные разновидности лотоса: лотос – *лянь* 莲 и лотос – *хэ* 荷, который в специальной литературе отождествляется с водяной лилией. Эти две разновидности образуют единый образ, который обладает различными значениями. Одни из них восходят к индо-буддийской традиции, в которой лотос символизирует Будду и его учение. Другие обусловлены религиозно-мифологическими представлениями и фольклорно-поэтической образностью. Лотос ассоциируется с плодородием благодаря его плодам-коробочкам, наполненным семенами. Они обозначаются в китайском языке тем же самым иероглифом, что и «ребенок» – *цзы*. А сочетание «семена лотоса» (*лянь цзы* 莲子) является омонимом сочетания «рождение подряд сыновей» (*лянь цзы* 连子). Все это сделало лотос популярнейшим символом и благопожеланием многочисленного мужского потомства. Лотос – *хэ* – омоним понятия «мир», «согласие» (*хэ* 和), которое может передавать как состояние душевной гармонии личности в соответствии с буддийским вероучением, так и счастье взаимной любви, и согласие супругов. Лотос – символ чистоты и возвышения над бренностью мира [4, 51]. Во время цветения лотос поднимается над водой болота, оставляя всю грязь земных пороков внизу. Недаром Будда часто изображается сидящим на цветке лотоса. Лотос также является популярным орнаментальным мотивом и живописным сюжетом.

Независимо от символических значений, все цветы тоже подразделяются на «мужские» и «женские». К первым относятся цветы, имеющие удлиненные, заостренные листья или длинный, выступающий пестик, типа ириса, нарцисса. «Женскими» цветами считаются

травянистые растения с вьющимися стеблями – вьюнок и цветы с множеством лепестков. К этой семантической группе относятся азалия, роза, астра, пион, хризантема, лотос. Ассоциации лотоса с женским началом отчетливее всего проявляются в живописных композициях, когда он изображается с парящим над ним насекомым (чаще всего, стрекозой), выступающим в этом случае олицетворением мужского начала.

Самым распространенным символом среди овощей является тыква-горлянка. Ее силуэт, напоминающий очертание женского тела, и ее форма, как бы составленная из двух вкладывающихся друг в друга сфер, сделали ее моделью акта рождения. В даосско-религиозной образности она превратилась в сосуд для хранения эликсира бессмертия, став эмблемой бессмертия и пожеланием долголетия. В таком значении она является постоянным атрибутом иконографии божеств, связанных с бессмертием, и элементом благопожелательных композиций. В буддизме тыква-горлянка по причине ее практического применения монашествующими – в качестве сосуда для воды, стала символом монашеской аскезы и искренности вероисповедания человека. Изображения тыквы-горлянки можно встретить не только в виде живописных произведений и орнаментальных композиций. Ее форму копируют керамические и фарфоровые сосуды, ювелирные украшения-кулоны, сережки.

Среди фруктов выделяют «счастливые плоды»: гранат, мандарин, апельсин и личжи. Структура плода граната сделала его символом и благопожеланием многочисленного мужского потомства. Он обычно изображается в полураскрытом виде – так, чтобы были видны его зерна. Символика мандарина перекликается с символикой персика и тыквы-горлянки: он тоже наделен способностью даровать бессмертие. В китайской астрологии название этого плода используется в качестве астрономического термина для обозначения луны в момент ее нахождения в восточном и юго-восточном секторах звездного неба, что считалось самым благоприятным временем для рождения будущих благородных и умных чиновников [8, 98]. Таким образом, мандарин превратился в символ и благопожелание как долголетия, так и успешной служебной карьеры. Все эти символические значения были перенесены и на апельсин, который воспринимается как бы увеличенным в размерах мандарином. Личжи – небольшие по размеру, продолговатой формы плоды. Их кожура – прочная, темно-коричневого цвета и покрыта узорами, которые отождествляются с черепахой в ее значении существа, связанного с бессмертием. Плоды личжи одновременно символизируют знатность, богатство и бессмертие.

В растительной символике Китая особого внимания заслуживает гриб – *чжи*, или волшебный/божественный гриб. Гриб – *чжи* стал рассматриваться как растение бессмертия еще в древних мифолого-религиозных представлениях, а затем стал неотъемлемой принадлежностью даосской алхимии [11, 291]. Известно, что в III-IV вв. даосские отшельники занимались сбором лесных грибов для изготовления снадобий бессмертия. Часто гриб – *чжи* изображается с оленем. По верованиям китайцев, олени жили очень долго и поэтому стали символом долголетия. Они говорили, что только олень может найти гриб бессмертия [3, 289]. Художественные изображения гриба – *чжи* однообразны: он показывается в виде зонтичного гриба с изгибающейся ножкой, которая постепенно утолщается и плавно переходит в широкую, усложненной конфигурации шляпку. В форме *чжи* исполнялись и другие образы – облака, Лунная корица, жезл – *жуи*. Грибовидную форму могли иметь балдахины над колесницами даосских адептов и даже архитектурные сооружения, например, башня, построенная в конце V в. в окрестностях тогдашней столицы.

В растительной символике Китая особое место занимают мифические растения, к которым относят «Мировое дерево», «Древо мертвых», Солнечную шелковицу, Лунную корицу, Древо Жо, Нефритовое дерево (*Цюншу*). Персиковое дерево заменяет собой нефритовое дерево и является неотъемлемой принадлежностью культа Куньлуна и легенд о Царице Запада – *Сиванму*. В них рассказывается, что в резиденции Царицы Запада, расположенной на вершине Куньлуна и на берегу Нефритового озера растет чудесное персиковое дерево, которое плодоносит один раз в 10 000 лет, принося персики бессмертия. Когда они созревают, Царица Запада устраивает пир, на который собираются все бессмертные – *сяни*, удостоившиеся чести вкушать эти плоды. Воплощением персикового дерева являются практически все живописные и орнаментальные композиции, содержащие в себе цветущие персиковые ветви. Плод персика, служащий символом и пожеланием бессмертия (долголетия), входит в набор обязательных атрибутов божественных персонажей, связанных с бессмертием, и может вводиться в любые благопожелательные композиции.

Прототипом Лунной корицы было коричное дерево, которое в древнекитайских верованиях наделялось магическими целебными и охранительными свойствами. Это дерево также символизирует бессмертие. Возможно, ассоциация с бессмертием связана с его природными особенностями: поздним, ближе к осени, цветением, что воспринималось китайцами как признак неподвластности этого растения обычному ходу времени. В декоративно-прикладном и изобразительном искусстве Лунная корица предстает в виде дерева с раскидистой кроной и изгибающимся, утончающимся к низу стволом, контуры которого вторят контурам волшебного гриба – *чжи*. Это дерево часто представлено в «лунных» композициях, состоящих из нескольких персонажей, связанных с луной и бессмертием (богиня Чан Э, «лунный заяц», «лунная жаба»).

Следует отметить, что чаще всего растительные символы взаимодействуют друг с другом, с зооморфными символами, а также с антропоморфными. Например, пионы часто сочетаются с орхидеями, символизируя пышное летнее цветение. Иногда можно встретить изображение пионов и бабочек, которое символизирует любовь и богатство. Орхидея с бабочками символизирует счастье в любви. В декоре личных украшений с минского времени плоды граната, пальчатого лимона и персика символизируют пожелание *саньдо* – «три много» (потомства, счастья и долгих лет) [6, 121]. В повседневных уборах минских императриц часто встречается композиция *фэнчуаньмудань* («фениксы, летающие среди пионов»), символизирующая пожелание счастья и любви.

Исследование семантики растительной символики позволило выявить три интересных факта: 1) большинство символов восходят либо к даосской, либо к буддийской традиции; 2) в синтагматические ряды эти символы чаще всего объединяются с подобными себе; 3) большинство символов (сосна, бамбук, хризантема, тыква-горлянка, персик, личжи, гриб – *чжи*, Лунная корица, мандарин, апельсин) транслируют значение бессмертия/долголетия, далее следуют символы олицетворяющие красоту и любовь (слива – *мэйхуа*, плодовая слива, груша, вишня, абрикос, пион, орхидея), а также два символа плодородия (лотос и гранат).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сюй, М. В. К вопросу о классификации китайских символов / М. В. Сюй // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т 12. Вып. 1. №№ 53-54 – С. 318-323.
2. Сюй, М. В. Семантическая классификация китайских символов / М. В. Сюй // Социальные и гуманитарные вопросы на дальнем Востоке. – 2010. – N 4. – С. 2-6.
3. Вильямс, К. А. Энциклопедия китайских символов (Восточный символизм): [Пер. с англ.] / сост. К. А. Вильямс / К. А. Вильямс. – М.: Изд-во Царева, 2000. – 436 с.
4. Кравцова, М. Е. История искусства Китая / М. Е. Кравцова. – СПб, 2004
5. Голосова, Е. В. Ландшафтное искусство Китая / Е. В. Голосова; Российская акад. наук, Гл. ботан. сад им. Н. В. Цицина. – М.: Наталис, 2008. – 328 с.: ил.
6. Неглинская, М. А. Китайские ювелирные украшения периода Цин (XVII – нач. XX вв.). История, семантика, эстетика / М. А. Неглинская. – М.: Компания Спутник +, 1999. – 164 с.: ил.
7. Чистякова, А. Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. / Чистякова А. Н. – Новосибирск, 2007. – 24 с.
8. Chavannes E. The five happinesses: Symbolism in Chinese popular Art. N. Y.: Weatherhill, 1973. – 208 p.
9. Fang J. P. Symbols and Rebuses in Chinese Art: Figures, Bugs, Beasts and Flowers. Hong Kong: Ten Speed Press, 2004. – 243 p.
10. Imperial Tombs of the Ming and Qing Dynasties. Beijing: New World Press, 2007. – 190 p.
11. 不可不知的中国传统文化常识/毛峰编者。 – 北京：中国妇女出版社, 2008.- 373 p.

Тарасова Е. А.
Tarasova E.A.

ФЕНОМЕН «ВЛАСТЬ» В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

THE CONCEPT OF POLITICAL POWER IN THE CULTURE OF ANCIENT CHINA



Тарасова Евгения Александровна – аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского как иностранного Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: evgeniyabychkova@rambler.ru

Ms. Evgenia Tarasova – PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Komsomolsk-on-Amur, e-mail: evgeniyabychkova@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена власти в культуре древнего Китая с архаического периода до эпохи правления династии Чжоу. Рассматриваются представления древних китайцев о природе (происхождении) власти, функции, полномочия и статус императора, отношение и восприятие власти народом, принцип ее легитимации.

Summary: the paper is concerned with the study of the phenomenon of political power in the culture of ancient China: from the archaic period to the epoch of Zhou dynasty. Analyzed are the ancient Chinese concepts of power's origin and legitimacy, the emperor's functions and status, and people's attitude to it.

Ключевые слова: сакральность, императорская власть, легитимация власти, жреческая функция, мифологизация власти императора, протогосударство, делегирование власти.

Key-words: sacrality, power legitimization, priest authority, mythologization of imperial power, proto-state, delegation of authority.

УДК 08 (091): 931.5

Китай – одна из самых ранних цивилизаций мира, в которой процесс становления института верховной власти начался еще в неолитический период. Уже к моменту правления династии Инь (XVII – XII вв. до н.э.) государство имело сложный, иерархически организованный административный аппарат во главе с правителем, считавшимся высшим существом на земле, которого наделяли ореолом сакральности. Необходимо отметить, что обожествление императора было характерно для китайского общества на протяжении всей истории развития государства и впоследствии оказало значительное влияние на формирование современного образа власти.

Сегодня отмечается повышенный интерес исследователей к истории, политическому устройству, культуре Поднебесной, поскольку современный Китай, будучи стремительно развивающимся государством, одним из лидеров мировой экономики и политики, тем не менее, остается традиционным обществом, в котором значительную роль играют обычаи и культуры. Этот уникальный симбиоз требует изучения и научного объяснения.

Исследование феномена власти, начиная с древнейших времен, несомненно, позволит яснее понять современное состояние вопроса. Ведь Китай – одно из немногих государств, сохранивших традиции, обусловленные императорской властью вплоть до современности. Исследования, посвященные рассмотрению этого феномена в современном китайском обществе (Л. С. Васильев, В. В. Адамчик, Я. М. Бергер, М. Ф. Юрьев и др.), показывают, что в основе формирования философских, культурологических и политических концепций изуче-

ния власти в Китае лежат древние представления китайцев. В частности, это мистико-мифологические воззрения и верования, ранние социально-философские интерпретации статуса и функций императора.

В данной статье нами рассматриваются следующие аспекты:

1. представления древних китайцев о природе (происхождении) власти;
2. статус, функции и полномочия императора Поднебесной.
3. легитимация власти.

Проводимое нами исследование охватывает архаический период (эпоху первобытно-общинного строя), правление династий Шан и Восточного Чжоу. Именно этот период истории Китая представляет для нас особый интерес с точки зрения исследования феномена власти, поскольку он традиционно характеризуется историками как эпоха становления государственности, формирования высшего административного аппарата. На данном этапе развития китайского общества появляются первые философские трактаты о том, каким должен быть идеальный правитель [3, 75].

1. Рассмотрим представления древних китайцев о природе власти. Анализ литературных источников показывает, что люди предпринимали первые попытки объяснения появления правителя на Земле и его функций еще в эпоху неолита, который определяется исследователями как «догосударственный» период [7, 56]. Представления китайцев архаического периода о происхождении власти носили мифологический характер, что обусловлено доминированием религиозно-мифологического мировоззрения людей первобытного общества. В тематической классификации древнекитайских мифов М. Е. Кравцовой выделены две группы мифов, посвященные описанию происхождения власти на Земле: космогонические (социогенные) мифы, которые повествуют о формировании политических институтов, появлении правителей на Земле; героические мифы, посвященные описанию жизни и великих свершений легендарных правителей [5, 104].

Существует немало мифов о чудесном появлении правителей на Земле. В них владыки наделены сверхъестественными способностями. Необходимо отметить, что в самых ранних мифах фигура императора обожествляется, нет четкой грани между небесным и земным. Правители-божества представлены в образе получеловека – полуживотного, которые наделены множеством функций по преобразению мира и жизни людей.

Самыми значимыми мифами, посвященными описанию появления правителей, являются мифы о великих первопредках (трех владыках): женском божестве Нюй-ва и двух мужских божеств Фу-си и Шэнь-Нун.

Нюй-ва предстает в виде существа с человеческой головой и змеиным туловищем. Это связано с тем, что в представлениях древних китайцев змея меняет кожу и, следовательно, обладает силой омоложения и даже бессмертия. Нюй-ва выполняет множество функций: сотворяет людей из глины, восстанавливает небосвод после повреждений, нанесенных ему в ходе битвы богов Огня и Воды, спасает людей от чудовищ, обучает людей искусству любви и семейным отношениям. Фу-си описан в мифах как идеальный государь. Он обучает людей охоте, изготовлению сетей и приготовлению пищи, вводит иероглифическое письмо взамен прежнего, узелкового. Как и Нюй-ва, Фу-си представлен в образе существа с человеческой головой и змеиным телом. Шэнь-Нун также считался идеальным правителем и был первым, кто вспахал землю и научил людей земледелию. Так как этот правитель был наделен функциями бога земледелия, его изображали с бычьей головой.

Известный китайский историк Сыма Цянь, составивший первую общую историю Китая в I веке до н.э., писал о том, что период перечисленных трех повелителей нельзя считать историческим, а самих этих Владык – правителями-людьми.

Совершенно иное место в мифах о совершенномудрых государях древности и божествах-повелителях занимает образ Желтого императора – Хуан-ди. Сыма Цянь называл Хуан-ди первым человеком-правителем, основателем китайской цивилизации, от которого ведут свое происхождение все последующие императоры [9, 86]. В исторической летописи Сыма Цянь говорится о том, что около 2600 до н. э. Хуан-ди подчинил себе вождей отдельных племён и создал первое китайское государство, став первым императором. Однако современные исследователи, в том числе известные российские китаисты-синологи (М. Е. Кравцова, Л. С. Васильев), отрицают реальность существования исторической фигуры Хуан-ди. Они причисляют его к вымышленному мифологическому существу, которому приписывалось



множество благих деяний: укрощение пяти стихий, установление порядка в четырех частях света, высадка пяти знамен, изобретение стрел и лука, обучение людей искусству строительства и изготовления гончарных изделий, изобретение колесницы и лодки [3, 129]. В летописях о Хуан-ди наблюдается множество фантастических нереальных фактов. Так, например, великий правитель с момента рождения умел говорить, имел солнечный рог, лик дракона, четыре глаза. Все это доказывает, что образ императора мифологичен.

Уже в первых мифах наблюдается сакрализация образа императора. Так, в ранних мифах и легендах, повествующих о происхождении первых правителей, часто присутствует мотив непорочного божественного зачатия. Согласно этим мифам, некоторые легендарные родоначальники появлялись на свет в результате особых волшебных обстоятельств. Например, прародительница иньцев случайно проглотила яйцо священной Пурпурной Птицы, мать первого чжоусца наступила на след Великана. Такое обоожествление происхождения власти, ее связь с высшими небесными силами прослеживается в культуре Китая вплоть до современности.

Существуют мифы, описывающие рождение правителей в результате брачных отношений тотемных животных с людьми. Необходимо отметить, что тотемистические представления о происхождении власти сохранялись в древнем Китае довольно долго и даже культивировались представителями правящих кругов, которые претендовали на родство с божествами. Такая связь с высшими существами считалась необходимой для претендента на высшую власть, поэтому каждый император обязан был иметь свой тотем, доказывающий его божественное происхождение.

Проанализировав древнейшие представления китайцев о природе власти, можно сделать вывод о том, что для них характерно следующее:

- мифологизация представлений о появлении власти;
- сакрализация образа правителя.

2. Далее рассмотрим основные функции и статус правителя в древнекитайском обществе. Исследуемый нами период охватывает процесс формирования первого протогосударства Шан, свержение шаньцев и приход к власти династии Чжоу (XI в. до н.э.) до начала правления Восточного Чжоу (VIII в. до н.э.). Именно этот период обозначен как время формирования государственности, сложного чиновничьего аппарата и стремительного процесса централизации власти Китая. На данном этапе исторического развития важнейшими обязанностями правителя Вана являлись:

- функция первосвященника государства;
- ритуально-обрядовая практика;
- верховная собственность императора на землю;
- делегирование полномочий между чиновниками государственного аппарата.

С началом правления династии Шан связано формирование первого протогосударства и возложение на правителя Вана новых функций и обязанностей. Главнейшей из них является ритуально-обрядовая функция. Правитель, возглавлявший шаньцев, был одновременно и первосвященником. Именно он исполнял торжественные ритуалы в честь покойных предков ди или шан-ди (т.е. живущие на небе). Своей персоной он символизировал сакральное единство всего шанского общества. Только Ван выступал в качестве посредника между миром живых и умершими божественными предками.

Известно, что ритуально-обрядовая функция правителя появилась еще в догосударственный период. Это связано с тем, что в архаическую эпоху произошли изменения в хозяйственной деятельности людей, а именно переход от собирательства к земледелию, когда урожай крестьянина, и, следовательно, благосостояние его семьи зависели от погоды. Люди верили, что всем в мире управляют сверхъестественные силы природы, признавая верховным божеством Небо – Шанди. Так, например, в книге «Шуцзин» сказано: «Только небо наблюдает за народом, ведает справедливостью, посылает урожай и неурожай ... от милости неба зависит его судьба» [15, 236].

Наводнения, засухи, пожары становились настоящим бедствием для всего народа и воспринимались древними китайцами как небесная кара. Правитель, имеющий божественное происхождение, был единственным, кто мог устанавливать связь между миром людей и Небом, просить милости для крестьян у высших сил. Для этого он проводил обряды, жертвоприношения силам природы и Небу. Императору был присвоен статус «Сын Неба».

В период формирования государственности жреческая функция Вана приобретает все большее значение. Главной обязанностью правителя становится совершение сакральных обрядов и ритуалов с целью установления связи с небесными силами. Правитель-жрец просит у Неба богатого урожая и спокойной жизни для своего народа. Одной из самых важных функций императора становится ритуальное открытие сельскохозяйственного года. Сын Неба первым пропахивал борозду земли с помощью ручного плуга. Этот древний ритуал сохранился в культуре Китая вплоть до падения маньчжурской династии в XX столетии, так как его совершение считалось одной из самых важных и значительных обязанностей императора [4, 255].

В процессе формирования государства Шан правитель приобретает статус верховного собственника земель, что дает ему право лично распоряжаться государственными угодьями. Необходимо отметить, что функция Вана по распределению земель основана только на его власти, которая осознанно сакрализована, и, следовательно, не подлежит критике и оспариванию.

Рассмотрим принцип делегирования полномочий. Первые попытки распределения обязанностей по управлению государством были предприняты еще Хуан-ди, который назначал чиновников. Традиционно считалось, что единственной обязанностью императора было установление связи с Небом через выполнение обрядов и принесение жертв. Он приобретает статус «Сына Неба». Так как личность правителя носила сакральный характер, и его деятельность была связана с решением высших «небесных» вопросов, земные обязанности управления могли быть делегированы между служащими более низких чинов. В связи с этим расширяется государственный административный аппарат, в структуре которого можно выделить три основные категории. Среди них высшее ведомство администраторов, к которым причислялись сановники, советники, ответственные за принятие важных государственных решений; низшее ведомство – чиновники-распорядители, ведающие делами канцелярии; структура, отвечающая за военную подготовку и охоту.

Правитель, осуществлявший жреческие функции не должен был участвовать в военных операциях, так как считалось, что это уничтожает сакральность его власти, ведет к потере магической силы. Император наделял главнокомандующего войска функцией верховного военного вождя.

Вся территория государства была поделена на региональные владения, которые управлялись уполномоченными шанского Вана. Можно говорить о том, что именно с введением системы уделов происходит становление китайской феодальной системы.

Необходимо отметить, что в основе делегирования полномочий по управлению регионами лежал принцип семейственности. Многие уделы были отданы родственникам и приближенным. Если назначенный Ваном наместник не являлся членом его семьи, родственные связи были придуманы. Это объясняется тем фактом, что китайская нация по традиции рассматривалась как одна большая семья, отцом и матерью которой был император. Все подданные обязаны были повиноваться ему. П. Лоуэль писал: «Для императора на его престоле и для простого рабочего в его хижине все держится на идее семейного родства ... Империя представляет собой одну большую семью» [12, 46].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что необходимость делегирования полномочий по управлению государством была обусловлена первостепенностью жреческой функции императора, не позволяющей правителю заниматься «земными» делами. Это привело к стремительному росту чиновничьего аппарата, формированию самостоятельного ведомства по военным делам во главе с верховным военным вождем, появлению китайской феодальной системы.

3. Теперь рассмотрим принцип признания легитимности императорской власти в древнем Китае. Естественно, власть могла быть признана народом, если она носила легитимный статус. Законность власти, согласно религиозно-ритуальным мировоззрениям древних китайцев, определялась высшими небесными силами. Право на правление государством давалось Небом не тому, кто удачлив и силен, а тому, кто мудр, справедлив и добродетелен [13, 354].

Вопрос о признании законности власти стал особенно актуальным в начальный период правления династии Чжоу, когда власть была захвачена силой, и, следовательно, не могла быть признана легитимной. Для закрепления законного статуса правитель должен был получить Мандат Неба, который вручался высшими силами тому, кто накопил достаточное количество добродетелей. Правители Шан растратили свои добродетели, поэтому Небо от-



няло у них Божественный мандат и вручило его чжоуским правителям. Таким образом, был утвержден легитимный статус чжоуской власти.

Следует отметить, что для чжоуских правителей процесс формального закрепления захваченной силой власти был крайне важным. Считалось, что Небо не принадлежало никому и поддерживало того, кто был легитимен. Кроме этого, само Небо определяет легитимность, оценивая добродетели правителя, так называемые «дэ». В связи с этим можно сделать вывод о том, что главной оценкой деятельности правителя эпохи Чжоу становится количество накопленных им «дэ». Эти благодетели могли быть утрачены, и вследствие этого правитель лишался поддержки Неба (что произошло с шанским императором). Несомненно, подобная теория признания легитимности власти была очень удобна и выгодна для чжоуских правителей, которые, создав более или менее убедительную для всех государственную идею, заложили основу 800-летнего господства легитимной власти и сохранения империи вплоть до XX в. [5, 32].

Итак, рассмотрев феномен власти в культуре древнего Китая, можно сделать вывод о том, что ее главной характеристикой являлась сакральность правителя. Этим фактом обусловлена первостепенность жреческой функции императора, его роль священнослужителя, особый божественный статус, глубокое почитание со стороны чиновничества государственного аппарата и простого народа, религиозный характер легитимации власти. Данные черты власти во многом сохранились в культуре современного Китая. Проследить развитие этих характеристик власти в истории и культуре Поднебесной, найти их отражение во властных структурах современного Китая – задача нашего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчик, В. В. История Китая / В. В. Адамчик. – М.: Харвест, 2005. – 328 с.
2. Бергер, Я. М. Культурология / Я. М. Бергер. – М.: Высш. шк., 2004. – 350 с.
3. Васильев, Л. С. История Востока: в 2 т. / Л. С. Васильев. – М.: Высш. шк., 1998. – 420 с.
4. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – 2-е изд. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 230 с.
5. Васильев, Л. С. Древний Китай. В 3 т. Т. 2. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.) / Л. С. Васильев. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 480 с.
6. Дельнов, А. А. Китай: большой исторический путеводитель / А. А. Дельнов. – М.: Эксмо, 2008. – 296 с.
7. Ежов, В. В. Мифы древнего Китая / В. В. Ежов. – М.: Астрель, 2004. – 245 с.
8. Искусство правления / сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. – М.: АСТ, 2004. – 289 с.
9. История Китая: учеб. / под ред. А. В. Меликсетова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: МГУ; ОНИКС 21 век, 2004. – 540 с.
10. Китайская народная республика: идеология, наука, культура, образование. – М.: Дом просвещения, 2001. – 320 с.
11. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2003. – 280 с.
12. Лоуэль, П. Душа Дальнего Востока / П. Лоуэль. – М.: АСТ, 1998. – 310 с.
13. Малявин, В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. – М.: Наука, 2003. – 290 с.
14. Розин, В. М. Теория культуры / В. М. Розин. – М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 385 с.
15. Священное тело кроля: Ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н. А. Хачатурян; Ин-т всеобщ. истории РАН; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Наука, 2006. – 435 с.
16. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2003. – 327 с.
17. Фицджеральд С. П. Китай. Краткая история культуры / С. П. Сидихменов; пер. с англ. Р. В. Котенко; – СПб.: Евразия, 1998. – 455 с.
18. Хайжуй, Ли. Китай. Знакомство с древней культурой / Ли Хайжуй, Фэн Линьюй, Ши Вэйминь. – М.: Наука, 2007. – 278 с.
19. Юрьев, М. Ф. История Китая с древнейших времен до наших дней / М. Ф. Юрьев. – М.: Наука, 1974. – 415 с.
20. Ball J. D. The Celestial and his Religions? Or the Religious aspect in China. Hongkong, 1989. – 432 p.
21. Bilsky L. J. The state religion of ancient China. Taipei, Vol.1-2., 1990. – 253 p.
22. Li Xueqin. Eastern Zhou and Qin civilization. Yale, 1985. – 218 p.
23. Zhongguo dabaike quanshu (Энциклопедия китайской археологии). – Beijing, 1990. – 540 p.

Чернышова Л. Д.
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Чернышова Л. Д.
Chernyshova L.D.

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ISLAMIC FUNDAMENTALISM: THEORY AND PRAXIS



Чернышова Людмила Дмитриевна – старший преподаватель филиала ГОУВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Ванино): п. Ванино, ул. Украинская, 4. E-mail: chernyshovald@yandex.ru

Ms. Lyudmila D. Chernyshova - Senior Lecturer, the Vanino branch of Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation, Vanino settlement, Ukrainskaya street, 4; E-mail: chernyshovald@yandex.ru

Аннотация. Исламский фундаментализм – и теория, и практика – ответ мусульманского общества на неоднозначные последствия процессов модернизации и глобализации XX и XXI вв. Возвращение к «идеальному прошлому» на фоне необратимости изменений происходит путем создания соответствующих институтов «исламского государства» для абсолютного контроля над человеком и обществом и применения насилия, что свойственно тоталитарной культуре.

Summary: Islamic fundamentalism – both its theory and praxis – is a reply the Muslim society gives when faced with the ambivalent consequences of modernization and globalization processes in the XX and XXI centuries. Return to the “ideal past”, while the changes seem to be irreversible, happens by way of creating appropriate institutions with the goal of having absolute control over individuals and society within an “Islamic state”, and by applying force, which rather pertains to a totalitarian culture.

Ключевые слова: фундаментализм, ислам, исламитизм, политическая религия, экстремизм, тоталитарная культура, терроризм, глобализация, модернизация, трансформация.

Key-words: fundamentalism, Islam, Islamism, political religion, extremism, totalitarian culture, terrorism, globalization, modernization, transformation.

УДК 008.001(07)

Усложнение ситуации (социально-политической, этнополитической, военно-политической) в зонах многоуровневой нестабильности в разных районах мира связывается исследователями с деятельностью радикальных исламских организаций, движений, группировок и режимов («Ал-Джихад», «Фронт исламского спасения», «Хамас», «Исламский джихад» др.), ростом терроризма. Эти явления национальной, региональной и международной жизни оцениваются и исследуются через понятия «исламитизм», «исламский радикализм», «исламский фундаментализм» и др.

Исламский радикализм как явление изучается, начиная с 80-х гг. XX в., под различными титулами и в виде различных проблем: «исламское возрождение», взаимоотношения ислама и государства (А. В. Малашенко, Г. Б. Фаизов, Ф. И. Хачим), концепции джихада в исламе (З. С. Арухов, Х. В. Дельмаев) и др. Однако само понятие «исламский радикализм» в научной литературе наполняется разным содержанием [4, 7-10]:

- «новый фундаментализм» начала 90-х гг. (А. В. Малашенко, Л. Р. Полонская, М. Т. Степанянц и др.);

- самостоятельное социальное явление середины 90-х гг.;



- «предельно политизированная часть ислама» конца 90-х гг. (А. А. Игнатенко, С. А. Мельков, В. И. Сажинидр);

- «политический ислам» в XXI в.

Определение исламизма как политической идеологии (А. А. Игнатенко) [5] дает возможность функционального сравнения его с другими политико-идеологическими системами.

Употребление терминов «исламский фундаментализм» и «исламизм» как синонимов связано с духовной составляющей радикального ислама – идеями фундаментализма [4, 16]. В условиях незавершенности научной дискуссии об использовании термина «исламский фундаментализм» это понятие применяется как допустимое упрощение, позволяющее сосредоточиться непосредственно на политических, культурологических и иных аспектах проблемы, не вдаваясь в тонкости религиоведческого подхода.

Фундаментализм – призыв вернуться к истокам веры – зародился в США в недрах христианства в первой четверти XX в. Сторонники мусульманского фундаментализма призывают очистить свою религию от наслоений, искаживших ислам по вине несправедливых правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества.

Исламский фундаментализм прошел в своем развитии несколько этапов, отражая изменения, происходящие в мусульманском мире [6, 63]:

- становление доктрины исламского фундаментализма в 30 – 60-е гг. XX в. (идеи С. Маудуди, С. Кутба);

- реализация фундаменталистских идей на практике в 70 – 90-е гг. XX в. (Исламская Республика Иран);

- современный этап исламского фундаментализма (крайний радикализм в форме экстремизма и терроризма) с середины 90-х гг. XX в.

В ходе развития исламского фундаментализма оформляются его умеренное и радикальное направления. Для умеренного крыла характерна опора на методы убеждения, отказ от насилия в достижении своих целей. Представители радикального направления стремились к захвату власти, установлению господства шариата с использованием такого метода политической борьбы, как террор. Эта разновидность исламского фундаментализма, ставящая во главу угла принцип «джихада» (буквально – усилия, которые мусульмане должны прилагать как для защиты своей веры, так и для самоусовершенствования, неотступного следования заветам Пророка), и стала известной под названием исламского радикализма или исламизма [4, 15].

Всякое изменение задач, структуры и способов функционирования общества есть следствие трансформации ценностей, позволяющей человеку действовать в новых социальных условиях. Разрушение господствующей в обществе веры, потеря смысла жизни актуализируют поиск всеобъемлющей альтернативы – идеологии, поскольку она оказывается ценностной заменой религии. Формирование идеологий, выступающих от имени религии, характерно для обществ, переживающих форсированную, «опережающую» модернизацию. Замена религиозной веры идеологией представляет собой в таком случае попытку «спасения мира от зла» модернизации посредством политического насилия. Для достижения этой цели создаются легальные и нелегальные политические и общественно-политические движения, организации, выступающие за рациональную и одновременно религиозную реставрацию или, по крайней мере, «тоталитаризацию» и слом, утвердившихся в государстве благодаря модернизации социальных, правовых и экономических отношений.

В анализируемом нами случае речь идет об «исламском радикализме», под которым понимается реализация проекта по созданию политических условий для применения исклю-

чительно исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому исламизм называют политическим исламом или политизированным исламом [4, 71]. Политическое сознание в форме идеологии рассматривает развитие общества и его социокультурных институтов, системы знаний о мире и роли в нем человека через призму власти. Власть признается как принцип всех отношений.

Построенная по бинарному принципу («добро – зло»), идеология дает возможность человеку участвовать в удовлетворении социально-культурных и других потребностей при помощи проявления высокомерия и презрения к «вне стоящим». Фигуры вождя, образы нового государства, образы становления «своего мира» наделяются положительными свойствами, характерными для человеческой личности (добрый, справедливый), а образы другой действительности и образы врагов определяются в терминах внеморального и внеморального бытия (собаки, бешеные псы и др.).

Для исламского фундаментализма характерны:

- призыв вернуться к истокам религии и «очистить» ее;
- полное неприятие современности, иногда вплоть до отказа пользоваться современными техническими достижениями (мобильными телефонами, компьютерами, телевизорами);
- противопоставление своей религиозно-политической группы остальному миру, ксенофобия;
- буквализм в соблюдении религиозных требований, отказ от введения новшеств, повышенное внимание к обрядам и повседневной жизни (стремление носить особую одежду, есть особую пищу и т.д.);
- целенаправленные действия, направленные на восстановление адекватных, с точки зрения сторонников исламизма, политических и социальных институтов [4, 26-27].

Объяснение «политизации ислама», как полагают многие исследователи, следует искать в тех исторических и социальных обстоятельствах, которые определяют жизнь людей в период глубоких трансформаций общественной жизни [1, 190-205]. Глубинной социально-экономической причиной роста исламизма в мусульманских странах стало развитие капиталистических отношений в ходе модернизации. Общий системный кризис, трудности экономического переустройства общества, понижение социального статуса целых общественных слоев приводят к устойчивой разочарованности людей. Неоднозначность результатов процессов модернизации в арабских странах начинает оцениваться только отрицательно и связываться с отходом от истинного, праведного ислама, от заветов Пророка, а также – со стремлением рабски копировать системы, созданные чуждой, немусульманской цивилизацией, приводящим лишь к упадку традиционных ценностей, разложению верхов общества, пресмыкательству перед империализмом. Вестернизация была объявлена главным злом, звучал лозунг: «Ислам – вот решение» [1, 182-183].

Ислам – наиболее тотальная из религий мира [3, 182]. Он заполняет собой все общество и культуру, определяя характер экономики и формы политической администрации, социальную структуру, духовную жизнь и быт правоверных, формируя ценностные представления людей. Он регулирует любые отношения между ними, связывая неразрывно светское и духовное начала бытия [7, 44]. Ислам воспринимается как образ жизни и является одним из главных факторов конфессионально-культурной идентификации общества (см. прим. 1). В исламе нет свойственного христианству деления на духовное и мирское. Ислам "тотален" в том смысле, что распространяется на все стороны общественного бытия, регламентируя их.

Все это усиливало позиции ислама, придавало силу и прочность его культурной традиции, его влиянию на население, причем даже тогда, когда обстановка в мире резко меня-

лась, жизнь теряла свои привычные ориентиры и новое решительно требовало считаться с собой. Стабильность ислама, определяя повседневную жизнь верующих мусульман, удерживает ее от радикальных перемен.

Традиционные цивилизации Востока сумели, опираясь на соответствующие религиозные доктрины и сформированный ими образ жизни, при всех сложностях развития в новых условиях, стать вполне жизнеспособными, взяв кое-что из западной культуры, но отвергнув ее стандарты в целом [2, 408].

Вступление человечества в эпоху глобализации в конце XX века, распространение западных ценностей по всему миру привели к новому всплеску исламского радикализма, поскольку они были восприняты как угроза исламской культуре [1, 165]. Западная цивилизация, вторгаясь в восточные цивилизации, разрушает «религиозное воспитание, чувство общности, социальную взаимопомощь, основанную на религиозных началах, древнюю правовую систему, уважение к мусульманской культуре и ее ценностям» (см. прим. 2). Мусульмане видят в своем противнике «безбожный Запад». Оценка западного влияния на мусульманское общество как зловещего ведет к его полному отторжению [1, 191]. Реакцией на вестернизацию становится религиозное оживление – исламский фундаментализм. Исламская религия как единственный аспект современного арабского мира, не подверженный процессу вестернизации, становится условием сохранения самобытности арабской цивилизации.

Фундаменталисты связывают улучшение ситуации с «исламской альтернативой» – созданием истинного исламского государства – способа восстановления социальной справедливости, апеллируя к «истинной» исламской традиции времен Пророка, в которой социальная справедливость и прочная духовная и политическая власть неразделимы [8, 58]. Исламисты предполагают создать «идеальное общество гармонии, равенства и братства, в котором не будет конфликтов, несправедливости и коррупции. Это будет не национальное общество, а идеологическое, власть которого будет распространяться на весь мир» [4, 181].

Анализируя обоснованность претензий фундаменталистов на решение проблем современного исламского общества, М. Родинсон полагает, что «...решить все проблемы развивающегося общества ислам – исторически сформировавшийся ислам, выступающий ныне, – явно не в силах. Над сугубо религиозным срезом ситуации глубокая проблема, породившая мусульманский активизм, – растущая пропасть между Севером и Югом, между сверхпотреблением и голодом, между элитами и массами в развивающихся странах. Ислам может внести вклад в выработку органической, эндогенной модели развития, но внутренне не способен один дать ответ на проблемы развивающегося общества, которому служит сейчас временным и иллюзорным прикрытием» [9, 36; 9, 87-88].

Дж. Волл, американский исследователь, полагает, что «...исламский фундаментализм – это не что иное, как своеобразный ответ на огромные социальные и культурные перемены, воспринимаемые как угроза» [4, 28]. А. Келидар обращает внимание, что «после почти двух столетий модернизации нельзя повернуть безболезненно часы истории на несколько столетий назад» [9, 89].

В процессе модернизации многое изменилось в восточных цивилизациях: характер производства, труда, социально-экономических отношений; политическая и административная элиты; характер власти (при всех сохранившихся негативных явлениях); субъекты и принципы политической деятельности; принципы судопроизводства (независимого при одновременном существовании традиционного суда) [1, 184-185]. Но процесс индустриализации опережал много более сложный процесс адаптации к вызванным им переменам в образе жизни людей. Традиционное восточное общество к трансформации оказалось не готово, что

в значительной степени было связано с влиянием «религиозно-цивилизационных факторов» (нормы, принципы жизни, ценностные ориентации и стереотипы поведения), определявших глубину, масштабы и результаты модернизации: религиозно-детерминированное социальное поведение при покорности воле Аллаха, соблюдение строгой обрядово-этической дисциплины, фанатизм и фатализм правоверных, заботу о благосостоянии социума (уммы) с подобием социального страхования (закят), строгую регламентацию всех сфер человеческих отношений, всесильность государства, абсолютное подчинение ему общества и личности [2, 186]. Мир ислама в наименьшей степени поддается трансформации, что связано с сутью ислама как тотальной религии, охватывающей все стороны жизни, сливающейся воедино с государством, политикой, доходящей в своем религиозном рвении до нетерпимости (джихад).

В условиях втянутости стран Востока в мировую систему, определенного соотношения сил модернизации и фундаментализма, необходимости выбора между ними – ответом становится идея национализма – противопоставление своей страны, культуры, религии, ценностей, даже вообще Востока, с традиционным для него приоритетом духовных ценностей всему западному, чужому; с преимущественно материальными ценностями, погоней за прибылью, за улучшением качества жизни [2, 477].

Установка на противопоставление своего чужому и духовного материальному тесно переплетается с подчеркиванием высокого морального стандарта своей традиции, противопоставленного аморальности капитализма, что дает возможность совершить выбор в пользу особенного пути развития: с собственными традициями и ценностями как условиями сохранения собственной идентичности. Ставка на национальную самодостаточность – вынужденная реакция традиционного социального организма на неудачи в процессе развития. И чем больше неудачи, тем мощнее реакция сопротивления структуры – вплоть до отторжения всего нового и чужого. Собственно эта реакция, идеологически оформленная, – и есть фундаментализм, т.е. возвращение к истокам, фундаменту.

Традиции – ведущий и определяющий фактор существования и развития не только мусульманского мира. Но именно в мусульманском мире фундаменталисты пытаются сделать их абсолютной ценностью, гарантией сохранения уникальности мусульманского общества в условиях угрозы со стороны Запада, отторгая все новое, что приобрели общества Востока в процессе модернизации.

Как культурный феномен современный фундаментализм является реакцией на модернизацию и глобализацию (см. прим. 2). Его провоцирует секуляризация, религиозный индифферентизм, утрата традиционных ценностей и ослабление нравственного начала в обществе [1, 176]. Фундаментализм как идея возврата к истокам в форме идеологии появляется тогда, когда доктрины религиозной системы перестают в должной мере соответствовать этапу общественного развития и нуждаются в поддержке и сохранении. Возникающие в этих условиях идеологические доктрины рассматривают мир через призму власти и используют инструменты политического насилия для собственной реализации.

В индустриальную эпоху фундаменталистские движения объективно направлены на восстановление соответствия между устаревшей богословской формой отражения бытия и новым состоянием общественного сознания, порожденным меняющейся реальностью. Для собственного утверждения они вынуждены апеллировать не только к традициям, но и к рациональным аргументам, порожденным модернизацией, однако при этом они игнорируют политические и экономические изменения, происшедшие за ее время, связывают все несчастья с отступлением от первоначальной веры и искажением постулатов раннего ислама. Но восстановление прежнего в новых условиях возможно только с применением насилия, тер-



рора (см. прим. 2). Существуют и политические причины радикализации исламских движений (палестинская проблема, разочарование в идеалах буржуазного общества и социализма) [1, 179].

Теория и практика исламского фундаментализма отличаются разнообразием [2, 271]. В отдельных государствах фундаменталистам удалось добиться принятия своей идеологии в качестве господствующей – Исламская Республика Иран; в других они действуют в качестве оппозиции существующим светским или традиционным государственным институтам, в качестве метода борьбы с которыми отдельными группировками фундаменталистов используется террор. «...Насилие, ранее бывшее исключением из правила, теперь используется как метод и как стратегия для достижения власти» (см. прим. 2).

Исламский фундаментализм (в форме идеологии) становится защитной реакцией части мусульманского общества на усложнение жизни в условиях модернизации и глобализации, для него характерно стремление к упорядочению жизни на основе традиционных ценностей и отрицания новизны с использованием инструментов политической власти. Возвращение к «идеальному прошлому» на фоне необратимости модернизационных изменений (условий жизни, норм, ценностей, общественного сознания) есть, с одной стороны, стремление сохранить национальную идентичность, а с другой стороны, – путь создания политических институтов для тотального контроля над человеком и обществом, приводящего к эскалации насилия в форме экстремизма и терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагабов, Н. М. Ислам и глобализация современного мира: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Вагабов Нариман Михайлович. – Махачкала, 2005. 433 с.
2. Васильев, Л. С. История Востока : в 2 т. Т. 2 / Л. С. Васильев – М.: Высш. шк., 1994. – 495 с.
3. Васильев, Л. С. История религий Востока: учеб. пособие для вузов / Л. С. Васильев. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 432 с.
4. Добаев, И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Добаев Игорь Прокопьевич. – Ростов н/Д., 2003. – 360 с.
5. Игнатенко, А. А. От Филиппин до Косово. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор / А. А. Игнатенко // Независимая газета. – 2000. – 12 октября.
6. Семенова, О. А. Исламский фундаментализм как течение политической мысли: генезис, идеи, этапы и тенденции развития / О. А. Семенова // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2007. – № 1. – С. 61-69.
7. Шагаль, В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык / В. Э. Шагаль. – М.: Институт востоковедения РАН, 2001. – 288 с.
8. Хомейни, Р. Исламское правление / Р. Хомейни // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2007. – № 1. – С. 56-61.
9. Эволюция исламской традиции в освободившихся странах Востока. – М.: ИНИОН РАН, 1983. – 204 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малашенко, А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии / А. Малашенко. Режим доступа: <http://www.isf.org.uk/ISFJournal/ISF3/IslamicFundamentalism.htm>
2. Мирский, Г. И. Исламизм – третья ступень ракеты деколонизации? / Г. И. Мирский. Режим доступа: <http://www.isf.org.uk/ISFJournal/ISF3/IslamicFundamentalism.htm>

Чибисова О. В.

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ВЗАИМООБМЕН ФОНДАМИ

Чибисова О. В.

Chibisova O.V.

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ВЗАИМООБМЕН ФОНДАМИ

YOUTH SUBCULTURES: CULTURAL INTERCHANGE

Чибисова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Юбилейная, д. 15, кв. 73; 8-4217-27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035, Komsomolsk-on-Amur, 15 Yubileynaya St., flat 73, 8 (4217) 276200, e-mail: olgachibisova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения молодежных субкультур на знаковом уровне. Для этого раскрывается содержание понятия «результаты взаимодействия культур», выявляются локальные особенности субкультурных взаимодействий. Делается вывод об одновременном сближении молодежных субкультур и их дифференциации.

Summary: The paper is concerned with youth subculture interactions at the sign level. For this purpose we define and describe the concept of «the results of intercultural communication», and reveal local peculiarities of subcultural cooperation. The conclusion is made that simultaneously the synchronous integration and differentiation of youth subcultures are taking place.

Ключевые слова: культура, молодежные субкультуры, взаимодействие, интеграция, дифференциация, локальные особенности.

Keywords: culture, youth subcultures, cooperation, integration, differentiation, local peculiarities

УДК 008

Результатом взаимодействия культур считается «изменение состояний, качеств, областей деятельности, ценностей той и другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей» [1].

При этом глубина и масштабность подобных изменений могут быть различными, или же в некоторых случаях результатом взаимодействия может стать и отсутствие изменения. Так, диалог культур, по М. Бахтину, может иметь следующие последствия:

1. Синтез, слияние разных точек зрения или позиций в одну общую.
2. При диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются.
3. Диалог приводит к пониманию принципиальных различий между участниками этого процесса, когда «чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного, без драк на меже» [2].

В. Н. Сагатовский причисляет к последствиям взаимодействия культур также и их конфликт как результат безуспешного диалога: «договориться не удалось, позиции оказались несовместимыми, затронуты принципиальные интересы, возможно (а иногда и необходимо) недиалогическое столкновение сторон» [7, 22].

И. Д. Колесин сопоставляет биологическую и социокультурную классификацию результатов взаимодействия культур, обозначая через «минус» отрицательное влияние, а через «плюс» – положительное и рассматривая каждый раз пару культур [4, 131]:



- (-/-) взаимное подавление культур;
- (-/+) ассимиляция (поглощение) первой;
- (+/-) ассимиляция второй;
- (+/+) взаимное способствование развитию.

Он поясняет, что данная классификация была заимствована из теории биологических популяций, в которой описывается лишь динамика численностей, в то время как социокультурная динамика – это не только динамика численностей, но и динамика духовных ценностей (эволюция сознания). Взаимодействие культур начинается с появления среди приверженцев ценностной системы А представителей другой системы – Б, что приводит в действие социально-психологические факторы. По мнению И. Д. Колесина, отображение взаимодействия культурных групп без учета социально-психологического фактора будет не более, чем перенос принципов экологии в отображение сугубо популяционной стороны культурологического процесса [4, 132].

Для нашего исследования также важны наработки в области взаимоотношений молодежной субкультуры и базовой культуры. Т. Б. Щепанская в работе «Символика молодежной субкультуры» [8, 321] определяет молодежную субкультуру как экстернальную культуру, то есть как культуру, выпавшую из магистрального пути развития доминирующей культуры. В зависимости от состояния общества на различных этапах его развития моделями взаимодействия базовой и экстернальной культуры могут быть «изоляция», «источник» или «инверсия». Так, культура «стабильного» общества является замкнутым образованием, то есть «изолятом», не впитывающим ценности экстернальной культуры. Социальные сдвиги способствуют изменению отношения к молодежной субкультуре, появляются тенденции к анализу молодежи как субъекта культуры и заимствованию некоторых из его форм культурной активности, духовных ориентиров и образа жизни – в этом случае экстернальная культура становится источником новых моделей развития. Следующий результат взаимодействия – «инверсия»: «то, что было нормами и символами исключенной культуры, становится основой нового принципа упорядочения общества, а прежний основной миф уходит в подполье» [8, 322]. В качестве примера инверсии Т. Б. Щепанская приводит результат взаимодействия базовой культуры с субкультурой хиппи: «Теперь, когда выходит книга, идеи, составлявшие ядро системного мировоззрения, частично восприняты сферой общепринятого, скажем, миролюбие, ненасилие (имеется в виду миф, а не практика), экологические ценности: теперь их модно заявлять как основу политических действий» [8, 324].

С точки зрения С. И. Левиковой описанный Т. Б. Щепанской результат взаимодействия культур не является инверсией, потому что «инверсия молодежной субкультуры и базовой культуры невозможна, а возможно лишь вхождение элементов молодежной субкультуры в базовую культуру, а также частичное обновление последней наработками молодежной субкультуры...» [5, 254]. Кроме того, она считает, что «ценности должны вырваться», прежде чем они займут свое место в ценностной иерархии доминирующей культуры. Этой же позиции придерживается С. Я. Матвеева, утверждая, что «не может быть и речи, чтобы „прижилась“ и развилась та инновация, которая в значительной степени чужда и далека общекультурному „ядру“... Скорее всего, она пройдет незамеченной, либо будет энергично отвергаться, либо подвергнется решительной трансформации под воздействием окружающего контекста», так как для принятия инновации необходима «достаточно мощная социально-классовая поддержка» [6, 19].

С. И. Левикова условно называет результаты диалога культур «прибавлением», «усложнением» и «обеднением или эрозией». Так, «прибавление» предстает как постоянный процесс культурной диффузии: привнесение элементов молодежной субкультуры в доминирующую культуру и наоборот. Другим результатом культурного взаимодействия является «усложнение» взаимодействующих культур, «возникающее вследствие действия закона перехода количества в качество», в результате чего они переходят на иную ступень развития

[5, 252]. Процесс эрозии в большей степени затрагивает молодежную субкультуру, которая бывает хрупкой и нестойкой, и заключенной в ней «энергетики» достаточно лишь для того, чтобы как-то выделиться в составе господствующей культуры, приобрести в ней различимость. Такая субкультура может начать стагнировать под влиянием другой культуры и исчезнуть без следа.

Является очевидным, что подобные результаты подготавливаются постепенно, иногда незаметно, исподволь в процессе крупномасштабного по длительности взаимодействия культур (и молодежных субкультур как их разновидности), занимающем не менее нескольких десятилетий [1]. В рамках же краткосрочной ретроспективы, которой располагает наше исследование, результаты взаимодействия субкультур могут оказаться неоднозначными или неподдающимися оценке. Вдобавок субкультуры одного региона не имеют глубокого разрыва по типологическим характеристикам, по способности к динамическим изменениям, по уровню внутренней дифференциации, что еще больше усложняет задачу. В частности, мы можем столкнуться со сложностью или даже невозможностью определить, какая культура или субкультура стала источником того или иного заимствования, или присвоение каких элементов других субкультур вызвало эрозию/ассимиляцию или, наоборот, усложнение/обогащение субкультуры реципиента.

С другой стороны, «история человеческого общества фактически не знает примеров абсолютно изолированного культурного <...> развития, без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между отдельными участками» [3, 20]. Поэтому нам кажется научно обоснованным считать современное состояние молодежных субкультур Хабаровского края результатом их взаимодействия с другими культурами и субкультурами и, следовательно, чтобы изучить этот результат, нам необходимо провести анализ их культурных кодов.

Особое внимание здесь следует уделить музыке, поскольку именно она явилась одним из основных факторов формирования многих субкультур, задав им такой вектор структурирования культурных элементов, когда музыкальные образы, язык и средства выразительности приобрели значение смысложизненных ориентиров. Субкультура панков возникла в начале 1970-х гг. в США и в Великобритании с появлением стиля «панк-рок», когда под влиянием Beatles и Rolling Stones стало появляться много молодежных команд, которые несколько видоизменили традиционное звучание рок-н-ролла, внедрив туда быстрые ритмы и простые рифмы.

В этих же странах и практически в то же самое время зарождается субкультура металлистов, инициированная развитием из хард-рока музыкального жанра металл. К типичным элементам жанра относятся неоднократно повторяемые короткие музыкальные фрагменты, искажённые специальным звуковым эффектом, продолжительные гитарные соло и воинственный ритм. Металл имеет достаточно большое число стилей от сравнительно «мягких» (хеви-металл, пауэр-металл) до весьма «тяжёлых» и неприемлемых для большинства неподготовленных слушателей (дэт-металл, блэк-металл).

Субкультура готов сформировалась в начале 80-х гг. прошлого века вокруг жанра готик-рок, который первоначально был тесно связан с панк-роком, хотя и отличался от него более медленным ритмом исполнения, меньшей тяжестью, минорной мелодикой и использованием драм-машины вместо живых ударных. В конце 70-х гг. от панк-рока обособляется жанр хардкор-панк, и в середине 80-х гг. появляется его подвид – эмо, основанный на сильных эмоциях в голосе вокалиста и мелодичной, но хаотичной или полностью отсутствующей музыкальной составляющей. Субкультура эмо возникла приблизительно лет через пятнадцать, в начале XXI века.

Таким образом, субкультуры панков, металлистов, готов и эмо произошли от одного музыкального направления – рока. В отличие от них музыка субкультуры хип-хоп имеет афро-американские и ямайские корни, и ее возникновение (как и возникновение самой суб-



культуры) относят к концу 60-х гг. XX века в Южный Бронкс (черное гетто Нью-Йорка). Музыка хип-хопа состоит из двух основных элементов: рэпа и ритма, задаваемого ди-джемом, также ей характерно семплирование (использование фрагментов чужих композиций), манипуляции с виниловыми пластинками и иногда «битбоксинг» (вокальная имитация ритма драм-машины).

У остальных молодежных субкультур, хотя и не являющихся «музыкальными» по своему происхождению, музыкальная составляющая знакового уровня также велика. Поэтому мы уделим рассмотрению музыкальных предпочтений представителей молодежных субкультур Хабаровского края несколько больше внимания. Так, представители субкультуры аниме являются поклонниками J-Rock (японского рока) и J-Pop (японской поп-музыки), которые очень часто являются саундтреком к тому или иному мультфильму аниме. Многие анимешники слушают альтернативный рок и классическую музыку, но на аниме-пати звучат песни только J-Rock исполнителей.

Стрейтэджеры выбирают хардкор, хеви-металл и фанк, примечательно то, что они не только называют среди любимых исполнителей местные группы такие, как «Midheaven», «Ginger Swan», «Аскет», «Альтера», «Black bird», «State of Mind», но и сами являются гитаристами в некоторых из них. Среди спортсменов и гопников нет ярко выраженных музыкальных предпочтений, спортсменами назывались рок, хип-хоп, ритм-энд-блюз, хаус, транс, гопниками – рэп, клубная музыка, шансон, хаус; многие из них не смогли ответить на этот вопрос. Один эколог любит популярную, второй – классическую музыку.

Если рассмотреть современные пристрастия «музыкальных» молодежных субкультур, то можно установить, что среди металлистов много любителей альтернативного рока и классической музыки, которая, по их мнению, по своей интеллектуальной нагрузке близка к «тяжёлой» музыке. Не обходят вниманием они и творчество таких групп родного для них Комсомольска-на-Амуре, как «Evilwinged», «Forgot», «Стигмата», «Black SunRise», «Offertum». Кроме панк-рока панки увлекаются еще и хардкором и являются фанатами групп из Хабаровска и Комсомольска «Кони Буденного», «The Happy End's», «Prilife», «Клуб завтрак». Готы слушают преимущественно тяжелый металл и альтернативный рок, некоторые – классическую музыку; эмо – рокопопс, клубную музыку, драм-н-бейс, панк-рок; рэперы – рэгги, соул, ритм-энд-блюз, брейк-бит, клубную музыку, шансон.

Как мы видим, хотя конкретизировать принадлежность определённого музыкального стиля к какой-либо одной субкультуре достаточно сложно, в целом молодёжные субкультуры предпочитают рок, рэп, классическую и поп-музыку. Но классическая и поп-музыка – это направления мейнстрима, поэтому мы рассмотрим только рэп и рок, так как их фанаты являются наибольшими субкультурными антагонистами.

Готы отвергают рэп как музыку афро-американского происхождения, панки и хип-хоперы также никогда не отличались дружелюбием друг к другу, хотя их несколько объединяет протест против общественного уклада. Соответственно, любители рэпа резко противопоставляют область своих музыкальных предпочтений не только рокерам, но и поклонникам поп-рока. Однако жестоких столкновений все-таки не происходит, поскольку на родной почве рэперы осваивают тематику, тяготеющую к отечественной бардовской традиции, что объясняет внимание рэперов к шансону.

Обратим также внимание на то, что субкультура рокеров не только самая устойчивая во времени, но и самая закрытая по отношению к другим молодежным музыкальным субкультурам. К шансону рокеры безразличны, снисходительно относятся к электронной музыке, утверждая ее производность от панк-рока; любителей рокопопса считают юнцами-дилетантами и с пренебрежением отзываются об эмо, т.к. эмо не идет дальше эпатажной одежды.

Следует заметить, что поиски новых путей развития музыки никогда не заканчиваются, и довольно часто это развитие идет по пути синтеза различных стилей и жанров музыки.

На сегодняшний день уже созданы такие виды и подвиды музыки, как готик-металл, эмо-панк, рэп-рок, фанк-металл, панк-металл, скейт-панк, неоклассический металл, гот-панк, рэп-металл, панк-фанк, что делает нечеткие границы между субкультурами еще более размытыми.

Музыкально-информационная среда создаёт в субкультурных молодёжных образованиях особый социальный микроклимат, в котором осуществляется коммуникативный обмен мнениями, смыслами и установками. Музыкальные кумиры оказывают основополагающее влияние на выработку ценностей и идеологий молодёжных субкультур, выражая лозунги, императивы молодёжных настроений, осмыслений мира и протеста.

Среди музыкальных групп Хабаровского края своей направленностью на критику существующего порядка известны песни панк-групп «Кони Буденного», «Prilife», «Камуку?Да!» и рок-команды «Альтера»: «Над головой взвьётся великодержавный стяг, а патриотизма дух иссяк. Всё, что было свято, падает в цене, нацию съедает коммерческая смерть» («Альтера»). «Страшно, когда ты болен СПИДом, страшно, когда дети инвалиды, страшно, когда младший брат ботает по фене, страшно, когда дочь гуляет по вене» («Кони Буденного»). «Кусаются цены за зад непременно, кредитки застряли в пазах. Мелькают витрины стоят манекены, тоска в их стеклянных глазах» («Prilife»).

Но если «Альтера» и «Камуку?Да!» рекомендуют своим слушателям занять активную жизненную позицию: «Мы терпеливо ждём снова перемен, доверив их другим, но как-то криво ложится этот груз на плечи их. Наверно лучше идёт такой процесс, когда лишь о себе мы твёрдо помним и говорим: „Всё будет ОК!“» и «Ненавидеть все, что не похоже на привычный серый колорит легче, чем спросить себя: „Может все же это надо как-то изменить?“, то панки из группы «Кони Буденного» считают, что «лучшее средство от боли в голове, конечно, гильотина» и выступают за войну как способ борьбы с проблемами общества: «Да здравствует ядерная война! Умрут фашисты, умрут коммунисты, и много кому предстоит умереть, но зато у нас не будет дурных президентов, и плохие певцы нам не будут петь. <...> И пусть умрет много добра, но сдохнет и всякая скотина».

Эти песни, на первый взгляд малосодержательные, не стоит рассматривать с точки зрения общепринятых стандартов как низкопробные любительские опусы; да их авторы и не претендуют на сверхпопулярность. Это всего лишь типичные образцы своеобразного протестного антиискусства, каким и является субкультура панк-рока.

Панки не хотят «быть на позитиве» и ждать перемен к лучшему, поскольку они не верят в светлое будущее: «Вот и настали черные деньки, скоро наступят черные года. Сердце, как память, бьется от тоски, скоро наступит черное всегда» («Кони Буденного»). Они уверены, что жизнь сегодняшним днем оправдывает их склонность предаваться порокам. В их песнях много внимания уделяется таким темам, как пьянство и беспорядочный секс: «Антар, Антар, здесь моя тусовка. Антар, Антар, здесь бухают жестко» («Дайте нам оторваться»); «Девчонки будут очень-очень рады, ведь всем известно – парни мы «что надо», но только вот случилась засада – у всех у нас теперь трихомонада» («Кони Буденного»).

Следует заметить, что если к пьянству относятся снисходительно и многие другие субкультуры: «А че у вас там, как по «жидкому» вопросу? В поисках влаги пацы истоптали до дыр кроссы. Водичка такая, что оближешь пробочку, поэтому советую сразу целую коробочку» – рэперы («Пума и Коля Найк»), то их отношение к наркотикам в текстах не афишируется или же демонстрируется их отрицание: «Тебе мешает жить только игла, услышь разума стук, выйди из этого города зла и забудь вены колотых рук» («Кони Буденного»); «Женщине, девушке курить некрасиво, но курить не заставишь бросить силой» («М.Ч.С.»).

Большое внимание уделяется проблеме свободы человека, но у каждой субкультуры



свое представление о ней. Для панков это анархия: «У меня есть тру панк один, зовут Рипа и он всеми любим. За анархию он прёт вперед и на законы на все плюёт» («Дайте нам оторваться»), у рокеров – нравственная чистота: «Береги свободу! Но не ту, что стала вседозволенностью где-то. Береги свободу внутреннего, высшей силой данного нам, света. Не ищи соблазнов там, где бродят бесы и ликует подворотня. Двери на замок от того, что стало с нами, но не идёт нам впрок» («Альтера»). Для готов свобода – это свобода от людей, это одиночество и эгоизм, возведенные в культ: «Мы одиноки – слепые пророки в мире, где солнце родит лишь ожоги; в мире, где правда считается ядом, и никому помогать здесь не надо» или «И никто нам не нужен, никого мы не любим. <...> Не терпеть сострадания, не испытывать жалость – это всё, что мы можем, что нам делать осталось» («Otto Dix»).

Поскольку в данный момент мы рассматриваем содержательно-смысловую компоненту творчества «музыкальных» субкультур, то необходимо отметить субкультуры рэперов и металлистов, которые отводят тексту решающую роль в своей музыке. Тем не менее, это сходство не сближает указанные субкультуры, а, наоборот, служит камнем преткновения между ними. Металлисты критикуют рэперов за гипертрофированную эксплуатацию сексуальности, использование ненормативной лексики и попытки подвести идеологию под примитивные речитативы («бурчание похабной брани в микрофон с последующим выкладыванием в Интернет на всеобщее обозрение») и считают рэп «забавой одноизвилинных подростков». Поэтому общение рэперов с металлистами вызывает взаимное отторжение и становится конфликтным.

Таким образом, музыкальные стили и направления в коммуникативной сфере молодёжных субкультур выполняют разъединяющее-объединяющие функции. Дифференцирующая роль музыкальных предпочтений проявляется в разделении молодежи на множество субкультур на основе увлечения тем или иным музыкальным направлением или исполнителем. Их объединяющая роль находит свое выражение в групповой интеграции, которая происходит на платформе унификации ряда социокультурных признаков, тесно связанных с музыкальными предпочтениями.

Результаты взаимодействия молодежных субкультур можно проследить и за пределами музыки. Несомненна связь аниме с панками и эмо, которые часто являются персонажами мультфильмов и рисунков. Что касается готов, то существует целое направление аниме, которое отражает основные признаки готической культуры. Это, во-первых, мрачная и пугающая атмосфера, царящая на протяжении всего времени просмотра; во-вторых, две противоборствующие стороны – тьма и свет, причем светлая сторона не является благородной и правильной; в-третьих, безысходность, низость и зависть обычных «серых» людей, помогающих попеременно то белой, то черной стороне. Как у «Otto Dix»: «Чьих-то амбиций заполнит пробелы тот, кто не чёрный, тот, кто не белый. Тот, кто не будет замечен богами – серая масса, пыль под ногами». Но в целом, у анимешников отсутствует какая-либо выраженная идеология, они просто пребывают в своем мире, а так как аниме проникнуто истинно японским духом и взглядом на вещи, многие его поклонники погружаются в историю и практики Японии, понемногу изучают чужой язык и чужую культуру.

Некоторые эмо любят рисовать аниме и мангу, что сближает их с анимешниками, многие выступают сторонниками здорового образа жизни и веганизма, то есть являются одновременно и стрейтэджерами.

В среде молодежных субкультур не утихают споры, кто из них «тру», а кто «позер», «говнар», «педовка» «пинкис» и тому подобное, то есть, кто является подлинным готом, панком, эмо и так далее, а кто только копирует их типичный внешний облик – стиль. Общая

интенция этих внешне стиливых различий – акцентировать посредством эпатажа свою особенность, в действительности являющейся претензией на неординарность и значительность. Стил помогает подчеркнуть свою принадлежность к определенной молодежной субкультуре и обособиться от других группировок: «Являюсь членом субкультуры под названием Hardcore kid straightedge, так как мне близок этот стиль, я выражаю его своим внешним видом: борода, одежда, интересы соответственно – все это я не скрываю. Люди, впервые увидев меня, сразу понимают, к какой субкультуре я отношусь» [самозапись]. Поскольку это так важно для самих молодых людей, рассмотрим, что же представляют собой стиливые характеристики внешности представителей различных молодежных субкультур Хабаровского края.

Самыми яркими и легко распознаваемыми молодежными субкультурами на сегодняшний день являются готы и эмо.

У готы наиболее характерной чертой как у парней, так и у девушек являются длинные ниспадающие волосы, которые красят в иссиня-черный цвет, иногда оставляя красные пряди, хотя можно увидеть ирокезы или ярко-рыжий цвет волос. На лицо наносится плотный слой белой пудры, глаза обводятся толстыми черными линиями, губы красятся в ярко-красный или темно-коричневый цвет. У представителей субкультуры не существует каких-либо определенных марок одежды, к которым они тяготеют или которые считают модными. Девушки-готы обычно носят повседневную одежду черного цвета или темных тонов, иногда длинные плащи, балахоны, платья с глубоким декольте; юноши – черные рубашки или футболки. Одна девушка-студентка вуза написала, что ей «нравится одежда средневековой эпохи», а другой респондент, учащийся школы, определил стиль своей одежды, как «похоронный».

Обувь готы – длинные шнурованные ботинки или сапоги до колена, на высокой платформе, кеды или армейские берцы. Наличие/отсутствие пирсинга зависит от личного вкуса и не является обязательным атрибутом, хотя некоторые готы отметили, что любят пирсинг в большом количестве, особенно на лице. Часто используются кожаные и меховые аксессуары, реже – шипованные ошейники и браслеты. И девушки, и юноши носят серебряные или серебристые украшения оккультной тематики: черепа, гробы, кресты, пауки, анкх (египетский символ вечной жизни) и перевернутые пентаграммы.

Традиционной причёской эмо считается косая, рваная чёлка до кончика носа, закрывающая один глаз, сзади короткие волосы, торчащие в разные стороны, причем предпочтение отдаётся жёстким прямым чёрным волосам. У девушек возможны детские, смешные причёски, яркие, блестящие заколки, ободки и бантики. Они усиленно культивируют кукольный образ, используя светлый тональный крем, ярко подводя глаза и крася губы под цвет кожи. Эмо носят одежду с двухцветным узором или в полоску черно-розового цвета, хотя вместо розового допускается фиолетовый, зеленый и темно-синий цвет. В их среде популярны зауженные джинсы черного или пепельно-синего цвета, клетчатые «дудочки» и юбочки, обтягивающие футболки с изображением персонажей мультфильмов. Любимая обувь эмо – тяжелые «шусты» и кеды, желательны со шнурками отличных друг от друга оттенков. Две девушки написали, что любят одеваться «креативно», поэтому они заказывают через интернет одежду таких знаменитых брендов, как «Кира Пластинина», LOFT и UFO.

Пирсинг – важная составляющая имиджа эмо, они прокалывают уши, губы, брови, левую ноздрю, щеки: «У меня даже язык проколот!». Еще одна особенность – тоннель – большое отверстие (до 20 мм) в мочке уха, которое создается при помощи специального расширителя и, при необходимости, круглого скальпеля панча. Представители того и другого пола украшают свои руки разноцветными (обычно силиконовыми) браслетами, напульсниками и



веревочками, юноши могут надеть напульсники с шипами и беспальцовки (кожаные перчатки с обрезанными пальцами), девушки – полосатые гетры. Эмо носят большие «почтовые» сумки или рюкзаки, в которых хранятся мягкие игрушки, чаще всего мишки, и на которых (а также на одежде и даже обуви) навешаны «всякие там брелочки, значочки» [самозапись] по принципу, чем больше, тем лучше.

Внешне представители субкультуры аниме, как правило, ничем не отличаются от обычных людей (которых анимешники называют коммон – русскоязычное произношение английского слова *common* – обычный). Хотя иногда девочки надевают белые блузки и короткие юбочки, галстуки и полосатые гетры, а мальчики – черные очки и длинные кожаные плащи. Чтобы еще больше походить на любимого персонажа из мультсериала, и те, и другие могут окрасить волосы в неестественные яркие цвета, заплести их в мелкие косички или сделать рваную стрижку. Анимешники любят украшать себя бусинками и фенечками, цеплять на сумки или одежду множество значков и даже пушистые хвосты.

Наиболее ярко выраженным олицетворением сложившихся в обществе стереотипов о панках является ирокез и джинсы с дырами, заколотыми английской булавкой. На самом деле, больше всего панки экспериментируют с волосами: выбривают виски или всю голову, красят волосы в шахматном порядке, в пятнышко, в полоску, используя для этого самые невероятные цвета. Представители субкультуры любят «выделяться на фоне толпы» и яркими красками одежды фирм Circa, Nelson, Nike или O'Neil, которую покупают в магазинах Crocodile и Lime (Комсомольск-на-Амуре), или их китайскими аналогами с вещевого рынка.

Они носят футболки с логотипами панк-групп, кожаные куртки-«косухи», тяжелые ботинки, берцы, кеды, тапки «а-ля 80-е», девушки могут надеть короткую юбку в клетку и гетры разного цвета. Панки наносят черепа, кости и знак «Анархия» на одежду и аксессуары, облачают себя в ошейники и напульсники из кожи с шипами и заклёпками, беспальцовки, прицепляют к джинсам цепи от собачьих поводков. Не отказываются от пирсинга и татуировок.

Одежда металлистов во многом пересекается с байкерской (многие байкеры являются металлистами и наоборот), кроме всего перечисленного байкеры надевают на голову бандану темных тонов или черную вязаную шапочку. Они могут носить спортивную одежду, а логотип рок-группы поменять на символику мотоклуба. Специфически субкультурной символикой являются изображения черепа, обозначающие, с одной стороны, близость смерти и отсутствие страха перед ней, с другой – обладающие функцией оберега («смерть подумает, что я уже мертвый и не будет забирать»). Некоторые представители обеих субкультур иногда отпускают длинные волосы, усы, бороды.

Субкультура хип-хопа на протяжении более чем сорока лет своего существования сохраняет ряд характерных особенностей. Одежда, как правило, свободная, спортивного стиля: кроссовки, банданы, черные вязаные шапочки и бейсболки (обычно с прямыми козырьками), футболки и баскетбольные майки, куртки и толстовки с капюшонами, надвинутые на брови лыжные шапки, мешковатые штаны (так называемые «трубы»), приспущенные широкие шорты. Прически короткие, хотя распространены и короткие африканские косички, возможны узкие и длинные бородки. Популярностью у рэперов пользуются массивные украшения (цепи, медальоны и пр.).

Как видно из данного выше описания типичной внешности представителей различных субкультур, практически невозможно идентифицировать принадлежность молодых людей к определенной субкультуре по какому-либо одному, а временами даже группе признаков. Например, спортивную одежду надевают не только паркурщики, байкеры, но и хип-хоперы, панки, гопники, да и кто угодно. Кожаная куртка-«косуха» является общим элементом кос-

тюма у байкеров, панков и металлистов, короткие юбочки в клетку и полосатые гетры – у эмо, аниме и девушек-панков; практически все «музыкальные» субкультуры носят футболки и толстовки с логотипами любимых исполнителей и групп.

Раскрашивают волосы в яркие, иногда абсолютно «дикие» расцветки и панки, и эмо, и аниме, и некоторые представители готов; отпускают бороды – и хип-хоперы, и байкеры, и металлисты. Шипованные ошейники и браслеты, а также беспальцовки «украшения» готов, панков, металлистов; разноцветные бусинки, веревочки, фенечки – эмо и аниме. Символика смерти привлекает металлистов, готов, панков, эмо и байкеров; несчастной любви – готов и эмо; знак «X» (символ приверженцев здорового образа жизни) является не только единственным средством самоидентификации стрейтэджеров, но и обязательным компонентом ников эмо. Любителей делать пирсинг и наносить на тело татуировки можно найти во всех молодежных субкультурах.

Кроме того, сегодня появляется обще молодежная атрибутика, которая активно вбирает в себя традиционные элементы атрибутики различных и даже не всегда молодежных субкультур, что затрудняет возможность четкого различия по внешним характеристикам представителей неформальных движений и лиц, не имеющих к ним отношения.

Таким образом, стереотипный образ является регулятором отношений между различными слоями общества и субкультурами, выступая то в качестве диалога между ними, то в качестве разделительной черты, отделяющей их друг от друга. Он проявляет себя в качестве компенсатора, приобщая индивида к какому-то кругу и помогая тем самым человеку избавиться от чувства изолированности. Но стереотипный образ может выступать и культурным барьером, препятствующим нормальному взаимодействию между субкультурами.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что особенностью взаимодействия молодежных субкультур края является ограниченность территории, на которой разворачивается субкультурная активность молодежи. Недостаток пространства ставит молодых людей перед необходимостью вступать в более тесные культурные контакты друг с другом, что, в свою очередь, форсирует взаимопроникновение различных субкультур через активный обмен культурными достижениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова, Г. А. PSYLIB® – Культурология. XX век. Энциклопедия / Г. А. Аванесова // [Электронный ресурс]. – (Рус.) – www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.html
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: избр. труды / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.
4. Колесин, И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / И. Д. Колесин // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 131-132.
5. Левикова, С. И. Феномен молодежной субкультуры: Социально-философский аспект: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. И. Левикова. – М., 2005. – 361 с.
6. Матвеева, С. Я. Субкультуры в динамике культуры / С. Я. Матвеева // Субкультурные объединения молодежи: критический анализ / Под ред. И. Кучмаевой. – М., 1987. – С. 16-23.
7. Сагатовский, В. Н. Диалог культур и «русская идея» / В. Н. Сагатовский // Возрождение культуры России. Диалог культур и межнациональные отношения. Вып. № 4. – СПб., 1996. – 388 с.
8. Щепанская, Т. Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этногр. исслед. системы, 1986 – 1989 гг. / Т. Б. Щепанская; отв. ред. К. В. Чистов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: Наука, 1993. – 340 с.

Киселев Е. П., Сысоев Е. О.
Kiselev E.P., Sysoev E.O.

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА**

FOOD SAFETY IN THE LEADING COUNTRIES OF THE FAR EASTERN REGION



Киселев Евгений Петрович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Серышева, 20, кв. 25. E-mail: dvniish@mail.kht.ru
Mr. Evgeny P. Kiselev - Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Russian Academy of Agricultural Sciences. (Russia, Khabarovsk), 680000 Khabarovsk. 20 Serysheva st., ap. 25, e-mail: dvniish@mail.kht.ru



Сысоев Евгений Олегович – кандидат экономических наук, доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 680022, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Калинина, 3, кв. 6; 89141627770. E-mail: fks@knastu.ru
Mr. Evgeny O. Sysoev, – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Civil Construction and Architecture, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 680022 Komsomolsk-on-Amur, 3 Kalinina st., ap. 6, 89141627770, e-mail: fks@knastu.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены методы поддержки и состояния производства сельскохозяйственной продукции в Дальневосточном регионе России и странах Азиатско-тихоокеанского региона.

Summary: This article examines the methods of support to the manufacture of agricultural products in the Far Eastern region of Russia and the countries of Asian-Pacific region.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, производство сельскохозяйственной продукции, субсидии производителям сельскохозяйственной продукции, урожайность.

Key-words: food safety, manufacture of agricultural products, subsidies to agricultural production, agricultural productivity

УДК 63.001(571.6)

Продовольственное обеспечение населения любой страны является глобальной проблемой. Ее решение зависит не только от уровня производства сельского хозяйства внутри страны, возможности обеспечения населения продуктами питания из-за рубежа, значимости доли сельского хозяйства в ВВП государства. А также в современном мире проблема продовольственной безопасности неразрывно связана с другими глобальными проблемами: энергетической, сырьевой, экологической [9, 312].

Поэтому не случайно интенсивно развивая мировые рамки (ВТО) продовольствия, ведущие страны мира в то же время выдерживают очень высокий уровень самообеспечения сельхозпродукцией. США, Франция, Австралия – более 100 %, Канада, Германия – 93 %, Италия, Испания – 70-78 %, даже бедная плодородными почвами Япония – до 60 %, Китай – 90 %.

Для России, где 0,8 га пашни на 1 человека, уровень продовольственной зависимости по регионам достигает 30-50 % [3, 29].

Уже в начале XXI столетия на нашей планете проживало 6,3 млрд человек, а на каждого из них приходится всего по 0,22 га пашни. В то же время Япония, располагая всего 0,03 га пашни на человека, обеспечивает себя 91 % производством риса, 84 % овощей, 49 % фруктов. За последние 20 лет особыми успехами самообеспечения продуктами отмечается Китай, где в 1978 г. численность голодающего населения составляла 250 млн человек, то в 2001 г. их насчитывалось 50 млн человек. Причем площадь пашни в целом по стране также не очень высокая – 0,07 га на человека. Высокие урожаи в Японии достигаются за счет интенсивного труда, высоких доз удобрений, химических средств защиты; в Китае за счет интенсивности труда рабочих и высоких доз удобрений.

За рубежом государство активно поддерживает своего производителя. Из государственных бюджетов США выделяет на поддержку собственных сельхозработников до 20-40 %, в странах ЕЭС от 20 до 60 %, а в Японии, Финляндии, Швеции, Швейцарии и др. странах эта поддержка составляет 70-78 % от собственных затрат сельхозпроизводителей (см. табл. 1).

Таблица 1

Совокупная поддержка сельского хозяйства ЕС, США, Японии
и других членов ВТО в 2005 г.

Члены ВТО	«Янтарный» ящик (АИП)		De minimis		«Голубой» ящик		«Зеленый» ящик		Совокупная поддержка	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
ЕС	39758	58,2	678	6,6	20239	92,1	19895	19,1	80570	39,4
США	16803	24,6	7341	71,4	0	0	50057	48,1	74200	36,3
Япония	6461	9,5	0	0	845	3,8	23367	22,5	30673	15,0
Остальные страны, предста- вившие но- тификации	5272	7,7	2263	22,0	895	4,1	10694	10,3	19124	9,3
Итого	68294	100	10282	100	21979	100	104013	100	204567	100

Примечание: «Янтарный» ящик – это прямые субсидии из госбюджета; «Голубой» ящик – меры на случай перепроизводства: государство выплачивает фермерам деньги, чтобы не рухнула цена; «Зеленый» ящик – это инфраструктурные затраты; De minimis – термин, используемый в ряде соглашений ВТО, означающий, что та или иная мера не будет применена пока действие, вызывающее ее применение, не достигнет определенной (пороговой) величины [1, 267; 10, 150]

Поразительный успех в вышеуказанных странах во многом обеспечен разнообразными формами поддержки сельхозпроизводителей, в том числе защитой собственных рынков от интервенции дешевых продуктов из США, Австралии, Новой Зеландии и друг друга. Китай, не располагая финансовыми возможностями, освободил крестьян от многих налогов. Урожай зерновых достиг 40-90 ц/га, овощей 250-320 ц/га, картофеля 220-320 ц/га (см. табл. 2).

Известно, что каждый сельхозпроизводитель обеспечивает работу 3 работникам промышленного производства, 6 работникам по перевозке и реализации продукции. В высоко развитых промышленных странах 1 работник села кормит в США 56 человек, в странах ЕЭС – 24-26 человек, России – 6-8 человек.

Чем богаче государство и выше уровень ВВП на человека, тем больше есть возможность выделить средства на решение продовольственной безопасности.



Особенно активно ЕС использует «голубой ящик», в состав которого входят программы погектарных компенсационных платежей производителям зерновых и масличных культур, а также выплаты на поголовье скота. Кроме того, аграрии ЕС ежегодно получают субсидии за экспорт сельскохозяйственной продукции, объем которых в 2000 г. превышал 2,5 млрд долл.

Таблица 2

Среднегодовая урожайность основных сельскохозяйственных культур территорий и стран Дальневосточного региона, т/га

Территория	Период, годы	Зерновые культуры	Соя	Картофель	Овощи
Приморский край	1996-2009	1,1	0,79	12,4	7,6
Хабаровский край	- « -	1,28	0,90	13,3	14,40
Амурская область	- « -	0,95	0,91	13,2	15,80
ЕАО	- « -	0,84	0,79	12,3	9,20
Северо-Восточный Китай	1995-1999	5,6	1,66	11,0	20,6
Республика Корея	1982-2003	11,3	0,81	22,3	20,5
Япония	1992-2003	9,3	1,7	24,05	28,5
США	1996-2003	4,71	2,1	32,9	32,0

Практически половина расходов на сельское хозяйство членов ВТО относится к мерам, искажающим торговлю и производство (см. табл. 3). Это негативно влияет на мировой сельскохозяйственный рынок, приводя к перепроизводству и снижению цен. В Евросоюзе доля искажающей поддержки особенно велика и достигает 75 % в общих расходах на сельское хозяйство, что составляет около 30 % от совокупной поддержки аграрного сектора членами ВТО.

Таблица 3

Структура совокупной поддержки сельского хозяйства в ЕС, США, Японии и других членах ВТО в 2005 г., %

Члены ВТО	«Янтарный» ящик	De minimis	«Голубой» ящик	«Зеленый» ящик
ЕС	49,3	0,8	25,1	24,7
США	22,6	9,9	0	67,5
Япония	21,1	0	2,8	76,2
Остальные страны, представившие нотификации	27,6	11,8	4,7	55,9
Совокупная поддержка	33,4	5,0	10,7	50,8

Почти 90 % «янтарного» ящика членов ВТО приходится на долю продуктово-специфической поддержки. В свою очередь, структура продуктивно-специфической поддержки такова: 61,7 % составляет ценовая поддержка, 22 % – бюджетные платежи, 16,3 % – остальная поддержка.

В структуре продуктово-специфической поддержки ЕС и Японии преобладает ценовая поддержка, доля которой достигает 70 %. В США этот показатель составляет около 35 %. Там преобладают прямые платежи из бюджета, на долю которых приходится более 60 % в продуктово-специфических программах поддержки.

Так, например, высоко развитые страны (данные 2000 г.), ВВП которых достаточно высокое: США (28434 долл./чел. в год), Япония (24187 долл./чел. в год), Франция (22555 долл./чел. в год), мир в целом (7992 долл./чел. в год), могут выделять и вкладывают

большие суммы на разработку высоких технологий и поддержку производителей. Страны с наименьшим уровнем ВВП, такие как: Россия (6400 долл./чел.), Болгария (5202 долл./чел.), Румыния (5833 долл./чел.), Польша (6630 долл./чел.), меньше могут уделять внимания повышению уровня сельскохозяйственного производства, тем не менее, пример Китая говорит, что при уровне ВВП в целом по стране более 1700 долл./чел. с населением 1,3 млрд человек за последние годы смог поднять уровень урожайности по основным сельскохозяйственным культурам в 2-3 раза (см. табл. 2) за счет внесения высоких доз удобрений и разработок средств защиты растений от болезней и вредителей [2; 6].

Под устойчивым развитием (SRD-САРД), принятым в настоящее время в мире, понимается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы в системе «Экономика – социальная политика – экология». Она включает обустройство сельскохозяйственной территории в целом и систему устойчивого сельского жизнеобеспечения (УСЖ). По мнению Р. Г. Янбух (2006 г.), схема устойчивого сельскохозяйственного жизнеобеспечения включает природные, материально-технические, финансовые, социальные и человеческие ресурсы [8].

Без сомнения, высокая оснащенность техникой США (нагрузка на 1 трактор составляет 28 га пашни, а на уборке 1000 га зерновых работает 19 комбайнов), Германия 9 и 20, Франция 14 и 21, а в Японии, где фермы по 2 га, на 1000 га и 463 шт., что разрешает делать им все операции своевременно и качественно. В России эти нагрузки 194 га на 1 трактор, в Дальневосточном федеральном округе – 207 га, а комбайнов 6 шт. на 1000 га зерновых культур. Китай в этом качестве ушел от России не далеко. Если нагрузка при обработке пашни 150 га, то комбайнов также 6-7 шт./1000 га. Все операции по уборке рассчитаны на ручной труд, но такой путь развития отрасли сельского хозяйства мог быть примером для России в 30-е гг. прошлого столетия, когда 75-80 % населения проживало в селе.

Современный путь развития села в России и тем более Дальневосточного региона, где число жителей с учетом плотности населения 1,8 чел./км², невозможен. Ориентир на интенсификацию труда. В настоящее время это выглядит следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Прямые затраты на 1 т продукции, чел./ч

Вид продукции	Россия, 2008 г.	США, 2008 г.
Зерно	767	156
Сахарная свекла	67	1,1
Картофель	203	203
Овощи открытого грунта	91	67
Молоко	228	92
Прирост живой массы:		
крупного рогатого скота	37	2,0
свиней	44	17
птицы	26	13
Яйца (на 1 тыс. шт.)	168	164

На Дальнем Востоке (ДВ) затраты труда еще больше, если учесть, что Япония на 1 га пашни вносит, в зависимости от культуры, от 200 до 360 кг удобрений, Китай от 150 до 300 кг, а на территории области и краев региона по 12-20 кг/га.

Урожайность всех сельскохозяйственных культур в России на ДВ практически осталась на уровне 1913 г. (см. табл. 2). Причем резко стала уменьшаться площадь пашни. В 2003 г. она составила по России 0,8 на 1 человека (см. табл. 7). Самообеспечение России (1998-2008 гг.), по данным различных источников, составило: по зерну 84,5 %, мясным продуктам 36-72 %, птице – 63-65 %, молоку и молокопродуктам – 50-92 %, маслу растительному – 38 %, сыру – 36 %, сахару – 80 %.



Доля производства таких видов продуктов, как картофель, в целом по России и ДВ составляет 94,7-100 %, овощей открытого грунта 61-75 % (см. табл. 5).

Официально считаются голодающими 20 млн человек. Доля импорта отдельных видов продовольственных ресурсов составила в 1998-2003 гг.: мясопродуктов 25-34 %, молокопродуктов 10-18 %, овощей и фруктов 7-12 %, рыбы и рыбопродуктов 50 %. Реально импорт составляет более 30 %, т.к. в таких городах как Москва, Санкт-Петербург и др. доля импортных продуктов достигает 80 %, считается нормальной 15-20 %.

Потребление основных видов продуктов питания в России на ДВ и ведущих странах АТР за год/кг на душу населения за 1995-2005 гг. представлено в табл. 5 [4; 5].

Высоким уровнем (по данным ООН) жизни семьи считается расход 20 % от дохода на продукты питания. В странах с развитой рыночной экономикой еще в 80-90 гг. доля питания в общих потребительских расходах составляла во Франции 25 %, странах ЕЭС 21 %, США 15 %.

Таблица 5

Потребление основных видов продуктов питания в России на ДВ и ведущих странах АТР за год/кг на душу населения за 2005-2008 гг.

Виды основных продуктов питания	В день грамм	Минимальная потребительская корзина	Медицинская норма	Страны и территории					
				Россия	РДВ	Япония	США	Китай	Республика Корея
Хлеб и хлебобулочные продукты	279		110-112	120	110	132	119	192,7	167,1
Мясо и мясопродукты	232	29	65-84	58	61	44,7	115	42,1	37,0
Молоко и молокопродукты	1036	226	262-380	239	160	94,0	266	78	23,5
Рыба и рыбопродукты	65	13	12-25	16	22	53,2	16,0	23,1	66,5
Сахар и кондитерские изделия	112	21-35	35	39	34	30,6	36	8,1	36,2
Масло растительное	33	11,13	12,2	12,1	14,2	18,8	18,8	5,1	11,6
Овощи и бахчевые	381	-	139-160	103	80-101	122 +36 л ^x	122	146,2	186
Картофель	310	115-130	133	125-150	151	103	82	108,3	18,0
Фрукты и ягоды	194	21	113	48	27	55,8+70 ^{xx}	100	54,11	86,0
Яйца, шт.	0,8	226	292	250	210	19,9	238	14,6	9,4

Примечание: ^x – лоба – 36 кг; ^{xx} – арбузы, дыни, земляника – 70 кг

В России на конечное потребление продуктов у горожан приходится 64 %, у сельских жителей – 50,5 %.

Всемирный банк определил планку минимального дохода, ниже которой население в той или иной стране страдает от голода, – 370 долл. На одного члена семьи в месяц (3200-3400 ккал. в день). Для сравнения российский прожиточный минимум в 2000 г. составлял 1210 р., 2001 г. – 1490 р., 2002 г. – около 1900 р., 2003 г. – 2230 р., что составляет 2394-2470 ккал. По уровню питания Россия опустилась с 7 на 71 место в мире. ДВ занимает и более скромное место, что сказывается на продолжительности жизни населения (58-62 года, в среднем по России 64-66 лет). Правительству России надо подумать о том, как поправить это положение, если учесть, что экология ДВ не лучшая даже с Центральной Сибирью.

Из предшествующих материалов видно, что дальневосточные территории по тем же причинам (см. табл. 6, 7), что и в России практически далеки от самообеспечения продуктами питания. Поэтому рассмотрим достижения дальневосточной науки и причины низкой урожайности всех сельскохозяйственных культур.

Таблица 6

Производство основных продуктов питания на душу населения в РДВ и России, кг

Территория	Необходимая норма	Производство			
		1990 г.	1995 г.	2001 г.	2008 г.
Зерно (производство)					
Россия	741	657	428	558	767
РДВ		184	64	58	156,7
Картофель					
Россия	118	208	268	241	266,2
РДВ		138	199	193	203,3
Овощи					
Россия	139	70	70	91	91,3
РДВ		50	66	77	60,7
Мясо					
Россия	81	68	39	31	44,2
РДВ		44	20	12	17
Молоко					
Россия	392	284	265	222	228
РДВ		196	108	94	92
Яйцо, шт.					
Россия	292	253	228	243	268
РДВ		281	133	116	163,7

Таблица 7

Обеспеченность стран мира и территорий РДВ пашней и ее биологической продуктивностью на одного человека по данным 2000-2005 гг.

Страны и регионы РДВ	Обеспеченность пашней на одного человека	Энергетический коэффициент	Фактическая производительность пашни, га/чел.
Россия	0,80	0,19	0,17
ДВ территория	0,3	0,05	0,01
Австралия	2,66	0,58	0,65
Аргентина	0,77	0,80	0,46
Бразилия	0,34	0,85	0,29
Великобритания	0,11	0,23	0,03
Испания	0,40	0,36	0,22
Канада	0,58	0,16	0,28
Китай	0,08	0,23	0,03
США	0,54	0,42	0,31
Франция	0,31	0,32	0,10
Япония	0,03	-	-

Зерновые культуры. Урожайность по региону за период 1990-2009 гг. 0,9-1,52 т/га, а в странах АТР (Южная Корея, Япония, КНР 5,66-9,3 т/га). Внесение удобрений на РДВ



10-12 кг/га д.в., а в странах АТР 270-440 кг/га д.в. Время уборки в Японии 6-10 дней, Китае 10-12 дней, РДВ 25-40 дней. Известно, что потеря урожая зерновых культур в первые 10 дней может составить от 15 до 50 % в зависимости от погодных условий.

Селекционеры дальневосточных НИУ создали целую серию сортов зерновых культур с урожайностью от 25 до 60 ц/га. Потенциал их используется на 30-40 %. Необходимо учитывать также и бонитет дальневосточных земель, при этом не забывая, что он низкий и у соседей, которые компенсируют это применением более высоких технологий (см. табл. 2).

Соя. Урожайность по краям и областям юга ДВ составляет 6,6-9,3 ц/га. Территории ДВ при увеличении урожайности до 15-18 ц/га могли бы зарабатывать достаточно средств для улучшения экономики хозяйств за счет продажи за рубеж (Японию, Южную Корею). Страны АТР имеют урожайность от 12,9 до 17,4 ц/га. До 50 % урожая теряется по причине отсутствия удобрений, хороших гербицидов, а главное – средств уборки.

Селекционеры-соеводы создали сорта с потенциальной урожайностью от 15 до 27 ц/га во всех краях и областях ДВ. Однако нет средств на гербициды, а главное – качественную уборку.

Картофель. Более приятные показатели по картофелю. Самообеспечение территорий от 90 до 95 %, но ценой производства в частном секторе, где производится от 70-95 % всей продукции. Однако урожайность и в данном случае колеблется от 122,8 до 154 ц/га, а в странах АТР 112-320 ц/га. Сорта с потенциалом урожайности от 150 до 460 ц/га в регионе районированы. Однако, практически, разрушена система семеноводства и сортообмена. Так называемая «голландская технология» хорошо зарекомендовала себя на Камчатке и Японии, (о. Хоккайдо) на вулканических почвах, дает значительные сбои в сырые годы на тяжелых почвах ДВ. Китай возделывает картофель только на широких грядах и гребнях. В ДальНИИСХ разработан новый комплекс машин для работы на грядах: сажалка по типу «голландской»; грядообразователь фрезерный. Остальной комплекс машин может быть использован из серии «голландской»: доминатор, комбайн.

Уборка урожая в 2002 г. на площади 50 га показала возможность получения урожая картофеля 200-250 ц/га, что не уступило серии «голландской», но гарантирует уборку урожая в сырые годы. Необходимы вложения в терражирование и, возможно, доработку этого комплекса до промышленного производства.

Овощи – родник здоровья. Если сравнить продолжительность жизни людей территорий РДВ – 56 лет мужчины и 62-64 лет женщины, а в Японии 82-86 лет, Южной Кореи – 76, Северном Китае – 70-74 года, а затем обратить внимание на потребление таких продуктов, как рыба, овощи и плодовые культуры, то становится ясно, где мы теряем здоровье. Руководители территорий довольно потирают руки, что свыше 80 % производства этих дефицитных продуктов возложено на частный сектор. Хотя и в данном случае урожайность довольно низкая – 69-160 ц/га, а в странах АТР – 112-280 ц/га, но там поражает разнообразие употребляемых в пищу культур: в Китае 150-180, в Японии 120-150 овощных растений.

Успехи селекционеров ДВ по овощным культурам более чем скромные. Исключение имеет только сортимент огурцов, которые хорошо известны в европейской части России, СНГ, Японии и Китае.

Созданные в последние 20 лет по ряду овощных культур сорта сотрудниками Приморской овощной опытной станции (ВНИИОХ) в настоящее время успешно внедряются и в других территориях региона. Но сортимент инорайонных сортов, выращиваемых в регионе, пока удовлетворяет производителей по большинству культур. Единственная опасность завоза с семенами, особенно из сопредельных стран, агрессивных патогенов-вирусов, микоплазм,

бактерий. Попытка воспользоваться технологиями из Голландии не нашла широкого применения из-за плохой всхожести культур при применении 75 см грядовой технологии в период весны и большой гибели продукции в период осени от переувлажнения [7, 37].

По-видимому, надо вернуться к технологиям возделывания овощей на гребнях 90 и 140 см, используя разработки ДальНИИСХ, ВНИИ сои, ВНИИОХ и с добавлением машин нового поколения.

Руководителям территорий необходимо основательно задуматься над тем, что дачное движение начинает умирать. Поколение людей, рожденных в 30-50 годы, умирает, а новое не хочет возиться в земле, тем более, что если получать продукты по медицинским нормам: овощных, плодовых культур и картофеля, необходимо по самым скромным подсчетам, с учетом бонитировочной оценки ДВ земли, 12-15 соток, а имеются у большинства 6-8 соток. Процесс расширения площадей по образцу США, ЕЭС, Японии (до 0,25-0,50 га) может затянуться на столетие, тем более, что ранее выдавались дачные участки не в лучших местах.

На наш взгляд, надо продолжить формирование малых форм, специализированных на производстве овощных культур. Даже в пределах пригорода г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре есть поля, где можно построить на льготных кредитах дома с выделением пашни 5-10 га. Это вариант голландских фермерских хозяйств.

Плодово-ягодные культуры. Дальневосточные селекционеры – признанные герои дальневосточного земледелия. Им при жизни необходимо ставить памятники. Весь мир готов приезжать к нам за необходимым материалом дикоросов. Но когда они видят, что, практически, по всем культурам есть сортимент от Камчатки до Приморья, то их удивлению нет предела. К великому сожалению, если селекционеры – герои, то руководители территорий пока не могут понять, что питомниководство – это государственное дело. Разве можем мы гордиться тем, что потребление плодовых культур 21-32 кг на 1 человека при норме 113 кг. Причем плодовые культуры выращивает частный сектор, а это значит – пенсионеры. Стоимость саженцев уже достигла уровня 200-500 р. за сомнительный саженец, который выращивают малоподготовленные к этому специалисты.

Вывод один: государство, руководители территорий должны вмешиваться в процесс производства сельскохозяйственных культур, как это делается в других странах, которые беспокоятся о продовольственной безопасности своего населения и страны.

Пути и цели решения данного вопроса известны:

- здоровье человека – важнейший приоритет государства;
- питание должно не только удовлетворять физиологические потребности человека в пищевых веществах, но и выполнять профилактические и лечебные задачи;
- формирование у населения культуры питания, рационального и с учетом территорий.

При этом, по нашему мнению, необходимо позаимствовать многое из политики протекционизма аграрного сектора стран ЕС.

Устойчивое развитие агропродовольственного сектора страны и ДВ региона РФ зависит от формирования и развития экономики сельского хозяйства и должно основываться на решении основных проблем:

1. Важнейшей общеэкономической задачей является государственная (территориальная) поддержка сельхозпроизводителей региона.
2. Государственное регулирование цен на агропродовольственном рынке через механизм закупочных интервенций, квотирование импорта.
3. Развитие кооперативных форм взаимоотношений (при сокращении посредников) по всей цепи «производство- переработка – торговля».



4. Основная задача – гарантирование фермерских (совхозных) доходов за счет формирования закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию в начале года.

5. Прямые выплаты и надбавки к ценам или прямые субсидии в расчете на сумму затрат с учетом инфляции и стоимости нефтепродуктов.

6. Финансирование проектов по лизинговой закупке техники, строительству и модернизации объектов хранения и переработки продуктов сельского хозяйства; основная задача – ликвидация посредников, которые имеют сверхприбыли за счет хранения продуктов в городских (ранее – государственных) хранилищах.

7. Формирование и использование федерального фонда стратегических резервов, проведение рыночных интервенций продовольствия с учетом его закупки и завоза в северные территории.

8. Страхование и совершенствование налогообложения – дифференциация налогов в зависимости от региональных условий производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агропромышленный комплекс России в 2004 году. – М.: Наука, 2005. – 569 с.
2. Гатаулина, Е. А. Продовольственная проблема в странах ДВ региона / Е. А. Гатаулина. – М.: МСХА, 1998.
3. Глазовский, Н. Ф. Устойчивое развитие сельского хозяйства и основных территорий (САРД). Зарубежный опыт и проблемы России / Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Е. В. Сдасюк. – М.: КМК, 2005. – 615 с.
4. Киселев, Е. П. Мировое сельское хозяйство / Е. П. Киселев. – М.: АГНЕИТЭИ Агропрома, 2005. – 258 с.
5. Назаренко, В. И. Сельское хозяйство, продовольственная безопасность, внешняя торговля России и ВТО / В. И. Назаренко, А. Г. Панцов. – М.: ВНИИТЭИ Агропром, 2002. – 189 с.
6. Ромашкин, Р. А. Поддержка сельского хозяйства и мировой аграрно-продовольственный рынок. «Устойчивое развитие агропродовольственного сектора, как важнейший фактор социально-экономической стабильности России» / Р. А. Ромашкин. – М.: Наука, 2006. – 154 с.
7. Стратегические материалы и результаты исследований развития агропромышленного производства России. – М.: Наука, 2006. – 28 с.
8. Ушачев, И. Г. Сельское хозяйство зарубежных стран / И. Г. Ушачев. – М.: ВНИИЭСХ АПК, 2008. – 164 с.
9. Шелепа, А. С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития / А. С. Шелепа. – Хабаровск, 2006. – 183 с.
10. Янбых, Д. Г. Программы устойчивого сельскохозяйственного развития: понятийный аппарат и опыт реализации в России и зарубежных странах. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора, как важнейший фактор социально-экономической стабилизации России / Д. Г. Янбых. – М.: Наука, 2006. – 224 с.

Осипов С. Л., Осипова Е. С.

ВАРИАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ИЗМЕРЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Осипов С. Л., Осипова Е. С.

Osipov S.L., Osipova E.S.

ВАРИАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ИЗМЕРЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

VARIABLE MODELS FOR MEASURING TAX POTENTIAL



Осипов Степан Лукич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита Дальневосточной академии государственной службы (Россия, Хабаровск). E-mail: osipovaes2006@rambler.ru

Mr. Stepan L. Osipov – Doctor in Economics, Professor, Department of Finances and Credit, Far-Eastern Academy of Public Service. E-mail: osipovaes2006@rambler.ru



Осипова Елена Степановна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита Дальневосточной академии государственной службы (Россия, Хабаровск). E-mail: osipovaes2006@rambler.ru

Ms. Elena S. Osipova – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finances and Credit, Far-Eastern Academy of Public Service. E-mail: osipovaes2006@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены различные аспекты оценки налогового потенциала. Дана авторская формулировка налогового потенциала, обусловленного экономикой региона (собранные налоги во все уровни бюджетов). Приведена классификация налогового потенциала и выделены факторы, формирующие налоговый потенциал. Рассчитаны вариативные алгоритмы моделей налоговых отношений.

Summary: The paper reviews various aspects of the estimation of tax potential. The authors define what tax potential is as caused by the region's economy (all collected taxes at all budget levels). Proposed is a classification of the tax potential, and revealed are the factors contributing to the tax potential. Calculation of variable algorithms for tax relations models has been made.

Ключевые слова: налоговая политика, налоговый потенциал, налоговая нагрузка, вариативные модели, классификация, налоговые ресурсы, измерение.

Keywords: tax policy, tax potential, tax load, variable models, classification, tax resources, measurement.

УДК 08.00.10

Среди множества проблем налоговой политики представляет научный и прикладной интерес обсуждение налогового потенциала. В настоящее время не существует четкого определения его содержания и единой универсальной методики расчёта, и чаще всего налоговый потенциал рассматривается как совокупность налогов и сборов.

В издании Всемирного банка 1993 г. «Россия и проблемы бюджетно-налогового федерализма» налоговый потенциал определяется следующим образом: «Налоговый потенциал (tax capacity) – это способность базы налогообложения в пределах какой-либо административной единицы приносить доходы в виде налоговых поступлений (но не фактическая сумма поступлений как таковых)... К факторам местного налогового потенциала относится любая местная база налогообложения, находящаяся в пределах компетенции местных органов государственной власти» [М., 1993]. Экономисты предлагают различные трактовки налогового потенциала. В статье О.В. Богачевой «Налоговый потенциал и региональные счета» под на-



логовым потенциалом понимается «Потенциальный бюджетный доход на душу населения, который может быть получен органами власти за определенный промежуток времени (обычно финансовый год) при применении единых на всей территории условий налогообложения (то есть путем стандартизации налоговых баз и ставок)» [Финансы, № 2, 2000]. М.В. Романовский под налоговым потенциалом подразумевает «максимально возможную сумму поступлений и сборов на душу населения, которая может быть получена за определенный промежуток времени в условиях действующего законодательства» [СПб., 2003]. А.Л. Коломиец и А.Д. Мельник рассматривают его как «потенциально возможную сумму налоговых баз, являющихся основой для исчисления всей совокупности налогов и обязательных платежей на территории данного субъекта Российской Федерации» [3]. Н.В. Кашина определяет налоговый потенциал как «экономическую категорию, характеризующую совокупность императивных финансовых отношений, возникающих между государством, предприятиями и отдельными гражданами, в связи с образованием бюджетного фонда, и выражающую потенциально возможный размер налоговых сборов в рамках территории» [Автореферат, ХГАЭиП, 2002]. Другие дефиниции отражают аналогичные экономические процессы.

Различное содержание категории «налоговый потенциал» обусловлено разными целями и задачами исследования. Наиболее часто его рассматривают в узком смысле слова как максимально возможные налоговые платежи, исчисленные в условиях действующего законодательства. В более широком смысле – как потенциальные возможности экономики генерировать налоги с учетом территориальных возможностей.

И.В. Вачугов дает определение максимального, фактического и оптимального налогового потенциала [Новгород, 2003]. Максимальный (абсолютный) налоговый потенциал – это максимально возможный объем налоговых поступлений при максимальной (предельной) налоговой ставке. Фактический налоговый потенциал – это возможный объем налоговых поступлений за определенный период (финансовый год) при заданных условиях (качественных характеристик): экономики, налогового законодательства, налоговых органов, судебной системы и налоговой культуры. Оптимальный налоговый потенциал – это потенциал с учетом эффективных налоговых усилий, предусматривающих оптимальное соотношение темпов экономического роста и выполнения социальных программ.

С точки зрения теории, суждения автора вполне корректные. Однако в практике зачастую теоретические выкладки не соответствуют предполагаемым результатам. Кроме того, практически невозможно установить прямую связь между экономическими, налоговыми решениями и изменением налоговой нагрузки. Ее колебания происходят под влиянием многих других факторов: наличия теневого сектора, налоговой дисциплины (культуры налогоплательщиков), контрольной деятельности, региональной политики и так далее, эффект от которых почти невозможно просчитать.

Из приведенных формулировок выделим общие аспекты определения налогового потенциала:

- 1) налоговый потенциал рассматривается за определенный период времени, а именно – календарный год;
- 2) это максимально возможная сумма налоговых поступлений, исчисленная в соответствии с действующим законодательством;
- 3) единицей, по отношению к которой определяется налоговый потенциал, выступает физическое лицо, предприятие или территория (страна, регион, муниципальное образование).

Некоторые авторы считают целесообразным определение налогового потенциала на душу населения отдельной территории. Для узких исследований такой анализ может проводиться, однако большее практическое значение имеет оценка потенциала административно-территориального образования. Во-первых, чем больше территория, например, федеральный округ РФ, тем выше погрешность среднего показателя. Реальная же обеспеченность населения конкретных субъектов РФ внутри федерального округа РФ будет существенно различаться. Во-вторых, при определении обеспеченности на душу населения следует использо-

вать все доходы бюджета территории, а не только налоговые. Тогда точнее будет говорить не о налоговом, а о бюджетном потенциале, что и делает О.В. Богачева. В-третьих, в дефинициях О.В. Богачевой и М.В. Романовского не конкретизировано, о каком именно бюджетном доходе (поступлениях) идет речь: налогах, собранных на территории во все уровни бюджетной системы или оставшихся в бюджете в соответствии с бюджетным и налоговым законодательством. Акценты необходимо расставлять, так как в зависимости от подхода содержание налогового потенциала на душу населения будет различаться.

Полагаем правомерным представить в наиболее общей форме нашу трактовку сущности налогового потенциала: *«Налоговый потенциал – это максимально возможные налоговые ресурсы общества для удовлетворения социальных потребностей населения, сформированных при минимально допустимых изъятиях части доходов у хозяйствующих субъектов и физических лиц»*. В конкретных исследованиях представленная формулировка может быть конкретизирована с учётом многих сторон социально-экономических отношений.

Диалектическое единство указанных противоположных тенденций (минимальность изъятий и полнота формирования бюджета) отражает сложность оптимизации налоговых отношений. Работники всех секторов экономики заинтересованы в улучшении материальных условий жизни, нуждаются в страховании на период временной нетрудоспособности или завершения трудовой деятельности. Цивилизованное общество оказывает материальную поддержку отдельным людям, попавшим в экстремальные ситуации и т. д. Сформировать ресурсы для осуществления этих функций государство не может иначе как путем изъятия части доходов юридических и физических лиц через налоги без подрыва их интереса в хозяйственной деятельности. Экономические интересы предпринимателей и населения направлены на минимизацию налоговой нагрузки на их доходы, бизнес. Универсальной формулы согласования этих противоречий не разработано, и проблема оптимизации налогового потенциала остается дискуссионной, что влечёт неоправданные экономические и социальные издержки в экономике налоговой политики.

Для измерения налогового потенциала страны учитываются налоги, поступающие в консолидированный бюджет РФ и социальные внебюджетные фонды. При измерении налогового потенциала региона и муниципального образования возникает ряд вопросов. Какие учитывать налоги: собранные на территории безотносительно к налоговой компетентности по их установлению или остающиеся в бюджете после распределительных отношений? Определяют ли налоговый потенциал региона или муниципального образования только региональные и местные налоги? При этом надо учитывать, что действуют региональные налоги, установленные федеральными законами прямого действия. Должны ли льготы и задолженность по налогам быть составляющими частями налогового потенциала? Из самого названия вытекают аддитивные свойства потенциала. То есть налоговый потенциал территории складывается из потенциалов разных налогов. Основная проблема заключается в выборе налогов и их долей, поступающих в бюджет (или собираемых в регионе). Данный выбор еще важен и тем, что при наличии различных способов определения потенциала необходимо разработать универсальную для всех регионов и муниципальных образований методику. Но это представляет большие сложности методического и научного характера. Налоговый потенциал, определенный с использованием разных налоговых характеристик, будет варьирующим.

Таким образом, можно выделить следующие аспекты методологического и методического характера при оценке налогового потенциала региона. Его можно рассматривать:

- как потенциал региональных налогов, поступающих в бюджет субъекта РФ. Но это очень узкое поле исследования и для практических целей не применяется;
- с точки зрения налогов, собранных на территории, независимо от того, каким уровнем власти налоги устанавливаются и вводятся в действие;
- с точки зрения фактического поступления федеральных, региональных и местных налогов в региональный бюджет или консолидированный бюджет субъекта РФ после перечисления соответствующих долей на вышестоящий уровень.



При использовании последнего подхода следует учитывать финансовую помощь при измерении налогового потенциала. Однако ряд экономистов не отождествляет ее с частью налогового потенциала. На наш взгляд, более полным и достоверным для оценки налогового потенциала региона является второй подход. Налоговый потенциал детерминирован экономическими возможностями территории. В процессе хозяйственной деятельности используются материальные, финансовые, трудовые ресурсы хозяйствующих субъектов без учета того, что часть исчисленных налогов в последствии будет перечислена в федеральный бюджет. Поэтому нагрузка на производственные мощности, деятельность резидентов и нерезидентов РФ, например Хабаровского края, формируют налоговый потенциал именно этого субъекта РФ. А дальнейшее перечисление налогов в федеральный или местные бюджеты является по большому счету перемещением доходов в общем «котле» – консолидированном бюджете РФ. Подходы к оценке налогового потенциала муниципального образования аналогичны.

Разное качественное содержание базовых подходов к оценке налогового потенциала побуждает сформулировать налоговый потенциал, обусловленный экономикой региона (собранные налоги во все уровни бюджетов) как *произведенный налоговый потенциал (ПНП)*. Налоговый потенциал, определенный по доходам бюджета (ограниченный налоговым и бюджетным законодательством), – *вмененный налоговый потенциал (ВНП)*.

Необходимо затронуть вопрос о месте налоговых льгот и задолженности в налоговом потенциале региона. При использовании льгот, предоставленных федеральным законодательством, все регионы находятся в равном положении. По ряду налогов региональные и местные органы власти имеют право устанавливать дополнительные льготы в пределах своих бюджетов, а также устанавливать иные ставки в пределах установленных федеральным законодательством. Отношение исследователей к данной проблеме неоднозначно. По нашему мнению, не следует игнорировать право субъектов РФ на реализацию налоговой компетенции, поэтому фактические поступления в бюджет с учетом использованных льгот и ставок являются реальной базой для оценки налогового потенциала. Задолженность формируется из начисленных, но не поступивших в бюджет налогов, и поэтому данный показатель полноправно является составной частью налогового потенциала.

В рамках структурного, детального анализа можно оценивать налоговый потенциал отдельных налогов; групп налогов (косвенных, прямых, имущественных, ресурсных и т.д.); налоговый потенциал федерального, регионального или местного бюджета на территории региона (имеется в виду налоговый потенциал налогов или их долей, собранных на территории данного региона). Кроме того, можно судить о потенциале региональных и местных налогов (речь идет о региональных и местных налогах по статусу) на федеральном, региональном и местном уровне. Выделение общих аспектов измерения потенциала создает универсальный подход к оценке налогового потенциала региона, муниципального образования и предпосылки разработки объективной методики для сравнительной оценки налоговых потенциалов разных субъектов.

В основе налогового потенциала лежит налоговая база, обладающая аддитивными свойствами. Если говорить о налогах, имеющих одинаковую характеристику налоговых баз, то их сложение вполне возможно. Например, общая стоимость имущества, облагаемого налогом на имущество организаций и физических лиц, будет достоверной характеристикой имущественных налогов. Однако даже при использовании одних единиц измерения по разным налогам сложение налоговых баз бессмысленно. Не имеет практического смысла сложение облагаемой прибыли и стоимости имущества. Тем более не совместима налоговая база, выраженная в натуральных величинах и в стоимостном выражении (кадастровая стоимость земли). Следовательно, прямое использование налоговой базы для измерения налоговой нагрузки на экономику, предприятие, физическое лицо невозможно в принципе. Для этого можно использовать общую сумму налогов и оперировать ею в различных экономических расчетах.

Вопросы налогового потенциала затрагиваются в свете решения проблемы распределения фонда финансовой поддержки регионов (далее ФФПР). Методика распределения ФФПР основана на сопоставлении бюджетной обеспеченности субъектов РФ, измеренной величиной удельных валовых налоговых ресурсов. Валовые налоговые ресурсы определяются путем оценки потенциальных налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, основанных на объеме и структуре валового регионального продукта.

В методике предложена формула расчета удельных валовых налоговых ресурсов (далее – ВНР):

$$ВНР_i = a \times ИНП,$$

где a – прогнозируемый на определенный год средний уровень налоговых доходов субъектов РФ в расчете на душу населения, р.; $ИНП$ – индекс налогового потенциала данного субъекта.

Расчет индекса налогового потенциала (далее – ИНП) довольно объемён, включает в себя определение нескольких поправочных коэффициентов. В расчете ИНП не нашли отражение различные стороны налоговых отношений: налоговая структура региона, показатели структуры и динамики задолженности в бюджет, налоговых поступлений и др. В связи с этим, применение расчета ИНП на практике для измерения налогового потенциала региона представляет определенную трудность. Сфера действия методики ограничена только распределением ФФПР и не рекомендуется для оценки налогового потенциала.

Данные модели оценки налогового потенциала базируются на основных показателях экономического роста: ВВП, ВРП, среднедушевых доходах, добавленной стоимости, вновь созданной стоимости. Наиболее объективными показателями оценки налогового потенциала являются ВВП и ВРП, так как они включают в себя суммарную стоимость товаров, работ, услуг, произведенных с использованием экономических ресурсов (земля, труд, капитал) за определенный период времени. Кроме того, они учитывают доходы всех физических лиц, как резидентов, так и нерезидентов.

В зависимости от цели исследования, рассматривать налоговый потенциал можно с различных позиций. Представляет интерес исследование налогового потенциала как меры налоговой ёмкости ВВП, ВРП. В этом случае показатель определяется отношением фактически собранных налогов и потенциально возможных (задолженность, льготы, налоговый кредит и т.д.) к ВВП, ВРП. Измеренный в относительном выражении показатель более информативен в сравнительных исследованиях, точнее характеризует уровень и динамику налогового потенциала.

Модели этих налоговых отношений могут быть представлены следующими алгоритмами:

$$НПp_i = \sum_1^i НС_i \text{ (р.)} \quad \text{или} \quad НПp_i = \frac{\sum_1^i НД}{\sum Д} \times 100(\%),$$

где $НПp_i$ – реализованный налоговый потенциал i -го налога, муниципалитета, региона, страны, р. или %; $\sum_1^i НД$ – сумма налоговых поступлений по налогу, муниципалитету, региону, стране, р.; $\sum Д$ – сумма дохода (добавленная стоимость, вновь созданная стоимость, ВВП, ВРП) по муниципалитету, региону, стране, р.

На макроэкономическом уровне формула расчета налогового потенциала выглядит следующим образом:

$$НПp = \frac{\sum_1^i НД}{ВВП} \times 100(\%).$$

В числителе суммируются все уплачиваемые налоги: прямые и косвенные, на юридических и физических лиц. Выбор ВВП для характеристики налогового потенциала бесспорен в связи с тем, что этот показатель характеризует произведенную за определенный период времени валовую добавленную стоимость в масштабе страны. ВВП является объективным

показателем оценки налогового потенциала, так как отражает реальные изменения в экономике. В зависимости от объекта исследования возможны детализация и уточнение составляющих как числителя, так и знаменателя рассматриваемых формул.

Долю налоговых обязательств налогоплательщиков в ВВП характеризуют налоговые доходы консолидированного бюджета РФ. Однако полученный показатель не отражает реальный уровень налоговых изъятий. Необходимо учесть доходы целевых бюджетных фондов, так как источниками их формирования являются налоговые платежи, фондов социального страхования, так как они характеризуют налоговую нагрузку на бизнес, а также учесть неналоговые доходы, которые используются для финансирования выполнения государственных функций. По нашим расчётам общий уровень государственных расходов (налоговая нагрузка) достиг высокого уровня – 45-46 % ВВП. Проектируемое правительством увеличение ставок отчислений в фонды социального страхования ещё больше усложнит рассматриваемую проблему. Очевидно, экономический подъём не возможен без смягчения налоговой нагрузки путём абсолютного и относительного сокращения государственных расходов.

Однако некоторые экономисты отмечают недостатки ВРП как меры налогового потенциала и предлагают использовать показатель совокупных налогооблагаемых ресурсов региона (далее СНР) как альтернативу ВРП. По их мнению, чтобы выйти на показатель СНР, необходимо произвести ряд преобразований в показателе ВРП [3], которые связаны с социальными трансфертами, фондами социального страхования и особенностями налогообложения прибыли по предприятиям, зарегистрированным в одном месте и ведущими деятельность в другом регионе. Это усложняет использование данного метода в практике, но вполне возможно его применение в различных исследовательских целях.

Другой метод оценки налогового потенциала региона базируется на репрезентативной налоговой системе (РНС). Эта система также разработана в США экспертной комиссией по межбюджетным отношениям. Суть ее заключается в следующем: при устойчивом составе налогов и ставок налогообложения определяется стандартная (нормативная) налоговая база и репрезентативная ставка налогообложения, и на основе этого рассчитывается налоговый потенциал региона [3].

На практике рассчитать налоговый потенциал региона или муниципального образования по методу РНС можно по формуле

$$НП_{р,м.обр.} = \sum_1^n НП_i + \sum_1^n НП_{инр} + ЗБ,$$

где $НП_{р,м.обр.}$ – налоговый потенциал региона, муниципального образования, р.; $\sum_1^n НП_i$ – налоговый потенциал основных i -х налогов, р.; $\sum_1^n НП_{инр}$ – налоговый потенциал прочих i -х налогов, р.; $ЗБ$ – задолженность перед бюджетом за соответствующий период, р.

Налоговый потенциал по каждому из основных налогов, принятых за базу расчета налогового потенциала, определяется по формуле

$$НП_i = НБ_{нл.i} \times РНС_i \times КС_i,$$

где $НБ_{нл.i}$ – прогнозируемая налогооблагаемая база i -го налога, р.; $РНС_i$ – репрезентативная налоговая ставка i -го налога, %; $КС_i$ – коэффициент собираемости по i -му налогу.

Репрезентативная налоговая ставка определяется корректированием налоговой ставки, установленной законодательством на отношение фактического поступления налоговых платежей к запланированному сбору налогов:

$$РНС_i = \frac{НД_{\phi_i}}{НД_{нл_i}} \cdot ЗНС_i,$$

где RHC_i – репрезентативная налоговая ставка i -го налога, %; $НД_{\phi_i}$ – налоговые доходы, фактически поступившие в бюджет по i -му налогу, р.; $НД_{пл.i}$ – налоговые доходы, планируемые по i -му налогу, р.; $ЗНС_i$ – ставка по i -му налогу, %, по законодательству.

Коэффициент собираемости по i -му налогу определяется отношением фактически поступившей суммы налога к запланированной.

Налоговый потенциал по каждому из прочих налогов определяется следующим образом:

$$НП_{i_{пр.}} = НД_{пл.i} \cdot I_{инф.},$$

где $НП_{i_{пр.}}$ – налоговый потенциал прочего i -го налога, р.; $НД_{пл.i}$ – налоговые доходы, планируемые по прочему i -му налогу, р.; $I_{инф.}$ – индекс инфляции.

Из вышеизложенного материала следует, что применение РНС как меры налогового потенциала вполне возможно и расчет является весьма достоверным. Трудность использования метода заключается в том, что показатели должны использоваться только прогнозные, а не фактически достигнутые за прошедший год, так как коэффициент собираемости, как правило, меньше единицы, репрезентативная ставка ниже законодательно установленной. Кроме того, для прогноза данных требуется определенное время, что снижает оперативность методики и его использование вполне возможно в научных исследованиях.

Независимо от используемой методики важно иметь представление о степени приближения к предельно возможному налоговому потенциалу. Полагаем, что получить достоверную и точную оценку предельного показателя налогового потенциала в принципе невозможно, так как всегда имеются резервы для его роста. Эти ресурсы потенциально заложены в наращивании производственной базы, поступлении недоимки по налогам в бюджет, погашении обязательств по предоставленным отсрочкам, налоговым кредитам, льготам и т.д. Во всех методиках рассматриваются вышеуказанные составляющие налогового потенциала. Основным критерием оценки потенциала признаются суммы налогов и сборов, поступивших в бюджет и внебюджетные фонды. Однако существуют и потенциальные суммы, которые при определенных обстоятельствах полностью или частично также поступят в казну. Другими словами, они начислены, но ещё не перечислены. Полагаем правомерным ввести в научный оборот и практику такие категории, как реализованный и номинальный налоговый потенциал. Сумма налоговых доходов бюджетов, внебюджетных социальных фондов является фактически сложившимся показателем на определенную дату и может считаться *реализованным (фактическим) налоговым потенциалом – НП_р*. Потенциал с резервами роста налоговых поступлений (задолженность перед бюджетом, использованные не по целевому назначению льготы, инвестиционные налоговые кредиты, отсрочки, суммы налогов, доначисленные по результатам налоговых проверок и т.д.) – *номинальным налоговым потенциалом (НП_н)*.

Одним из направлений анализа налогового потенциала является оценка степени его реализации. Определить ее можно отношением суммы реализованного налогового потенциала к номинальному налоговому потенциалу, выраженным через коэффициент или процент.

Из материалов анализа следует, что налоговый потенциал может быть оценен по различным методикам. Их можно объединить в две группы:

1) Методы прямого счета (в абсолютном выражении) как базовый показатель прогноза бюджета на очередной финансовый год: СНР, РНС, регрессионный анализ, аддитивный метод и более упрощенные, используются для оценки фактического налогового потенциала и на перспективу.

2) Рассчитанные через отношение показателей (в относительном выражении) для оценки уровня налоговой нагрузки на экономику. Этот метод основан на показателях экономического роста: ВВП, ВРП и добавленной в процессе производства стоимости. Налоговый потенциал в относительном выражении удобен для использования в сравнительных исследованиях по отраслям, регионам РФ, федеральным округам РФ, странам. Это значимый индикатор социальной направленности налоговой политики государства.

Анализ методов определения налогового потенциала и авторские подходы к его оценке можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

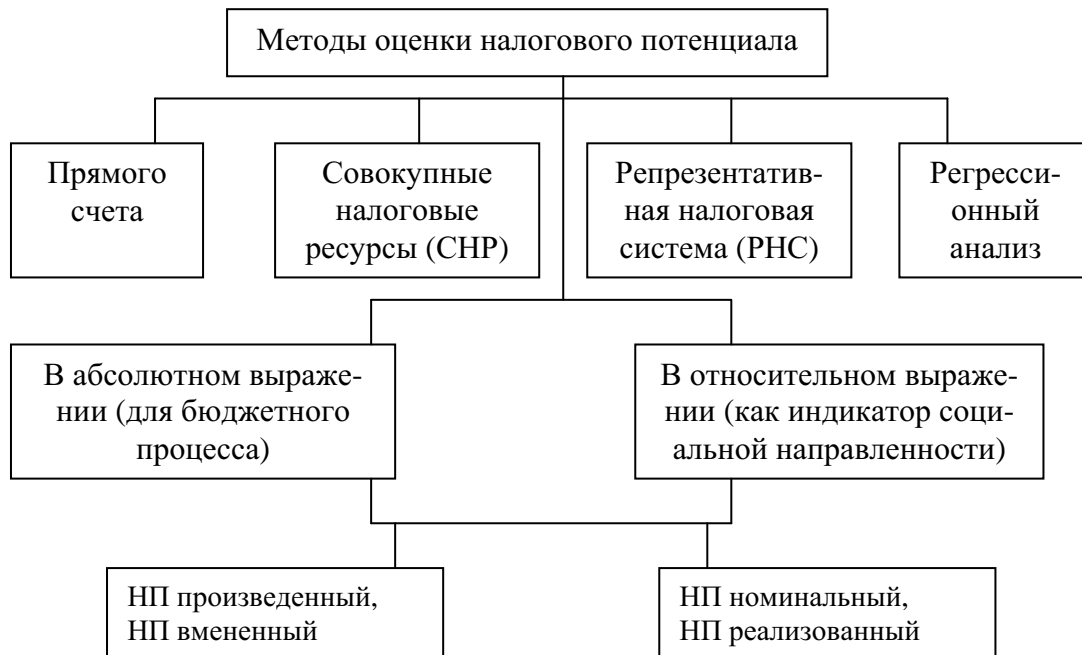


Рис. 1. Вариативные модели оценки налогового потенциала

В зависимости от целей и точности расчетов могут определяться: налоговый потенциал национальной экономики с учетом фондов социального страхования; налоговый потенциал консолидированного бюджета РФ (без фондов социального страхования и без неналоговых доходов); налоговый потенциал федерального бюджета (без неналоговых доходов); бюджетный потенциал только федерального уровня (с неналоговыми доходами); бюджетный потенциал консолидированного бюджета РФ (с неналоговыми доходами); бюджетный потенциал экономики (консолидированный бюджет РФ и доходы фондов социального страхования).

Вышесказанное о методах, уровнях, полноте определения налогового потенциала и других его характеристиках позволяет классифицировать его разновидности (см. табл. 1).

Влияние факторов на формирование налогового потенциала региона и муниципального образования можно представить в виде схемы (см. рис. 2).

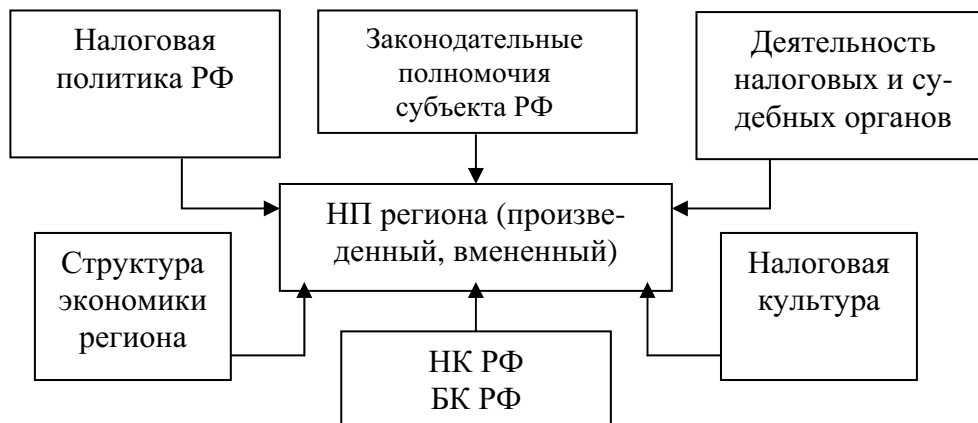


Рис. 2. Факторы, формирующие налоговый потенциал

Классификации налогового потенциала

Критерии	Виды налогового потенциала
По видам экономического развития стран	1) страны с развитой рыночной экономикой; 2) страны с переходной экономикой; 3) развивающиеся страны
По уровню налоговых изъятий (доля налогов в ВВП)	1) высокий уровень (40-50 %); 2) оптимальный (35-40 %); 3) низкий (ниже 10 % в отдельных странах и, как правило, 25-30 % в большинстве других стран)*
По сферам экономической деятельности	1) материальное производство; 2) сфера услуг; 3) финансовый сектор экономики
По видам экономической деятельности	1) промышленность; 2) строительство; 3) обрабатывающие производства и др.
По административно-территориальному делению	1) страна; 2) федеральный округ РФ; 3) субъект РФ; 4) муниципальное образование
По субъектам хозяйствования	1) предприятия (организации); 2) индивидуальные предприниматели; 3) домашние хозяйства
По времени	1) ретроспективный; 2) фактический; 3) прогнозный
По методам формирования	1) произведенный; 2) вмененный
По полноте показателя	1) номинальный; 2) реализованный (фактический)
По методам оценки	1) абсолютный (СНР, РНС); 2) относительный (отношение налогов к ВВП, ВРП, ДС)

* Шмелев Ю. Д. Система социальных платежей в странах с развитой рыночной экономикой / Ю. Д. Шмелев // Налоговая политики и практика. – 2007. – № 1. – С. 46

Экономический вклад субъекта РФ в формирование бюджетов всех уровней власти и осуществление социальных обязательств проводится на основе *произведенного налогового потенциала* (в процентах и/или сумме), который автор впервые вводит в научный оборот. Сформированные налоговые ресурсы после перераспределительных процедур являются возможностями решения социальных программ на уровне региона, муниципального образования и характеризуются нами как *вмененный налоговый потенциал*. Произведенный и вмененный налоговые потенциалы также могут применяться для оценки уровня налоговой нагрузки, возможностей самофинансирования социальных программ в субъектах РФ, финансового донорства и реципиентства, динамичности трансфертной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ и классификация налоговых поступлений: теория и практика / А. Б. Паскачев, Ф. К. Садыгов, В. И. Мишин, Р. Я. Саакян [и др.]; под ред. Ф. К. Садыгова. – М.: Изд-во правовой литературы, 2004. – 232 с.
2. О налоговом потенциале Хабаровского края для обеспечения вопросов краевого значения. Материалы депутатских слушаний, 29 мая 2007 г. / Законодательная дума Хабаровского края. – Хабаровск, 2007. – 83 с.
3. Коломиец, А. О налоговом потенциале региона / А. Коломиец, А. Мельник // Налоги. – 2000. – Вып. 1. – С. 21-26.
4. Горский, И. В. Налоговый потенциал в механизме межбюджетных отношений / И. В. Горский // Финансы. – 1999. – № 6. – С. 27-30.

Симоненко Н. Н., Пономарева Е. А.
Simonenko N.N., Ponomaryova E.A.

МОТИВАЦИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

INCREASING EFFICIENCY OF HR MANAGEMENT AT AN ENTERPRISE



Симоненко Николай Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Simonenko@knastu.ru.

Mr. Nikolay N. Simonenko – Doctor in Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Finances, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: Simonenko@knastu.ru



Пономарева Елена Александровна – аспирант кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kef@knastu.ru.

Ms. Elena A. Ponomaryova – PhD Candidate, Department of Economics and Finances, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: kef@knastu.ru

Аннотация. Непрерывное внутрипроизводственное обучение в объединении включает различные аспекты профессионального обучения специалистов, руководящих работников и профессионального обучения рабочих. Назначению на руководящую должность предшествует стажировка. Высокопроизводительный труд должен быть эффективно мотивирован. Данную работу на предприятиях следует выполнять так, чтобы люди рассматривались как конкурентное богатство компании, которое необходимо размещать, развивать и мотивировать параллельно с другими ресурсами для достижения стратегических целей предприятия.

Summary: Continuous in-service training in a company includes various aspects of job training for specialists, executives and workers. Appointment to an executive position is preceded by training. High-efficiency work should be effectively motivated. This work in an enterprise should be carried out in a such way that people are considered as a competitive asset of the company which it is necessary to place, develop and motivate along with other resources for the achievement of strategic goals.

Ключевые слова: мотивация, эффективность, управление, персонал, предприятие, обучение, квалификация, стимулирование, резерв, стажировка, социологическое обследование, стратегические цели.

Key-words: motivation, efficiency, management, personnel, enterprise, training, qualification, stimulation, reserve, apprenticeship, sociological survey, strategic goals.

УДК 08.00.05

Для анализа эффективности работы службы управления персоналом типового промышленного предприятия рассмотрим два аспекта: состояние в подготовке и повышении квалификации работников предприятий г. Комсомольска-на-Амуре и мотивацию труда персонала.

Например, на авиационном объединении работу по подготовке и повышению квалификации кадров выполняет УПК (Учебно-производственный комбинат), при этом непрерыв-

ное внутрипроизводственное обучение в объединении включает, помимо профессионального обучения специалистов, руководящих работников и профессионального обучения рабочих:

- трудовое обучение, профессиональную ориентацию и организацию производственного труда учащихся средних общеобразовательных школ и производственной практики учащихся базового высшего профессионально-технического училища;
- практическое обучение студентов вузов и учащихся техникумов.

Повышение квалификации специалистов и руководящих работников, помимо систематического самостоятельного обучения работников (самообразования), предусматривает виды обучения, обеспечивающие его непрерывность:

- краткосрочное, оперативное целевое обучение;
- длительное периодическое обучение;
- обучение в целевой аспирантуре, докторантуре;
- стажировка на передовых предприятиях отрасли, в ведущих научных организациях (в том числе и за рубежом);
- обучение в группах резерва руководителей;
- стажировка молодых специалистов.

Виды и формы внутрипроизводственного обучения каждого работника определяются целями и задачами, стоящими перед производственными коллективами и перед отдельными работниками.

Программа *подготовки резерва* предусматривает теоретическую и практическую подготовку работника, рассчитанную на несколько лет. Практическая подготовка резерва осуществляется путем стажировки, которая заключается в назначении на вакантные должности руководителей структурных подразделений, служб, и исполнении этих обязанностей в полном объеме со всеми юридическими правами, а также в исполнении обязанностей по должности, на которую работник выдвинут в резерв (на период отпуска, болезни, командировки). Специалисты, зачисленные в резерв, проходят теоретическую подготовку в группах подготовки резерва при УПК, в школе профессионального мастерства с привлечением преподавателей из вузов или по планам индивидуальной подготовки.

Стажировка молодых специалистов в объединении основана на практической и теоретической подготовке. Практическую подготовку молодые специалисты проходят непосредственно в структурных подразделениях объединения, цехах, отделах, куда они направлены отделом кадров. Теоретическую подготовку организует УПК на курсах по адаптации молодых специалистов при предприятии.

Результаты стажировки оцениваются комиссией под представительством главного инженера, в состав которой входят руководители структурных подразделений, УПК, отдела кадров и другие специалисты. Комиссия дает заключение о дальнейшем использовании молодого специалиста.

В системе непрерывного внутрипроизводственного обучения рабочих осуществляются следующие виды профессионального обучения: подготовка новых рабочих; переподготовка рабочих; обучение вторым (смежным) профессиям; повышение квалификации рабочих.

Обучение рабочих осуществляется, в основном, на производственно-технических курсах и курсах целевого назначения на базе УПК объединения. Новые кадры обучаются по учебным планам и программам, разрабатываемым и утвержденным Отраслевым центром по подготовке персонала на производстве – по профессиям, общим для отраслей промышленности. При отсутствии типовых программ организацию их разработки и утверждение осуществляет УПК объединения. Подготовка новых рабочих проводится по двум формам: курсовая или индивидуальная подготовка, и заканчивается сдачей квалификационных экзаменов и присвоением разряда.

На производственно-технических курсах (ПТК) проходят обучение рабочие, фактический уровень квалификации которых не соответствует имеющимся у них тарифным разрядам. Обучение на ПТК проводится по 4-ступенчатой форме: 1 ступень (ПТК-1) – получение



начальных разрядов, по какой-либо профессии (1-2 разряды); 2 ступень (ПТК-2) – на 3-4 разряды; 3 ступень (ПТК-3) – на 5-6 разряды и 4 ступень (ПТК-3) – на 7-8 разряды.

Обучение на любой ступени ПКТ, в случае успешной сдачи рабочим квалификационного экзамена и квалификационной пробы, завершается присвоением ему очередного тарифного разряда и выдачей свидетельства. Обучение на курсах целевого назначения (КЦН) состоит из теоретического и производственного обучения. В зависимости от конкретных задач, поставленных перед курсом, теоретическое обучение должно проводиться в нерабочее время. Обучение заканчивается итоговым занятием или сдачей зачетов. Начальники цехов (отделов) и руководители структурных подразделений предприятия несут персональную ответственность за организацию производственно-технического и общеобразовательного обучения рабочих и специалистов руководимых цехов и структурных подразделений, создание соответствующих условий для обучения кадров.

Для проведения организационной и учебной работы по подготовке и повышению квалификации кадров в цехах и структурных подразделениях из числа высококвалифицированных специалистов выделяются организаторы, назначаемые приказом начальника цеха или отдела по согласованию с УПК.

В конце каждого года издается распоряжение об объединении по обучению персонала на следующий год. На его основании составляются план-графики подготовки и повышения квалификации на год и список организаторов обучения цехов и отделов, которые утверждаются приказом генерального директора объединения. Ежегодно составляются справка о подготовке и повышении квалификации персонала предприятия.

В соответствии с поставленными перед объединением задачами по освоению новых изделий, выполнению контрактных обязательств, совершенствованию системы качества и сертификации производства, снижению себестоимости выпускаемой продукции в условиях структурной перестройки предприятий, администрация объединения уделяет большое внимание и направляет свои усилия на сохранение кадрового потенциала, подготовку и повышение квалификации кадров. В целях обеспечения производства квалифицированными рабочими непосредственно на производстве и в УПК ежегодно обучаются рабочие кадры (см. табл. 1).

Таблица 1

Профессиональное обучение рабочих

Формы профессионального обучения	Годы				
	2000	2003	2006	2009	2009/2000 (%)
Подготовлено и переподготовлено, всего:	1737	1670	2134	1682	96,8
в том числе:					
- новых рабочих;	808	337	632	565	69,9
- обучено вторым и смежным профессиям	929	1333	1502	117	110,5
Повысили свою квалификацию рабочие, всего:	5866	6420	7749	7990	126,2
в том числе:					
- на ПТК;	465	850	1032	1022	219,8
- на курсах целевого назначения	5401	5570	6717	6768	142

Несмотря на экономические трудности, администрация объединения поддерживает высокий уровень знаний и высокую квалификацию специалистов и руководящих работников предприятия, постоянное внимание уделяет подготовке резерва на руководящие должности. На различных курсах повышения квалификации прошли обучение специалисты и руководящие работники объединения (см. табл. 2). Эти показатели свидетельствуют о большом внимании руководства к вопросу подготовки и повышения квалификации кадров. Так, количество рабочих, прошедших обучение в 2006 г. по сравнению с 2000 г., увеличилось в 1,5 раза.

В 2006 г. примерно каждый третий работник объединения был охвачен той или иной формой подготовки и повышения квалификации.

Таблица 2

Повышение квалификации руководителей и специалистов

Формы повышения квалификации	Годы				
	2000	2003	2006	2009	2009/2000 (%)
На курсах повышения квалификации при учебных заведениях, ведомствах и фирмах, с выездом в другие города	216	129	194	203	94,0
На курсах повышения квалификации при УПК	588	706	1626	1542	262,2
На курсах целевого назначения без отрыва от производства	1351	1626	903	908	76,2
Всего	2155	2461	2723	2653	123,1

В качестве отрицательного момента в переподготовке персонала отмечаем то, что только 20 % рабочих, прошедших профессиональное обучение, работают по новой специальности. Остальные остаются в своих цехах, от которых их направили на выполнение неквалифицированной работы. В этом есть недопонимание самих рабочих, которые живут только сегодняшним днем, когда им выгоднее получить свой средний заработок на подсобных работах вместо того, чтобы закрепить знания, полученные в УПК, и получить вторую, третью профессию, нужную предприятию. Следовательно, они имеют возможность получить больше шансов остаться на предприятии при возможном сокращении, перейдя здесь же на другую работу.

Работа по созданию и подготовке резерва координируется отделом кадров объединения, который на основе списков резерва, представленных подразделениями завода, составляет общие списки резерва по каждой номенклатуре и представляет их на утверждение генеральному директору объединения. Утвержденные списки резерва являются основным источником для выдвижения и назначения на руководящие должности, а также для замещения на период отпусков, болезни, командировки и пр. Кандидаты на выдвижение должны обладать высокими деловыми качествами, компетентностью, умением работать с людьми, соответствовать по уровню образования и специальности «Номенклатуре должностей, подлежащих замещению специалистами с высшим и средним специальным образованием», возраст кандидата не старше:

- 30 лет (на должность мастера, начальника бюро);
- 40 лет (на должность начальника цеха, отдела);
- 45 лет (на должность номенклатуры госкомитета РФ по оборонным отраслям промышленности).

Лица, зачисленные в резерв, проходят стажировку, которая предусматривает исполнение обязанностей по проектируемой должности под руководством опытного руководителя, работающего на этой должности или во время отсутствия руководителя, занимающего эту должность.

Своевременная и точная оценка персонала и подразделения имеет большое значение в эффективной мотивации кадров [2]. В частности, для оценки эффективности деятельности отдела кадров было проведено социологическое исследование, цель которого – получить сведения об эффективности работы отдела кадров. Задачи исследования:

- 1) выяснить, как оценивают работу отдела кадров руководители подразделений объединения;
- 2) узнать мнение руководителей в области улучшения работы ОК.



В исследовании приняли участие 25 человек. Это начальники цехов и отделов, директора дочерних предприятий, общий стаж работы на объединении у большинства которых более 20 лет и 7-8 лет работы на занимаемой ныне должности. Результаты исследования были обработаны с помощью ЭВМ (программа И.В. Голиковой «Социс»). Исследование показало, что работа анализируемого отдела полностью удовлетворяет 52 % опрошенных. Остальные работники ответили, что работа их частично не удовлетворяет. Руководители различных подразделений объединения сотрудничают с отделом кадров в основном по вопросам найма персонала, поэтому вопросы анкеты касались именно этой темы.

В ходе опроса было выявлено, что подбор кадров начальниками в свои цеха и отделы осуществляется следующим образом: по собственному усмотрению – 68 %; по рекомендации коллег – 56 %; через отдел кадров – 60 %. Совершенно не устраивает работа отдела кадров по подбору кадров только 8 % респондентов, не всегда устраивает – 40 % ответивших. Работа отдела кадров по данному вопросу устраивает 52 % респондентов, однако треть из них предпочитают подбирать работников по собственному усмотрению.

На вопрос «Достаточно ли оперативно осуществляется набор персонала?» положительно ответило 56 %, «не всегда» – 32 %; отрицательно – 12 % опрошенных. Причину этого они видят в отсутствии специалистов необходимого профиля и квалификации, а также длительном сроке оформления. 80 % руководителей отметили то, что их пожелания при наборе персонала учитываются, хотя кандидаты не всегда отвечают предъявленным требованиям. Для улучшения работы в области найма персонала руководителями подразделений были сделаны следующие предложения:

1) Создать свой «банк» специалистов.

2) Ввести в отдел кадров день или час цеха, если цех подал заявку с вакансиями, для личного знакомства с поступающими на работу.

3) Разработать и ввести тестирование кандидатов.

4) Запрашивать характеристику с последнего места работы кандидата.

5) Устанавливать испытательный срок.

Руководители также оценили выполнение запросов, адресуемых отделу кадров и услуг, оказываемых данной службой другим подразделениям. 87 % опрошенных ответили, что деятельность ОК в этом вопросе помогает в текущей работе руководителей. Две трети указали на то, что работа выполняется достаточно быстро и в полном объеме. На вопрос «Если бы Вы стали начальником ОК, то что изменили бы в работе отдела?», были получены следующие ответы:

1) Более широкое применение ЭВМ, соединение сети с общезаводской для более оперативного решения вопросов и обмена информацией.

2) Поручил бы грамотному кадровику заниматься исключительно подготовкой качественного резерва для работы в объединении.

3) Сделал бы так, чтобы в рабочее время можно было бы всегда попасть на прием к начальнику ОК или его заместителю.

4) Работу «личного стола» перевести на полный день.

5) Омолодил бы кадровый состав.

6) Постарался бы освободиться от опеки профсоюза.

Оценивая работу отдела кадров, многие отмечали хороший кадровый состав отдела, профессионализм в работе, вежливость, отзывчивость и понимание, проявляемые персоналом отдела кадров, а также оперативность в решении различных вопросов и предоставлении достоверной информации.

Мотивация персонала должна быть эффективной при минимальных финансовых затратах [1]. С этой целью на предприятии выстраивается система стимулирования, главной формой которого остается заработная плата. Организацией оплаты труда на предприятии занимается отдел организации труда и зарплаты (ОТиЗ). Поэтому, оценив существующую систему стимулирования труда персонала, можно сделать вывод об эффективности деятельности отдела труда и зарплаты. Кроме основной зарплаты, ежемесячно выплачивается премия за основные результаты хозяйственной деятельности в соответствии с положением о начислении премии. Также назначаются надбавки за профессиональное мастерство, устанавливаются доплаты за тяжелые и вредные условия труда, совместительство, за работу в ночное время, подросткам, кормящим матерям, льготный женский час, за работу в выходные и праздничные дни, за сверхурочную работу, за руководство бригадой, оплата за отпуск и др.

На объединении применяются повременная и сдельная формы оплаты труда. Основанием для начисления основной заработной платы являются тарифные ставки и должностные оклады в соответствии с тарифным соглашением. Распределение по системам оплаты труда категорий персонала за 2009 г. представлено в табл. 3.

Таблица 3

Системы оплаты труда

Система оплаты труда	Категории персонала	Доля, %
Сдельно-премиальная	Рабочие основного производства	54,9
Повременно-премиальная	Рабочие основного производства	45,1
Бригадная	Основные и вспомогательные рабочие	41,5
Повременно-премиальная	Руководители, специалисты, вспомогательные рабочие, ученики	44,3
В том числе по окладам	Руководители, специалисты, служащие, ученики	16,4

В качестве разовых выплат ежегодно выдаются единовременное вознаграждение по итогам работы объединения за год (13 зарплата) и вознаграждение за выслугу лет. Выплачиваются единовременные вознаграждения работникам: при увольнении на пенсию; при присвоении звания «Заслуженный работник объединения», «Заслуженный ветеран труда объединения», «Почетный авиастроитель» и др.; в связи с юбилеем работника.

Моральное стимулирование труда персонала: награждение знаком «За безупречную работу на объединении в течение 20, 25, 30, 40, 50 лет», «Отличник качества объединения» и др.; приказы по заводу о поощрении к юбилеям; размещение фотографий на «Доске почета» объединения; поздравления и благодарности сотрудникам на собрании коллективов подразделений; поздравление работников на общезаводских мероприятиях.

Имеются и другие льготы: оплата стоимости проезда работников любым видом транспорта к месту проведения отпуска и обратно один раз в два года; страхование работников летно-подъемного состава; бесплатное лечебно-профилактическое питание работников на особо вредных условиях труда; бесплатное питание работников ВОХР; реализация работникам объединения услуг и товаров, изготавливаемых в объединении, без торговой наценки; оплата от 30 до 90 % стоимости путевок на санаторно-курортное лечение и отдых в детских оздоровительных лагерях, в дом отдыха, пансионат, принадлежащий предприятию; содержание детей работников в детских учебных учреждениях; бесплатная санация и лечение



зубов работников объединения не реже 1 раза в 2 года; строительство жилья; оказание материальной помощи ветеранам или работникам объединения.

Для оказания материальной помощи бывшим работникам объединения выделено свыше 2 млн р. Организована бесплатная подписка на газету объединения «Крылья советов» для ветеранов. Это льготы социального характера, а заработная плата должна выполнять основную функцию стимулирования труда, т. е. влиять на производительность.

В то же время сложившаяся годами система оплаты труда на производстве не отвечает современному уровню развития материальной заинтересованности работников завода и требует принципиальных изменений с более качественным, гибким подходом к учету индивидуальной оценки труда для всех работающих. Так, начисление премии, по мнению руководства, стимулирует труд, однако, на деле, премия не является эффективным стимулом. Отделом ОТиЗ определяется общая сумма премии для каждого подразделения предприятия. Руководители подразделений распределяют эту сумму между своими работниками. Размер зависит от фонда заработной платы каждого работника в предыдущем месяце, т. е. фактически не учитывается личный вклад в результат работы. Таким образом, премирование не воспринимается работниками как поощрение, возникло привыкание к данному виду оплаты, а ежемесячная премия стала частью основной заработной платы.

С 1995 г. для закрепления «костяка» на рабочих местах была введена контрактная система оплаты труда. Для этого администрация завода разработала и внедрила систему персональных доплат некоторым работникам цехов за эффективный труд, которая составляла значительную разницу (50 %) в заработной плате между переведенными и непереведенными на контракт. Спустя несколько месяцев было проведено социологическое исследование с целью выявить отношение работников к контрактной системе оплаты труда. Опрос дал следующие результаты. По мнению начальников цехов, главным положительным моментом в контрактной системе оплаты является закрепление наиболее квалифицированных кадров на предприятии – 76 %, а также возможность стимулирования наиболее грамотных и добросовестных работников – 59 %; своевременное и точное выполнение заданий, распоряжений начальников цехов, бюро и производственных мастеров – 41 %.

В то же время 76 % начальников цехов, 88 % начальников бюро и производственных мастеров указали на самый большой недостаток в контрактной системе оплаты труда – возникновение межличностных конфликтов. Подтверждением этого стали 83 % рабочих-контрактников, отметивших в своих анкетах изменение отношения к ним рабочих, находившихся не на контракте, в т. ч. отношение у каждого третьего из них испортились и стали невыносимыми.

Примерно половина опрошенных «контрактников» (54 %) откровенно признала, что им не приходится выполнять больший объем работ и работать дольше по сравнению с непереведенными на контракт. 86 % «контрактников» были не удовлетворены своим среднемесячным заработком. Среди них половина считала, что их зарплата отличается не значительно от заработка рабочих с оплатой по старой системе, т.е. наблюдалось привыкание к повышению зарплаты. Такой вид поощрения мог бы быть эффективным, если бы руководителей поддерживал коллектив, когда бы товарищи поощряемого считали, что награда им вполне заслужена.

Еще ранее, начиная с 1992 г., в связи с инфляцией заработная плата работников объединения периодически индексировалась на повышающие коэффициенты. Это привело к диспропорции в оплате труда между различными категориями персонала. Наблюдается сдвиг в структуре зарплаты. Произошло увеличение в относительных величинах уровня заработной

платы руководителей к общей средней зарплате в 1,5 раза. У прочего персонала уровень зарплаты снизился. Так, например, заработная плата инспектора по кадрам в 1998 г. составляла 49 % от зарплаты начальника цеха, а в 2009 г. – только 10,8 %.

Следует отметить, что система стимулирования труда работников еще далека от совершенства и не оказывает существенного влияния на производительность труда. Вполне очевидно, что размер оплаты труда зависит от занимаемого работником места в иерархии организации, а также от результата общей работы объединения, без учета собственного трудового вклада работника. Таким образом, отдел организации труда и заработной платы недостаточно выполняет функции по совершенствованию эффективности действующей системы стимулирования труда.

Обобщая все вышеизложенное, можно отметить, что на анализируемых предприятиях, как и на многих других промышленных предприятиях страны современного периода, основное внимание *управления персоналом* сосредоточено на разработке планов по труду, разработке политики найма, поддержании рабочей атмосферы на производстве, оказании помощи руководителям в подборе, развитии и движении кадров. Имеются перспективы с решением проблем занятости, справедливой оплаты, активного вовлечения персонала в планирование карьеры и необходимого обучения на стадиях служебного роста. Это позволяет считать, что руководство предприятий начинает понимать *сущность управления персоналом* – люди должны рассматриваться как конкурентное богатство компании, которое необходимо размещать, развивать и мотивировать параллельно с другими ресурсами для достижения стратегических целей предприятия. Передовой отечественный и зарубежный опыт предприятий свидетельствует о том, что главные цели подсистемы управления персоналом в производственной системе состоят в обеспечении кадрами, организации их эффективного использования, профессионального и социального развития. Система управления персоналом, формируемая на предприятиях в соответствии с этими целями, начинает выполнять новые задачи, в том числе:

- оказание помощи предприятию в достижении его целей;
- совершенствование мотивационных систем персонала, повышение уровня удовлетворенности трудом всех категорий персонала;
- управление внутриорганизационным движением персонала к взаимной выгоде работников, администрации и общества;
- планирование карьеры персонала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самоукина, Н. В. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах / Н. В. Самоукина. – М.: Вершина, 2008. – 224 с.
2. Хьюзлид, М. А. Оценка персонала: как управлять человеческим капиталом, чтобы развивать стратегию / Марк А. Хьюзлид, Брайан И. Беккер, Рычард В. Битти; пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 432 с.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Мальшева Н.В.
Malisheva N.V.

БУГАЙСКИ, М. ЯЗЫК КОММУНИКАЦИИ / ПЕР. С ПОЛЬСК. – Х.: ИЗД-ВО «ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР», АРТЕМЕНКО Э. Г., 2010. – 544 С.

BUGAJSKI, M. LANGUAGE OF COMMUNICATION / TRANSLATED FROM POLISH. – KHARKOV: HUMANITARNY TSENTR, ARTEMENKO E.G., 2010. – 544 P.

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв.72; 8-4217-54-65-35. E-mail: natasha@knastu.ru.

Ms. Natalia V. Malisheva – PhD in Philology, Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya St., ap. 72, tel.: 8 (4217) 546535, e-mail: natasha@knastu.ru

Сегодня становятся актуальными проблемы коммуникации как культурного феномена, как способа познания, выражения духовных ценностей, мира и окружающей среды. Вместе с тем проблемы неудовлетворительной языковой компетенции, «коммуникативных неудач», вызванных «общим слабым знанием языка» (22), привлекают внимание не только профессионалов-филологов, но и обывателей. В некоторых областях, таких, как СМИ, народное образование, бытовая речь, эту ситуацию иногда характеризуют даже как кризисную и требующую безотлагательного вмешательства со стороны государства и общественных организаций.

Рецензируемая книга представляет академическую, но в то же время достаточно эмоциональную позицию автора на специфику функционирования польского языка как национального в русле тех масштабных изменений, которые происходят в экономической, политической и социальной областях современного общества.

Повсеместная либерализация и демократизация, тенденция к самоидентификации как на уровне отдельного индивида, так и в масштабе страны, развитие технологий СМИ, когда каждый может создать некое сообщение и разместить во всеобщий доступ в Интернете, – все это имеет гораздо большее влияние на язык, нежели деятельность институтов, призванных формировать языковые компетенции. М. Бугайски задается вопросом, почему позиция лингвистов пассивна, почему «лингвистика описывает, объясняет языковые явления, а не стремится управлять ими»?

Данные проблемы типичны и для России, которая пытается проводить агрессивную языковую политику (Приказ Министерства образования, 2009).

Рецензируемая книга имеет значительный объем (544 с.), состоит из предисловия научного редактора, введения, пяти частей, заключения и библиографии. Книга имеет практическую ценность: автор призывает выработать критерии оценки языковых факторов (22), отказать от теоретических рассуждений, порой диаметрально противоположных друг другу, не всегда «ясных аргументаций ... которые провоцируют неустойчивость норм». Именно поэтому цель работы лингвиста заключается в том, чтобы совершенствовать язык, улучшать коммуникацию и решать «разнообразные проблемы правильности» (41).

Книга М. Бугайски имеет ряд достоинств, к которым, вне сомнения, можно отнести:

1) всесторонний и глубокий анализ практически всех разделов лингвистики с нормативных позиций: в книге рассмотрены как общефилософские вопросы соотношения языкового сознания и культуры, языка (44 – 186), так и более узкие – специфика и условия функционирования языка как особой семиотической системы (188 – 317), системные и текстовые обусловленности, внутриязыковые и внеязыковые причины языковых изменений (318 – 347), взаимосвязь языка и уровня развития цивилизации (348 – 389), функции языка в зависимости от территориальных и стилистических разновидностей, способы влияния на язык (390 – 442, 484 – 492);

2) весьма качественное и доступное изложение современных теорий коммуникаций. Так, в части «Коммуникационные аспекты языка» (443 – 498) коротко и ясно, с хорошими схемами, пересказывается весьма непростая теория коммуникации;

3) приведение большого количества примеров языковых явлений из польского языка для репрезентации глобальных процессов, затрагивающих разные языки и нации;

4) очерчивание реального и возможного круга проблем, с которыми сталкивается языковое сообщество: «все существенные для языковой коммуникации в Интернете проблемы будут концентрироваться на границе письменной и устной разновидностей языка и будут касаться текстов с меньшей степенью официальности или вообще полностью неофициальных»;

5) учет новейшей литературы: автор привлекает современные работы по общей и нормативной лингвистике.

Необходимо отметить, что термин коммуникация трактуется не в традиционном значении «процесс передачи информации». Коммуникация, по М. Бугайски, – это построение сообщества, что укладывается в этимологию данного слова (лат. *communicatio, communio*), латинский глагол *munio* означал «обеспечить, делать безопасным». Словарь польского языка XVI в. фиксирует лексему коммуникация в значениях: «соединение», «союз», «общность»; а коммуна – как «сообщество», «принадлежность к общественности» (96).

Таким образом, М. Бугайски рассматривает язык коммуникации как достояние культуры и говорит о нормативистике как о научной дисциплине, которая должна заботиться и создавать условия, глубокие основания для естественного и системного научно-обоснованного формирования современного языка как отражения культуры нации.

Автор отмечает, что нормативная польская лингвистика долгое время испытывала на себе влияние военных и послевоенных лет, когда происходила апелляция к практике и общественному значению науки о языке как средства идеологического воздействия.

Обращаясь к истории вопроса и кратко реферируя традиционные изложения развития нормативной лингвистики в Польше, Бугайски отмечает, что, несмотря на повышение интереса ряда лингвистов, а самое главное государства, к проблемам культуры и нормы в обществе, в целом данные исследования были и остаются на периферии интересов традиционного языкознания и лишены практической значимости.

Во второй части М. Бугайски дает анализ работам, посвященным проблеме языка, охране языка. По его мнению, неудовлетворенность состоянием дел, убежденность в возможности культивации языка характерна для польского народа с давних времен: в работах Слота «О хлебном столе», М. Богуцка, Я. Паркошовица, Нанкер герба Окша, Гжегожа из Санока, Яна Остроруга, признанных предтечами польской нормативной лингвистики и апологетами польского национального языка.

В XX в. предпринимались активные попытки влияния на состояние языка с помощью воззрений, воззваний, призывов: Воззвание Общества любителей польского языка (1962), «Защищая польский язык» (К. Зберский), «Письмо окольное в деле языковой правильности государственных бумаг», Словарь правильного польского языка Ст. Шобера и мн. др.

В 50-70-е годы XX в., как отмечает автор, преобладало «ляпсологическое» течение (А. Красновольский, А. Пассендофер, С. Слоньский, М. Налепинская), в рамках которого рассматривались и анализировались формы с точки зрения их правильности/ошибочности (137).

В этом же разделе актуализируется постулат о том, что язык – динамическое образование, он постоянно изменяется. В связи с этим лингвист не имеет права игнорировать новые факты и тенденции, опираясь только на кодифицированные формы. Знание внешних и внутренних обусловленностей языковых фактов позволяет лингвисту решать об их соответствии либо несоответствии общим тенденциям (101).

В третьей части представлен обзор развития нормативного подхода в польской нормативной лингвистике. Язык рассматривается автором как инструмент мышления и фактор культурного развития. Однако работа над языком не может пониматься только как борьба с ошибками, уничтожение «языковых сорняков», искоренение чужого налета или защита языка от искажения его пути развития: «Работа над языком «обязана» опираться на понятие



нормы, которое неразрывно связано с концепцией языка, понимаемого как социальная деятельность» (103). В связи с чем другие разделы лингвистики должны подчиняться нормативным установкам, т.е. нормативная лингвистика первична по отношению к ним: описательная грамматика должна подчиняться нормативным установкам, показывать факты, вытекающие из современных общественно-языковых форм; задачи исторической грамматики заключаются в объяснении процессов, вызвавших возникновение этих норм.

М. Бугайски указывает на важность социолингвистических факторов и их влияние на становление языковой культуры (149). В параграфах 6, 8 описаны два подхода в описании культуры языка: с позиций «культурной лингвистики», в которой язык трактуется как проявление социальной культуры (В. Дорошевский, З. Клеменевич, Э. Шманд), и с позиций структурной лингвистики, учитывающей только те явления правильности, которые касаются самого строения языка и не входят в состав индивидуальной культуры (А. Фурдаль) (119). Сторонники первого подхода (С. Гайда) описывают несколько видов норм – нормы, охватывающие все сферы употребления языка, выделяющие общий язык среди других разновидностей этнического языка, дифференцирующие общий язык на стилевые, территориальные, профессиональные и другие подгруппы.

Наличие различных видов норм поднимает вопрос о проведении языковой политики – заранее запланированных, осознанных действий организаций и отдельных людей (ученых, творцов, политиков), приносящих позитивные общественные плоды во всех областях, в которых человеческий язык играет заметную коммуникативную роль (147). Целью языковой политики должно быть такое формирование языка, которое приводит к достижению положительных результатов во внеязыковых сферах человеческой деятельности (150).

По мнению М. Бугайски, угрозу для языка представляет и «вторжение массовой культуры», которое значительно усилилось в последнее время (184). Массовость адресации сообщения способствует тому, что любое неправильное слово в неправильном контексте, употребленное неоднократно в СМИ, на конференциях, встречах, начинает восприниматься нормой. Возникает замкнутый круг – снижение грамотности приводит к тому, что СМИ приходится снижать уровень сложности сообщений, чтобы быть понятыми целевой аудиторией, что, в свою очередь, приводит к снижению культуры языка адресата.

В пятой части, а именно в параграфе «Современная медийная коммуникация», автор поднимает вопрос о роли средств масс-медиа в формировании литературного языка: «...одним из результатов этого явления уже сегодня стала неточность понятия и термина «литературный язык», поскольку художественная литература – как основной носитель польского языка – была вытеснена именно масс-медиа» (511). Далее М. Бугайски говорит о том, что изменились традиционные пропорции участия отдельных кодов в пользу иконных кодов, что связано с желанием заполучить как можно более широкую аудиторию: «...ровные колонки текста утомительны и из-за этого сложны для восприятия» (514), что еще раз подтверждает тезис о снижении культуры целевой аудитории.

Интересной представляется мысль о том, что, несмотря на все условия для беспрепятственного развития, современный польский язык во многих областях подвергается значительным ограничениям, причина которых заключается в повсеместном распространении английского языка.

Рассматриваемый лингвистом материал, глубина сделанных им выводов о языковых тенденциях, происходящих в польском языке в сфере нормативной коммуникации, имеют универсальный характер, что позволяет экстраполировать их на другие языки.

Книга представляет интерес для студентов-филологов, лингвистов и специалистов, интересующихся проблемами языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

Лебедева Е.А.

ВЫСОЦКАЯ, И.В. СУБСТАНТИВАЦИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СИНХРОННОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ: МОНОГРАФИЯ. – НОВОСИБИРСК: НГПУ, 2009. – 192 С.

Лебедева Е.А.

Lebedeva E.A.

ВЫСОЦКАЯ, И.В. СУБСТАНТИВАЦИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СИНХРОННОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ: МОНОГРАФИЯ. – НОВОСИБИРСК: НГПУ, 2009. – 192 С.

I.V. VYSOTSKAYA. SUBSTANTIVIZATION IN THE LIGHT OF THE SYNCHRONOUS TRANSITIVITY THEORY: MONOGRAPH. – NOVOSIBIRSK: NSPU, 2009. – 192 P.

Лебедева Екатерина Александровна – соискатель Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, д. 68, кв. 11; 8-909-866-49-21. E-mail: Blick-in-s@mail.ru.

Ms. Ekaterina A. Lebedeva – PhD applicant, Komsomolsk-on-Amur Technical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 68 Pionerskaya St., flat 11, tel.: 8 (909) 8664921. e-mail: Blick-in-s@mail.ru

Монография И.В. Высоцкой представляет собой исследование переходных процессов в морфологии современного русского языка: она посвящена явлению субстантивации в различных её аспектах, остающемся для современной лингвистики актуальным объектом изучения.

Опираясь на сформулированные В.В. Бабайцевой положения теории переходности, автор монографии рассматривает синкретические грамматические единицы языка контаминационного (или синхронного) типа, предпринимает попытку классификации промежуточных языковых фактов, снабжая при этом теоретические выкладки обширным практическим материалом русской художественной литературы XIX-XX вв., словаря русских пословиц и поговорок и лингвистическими наблюдениями за объектами окружающей действительности.

В самой теории синхронной переходности И.С. Высоцкая предлагает выделять несколько важных для построения концепции постулатов: тезис о динамичности синхронной системы частей речи, тезис о полевой природе (или организации) частей речи, а собственно субстантивацию считать, в этой связи, результатом взаимодействия частей речи современного русского языка. Автор расширяет традиционную (введенную В.В. Бабайцевой) шкалу переходности, выделяя в зоне синкретизма дополнительные звенья и в отдельных случаях совмещая её со шкалой атрибутивной валентности.

Структурное членение настоящего издания включает в себя предисловие, введение, две главы с выводами по каждой, заключение, библиографический список теоретических трудов и список цитируемых языковых источников.

Первая глава монографии посвящена субстантивации слов адъективного типа, среди них как подробно описанная лингвистами субстантивация имён прилагательных, так и менее изученная субстантивация имён числительных, местоимений и причастий. И.С. Высоцкая эксплицирует синтаксические условия, благоприятные для перехода одной части речи в другую, останавливает внимание на синтаксической природе и семантическом статусе различного рода названий.

Здесь также представлена типологизация переходов различных частей речи в существительные: анализ имеющихся по этой тематике исследований и попытка собственного упорядочивания типов субстантиватов, с выделением пяти типов – контекстуальной, ситуативной, срединной, глубокой и квазисубстантивации. Так, если контекстуальная субстантивация, согласно концепции И.С. Высоцкой, осуществляется в поясняющих контекстах, содержащих исходную словоформу или член её морфологической парадигмы, то ситуативная субстантивация, напротив, реализуется в поддерживающих контекстах, с пропущенным мотивирующим звеном. К срединному типу автор относит субстантиваты со значением лица, имеющие две соотносительные по роду формы и указывающие на определённый признак



человека. Субстантиваты глубокого типа, в свою очередь, имеют чёткую родовую закреплённость, и, наконец, последний тип квазисубстантивации составляют так называемые «ложные» субстантиваты, то есть образованные по адъективной или причастной модели периферийные существительные, зачастую не имеющие омонимов среди прилагательных.

Помимо этого, автором предложена семантическая классификация отадъективных субстантиватов, рассмотрена лексикализация местоимений-существительных, лексикализация и грамматикализация местоимений-прилагательных.

Во второй части монографии противопоставлены узуальная (системно-языковая) и окказиональная (речевая) субстантивации, характеризуемые И.С. Высоцкой не как стадии одного процесса, а как два различных по своей природе процесса. Исследователь также отмечает, что субстантиваты не всегда являются только результатом транспозиции, но в некоторых случаях и сами могут становиться базой нового трансформационного процесса.

Узуальная субстантивация, согласно И.С. Высоцкой, связана с общением по поводу действительности и является результатом перехода в состав существительных прежде всего слов адъективного типа; к окказиональному типу, в свою очередь, автором монографии отнесены метатекстовая (воспроизведение и осмысление чужого слова), индивидуально-авторская (результат языковой игры и акта творения новой сущности) и субстантивация номинации. Изучение последней разновидности вносит вклад в обширные лингвистические исследования по ономастике (здесь – на примере произведений литературы и искусства, эргонимов и прагматонимов), для раскрытия которой И.В. Высоцкая использует критерий грамматической природы различных типов наименований.

Автор монографии рассматривает и синкретичные звенья между прилагательными и собственными именами существительными, ставит вопрос о субстантивации наречий и междометий.

Заключение книги открывает пространство для дальнейших изысканий в области морфологии современного русского языка, намечает перспективы сопоставительного анализа явления субстантивации в разных языках. Многообразие выделяемых трансформаций, считает И.С. Высоцкая, демонстрирует самоорганизацию языковой системы. В синкретичных образованиях (называемых автором «точками роста») эксплицируются скрытые ресурсы языка, устоявшиеся формы наполняются новым содержанием. Исследование так называемого «языкового пограничья» требует системно-синергетического подхода к языку, описание системы частей речи с учётом синкретичных явлений остаётся принципиально новым типом описания языка, снимающим противопоставление между «системными» и «антисистемными» явлениями.

В целом же системно-синергетический подход (и теория синхронной переходности как созвучная ему частная концепция) позволяет установить новые взаимосвязи между привычно обособляемыми предметами исследования в гуманитаристике, формирует понимание языка как динамической системы или не подвластной влиянию извне «Божественной сущности» (по А.Б. Пеньковскому), становится одной из общенаучных универсалий, выходящих за собственно лингвистические рамки и подходящих для описания любой, не только языковой, системы.

Детальное изучение периферии языка с использованием актуальных методологии и инструментария, предполагает автор, может изменить представление о его центре, а следовательно, и наши ментальные категории, и когнитивный план человека в целом.

Костюрина Н. Ю.

ИБРАГИМОВ, Р.Ю. РУССКАЯ РУЛЕТКА? НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СУДЬБА РОССИИ. – М., 2009. – 215 С.

КОСТЮРИНА Н. Ю.

KOSTYURINA N.Y.

ИБРАГИМОВ, Р.Ю. РУССКАЯ РУЛЕТКА? НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СУДЬБА РОССИИ. – М., 2009. – 215 С.

IBRAGIMOV, R.Y. RUSSIAN ROULETTE? THE ISSUE OF INTER-ETHNIC RELATIONS AND RUSSIA'S DESTINY. - MOSCOW, 2009.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Nadezda Y. Kosturina – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681022, Komsomolsk-on-Amur, Pobedy pr., 56-33. 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru

Автор научно-публицистического издания – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии гуманитарных наук, генеральный директор Института стратегии национальной безопасности.

В связи с глобализацией, информатизацией, возрастающими темпами повседневной жизни современного человека прежние законы социального развития перестают действовать, потому оказывается необходимостью разработка теории, методологии и практики в сфере социологии, политологии, культурологии, психологии и других гуманитарных специальностей; эти задачи призван решать Институт стратегии национальной безопасности, образованный в 2003 г., чтобы способствовать переходу на «новое системное мировоззрение и восприятие текущих мировых процессов и явлений во всем их многообразии и сложности», обновлению самосознания и мироощущения современного россиянина.

Книга «Русская рулетка» с очевидностью написана для решения тех же задач.

За последние двадцать лет мы неоднократно становились свидетелями обострения общественного и научного интереса к проблемам самоопределения России, ориентиров и образцов для подражания. Характерной чертой размышлений о современной культуре отечественных ученых, представителей разных научных школ, традиций, отраслей научного знания является стремление осмыслить место России в мире и перспективы ее развития.

После краха советской политической системы мы связывали эту потребность чаще всего с тяжелым экономическим положением россиян, необходимостью выбора, прежде всего, стратегии развития экономики государства. По мере стабилизации экономической ситуации на первый план выдвинулись проблемы, связанные с трансформацией аксиологии современного россиянина, ценностные установки которого зачастую приходили в противоречие со стратегическими планами развития экономики государства. Сформировался устойчивый интерес к проблемам русского менталитета, преодоление отдельных черт которого осмысливается как залог многих реформ. Примером этому могут служить размышления о взаимосвязи низкой экономической активности граждан и патерналистских ожиданий населения России, представление о необходимости преодоления этих ожиданий и в целом о необходимости креативного отношения к практическим вопросам для успешного хода процесса модернизации страны, о чем говорилось в послании президента федеральному собранию 2009 г.

В 2009-10-х гг. в контексте прогнозов и перспектив развития России в связи с угрожающими формами проявления национализма проблема национальной идеи становится не только предметом обсуждения в печати (например, статьи В.М. Межуева «Ценности современности в контексте модернизации и глобализации», М.А. Емельянова-Лукьянчикова «Русский ответ на национальный вопрос», А. Вдовина «Русский вопрос истории XX в. и на современном этапе» и др.) или темой конференций и круглых столов, но и предметом целостного научного анализа; в качестве примера отметим исследование Р.З. Абдуллина «Российская национальная идея: от утопии к реальности» 2010 г.).

Среди публикаций последних лет и работа Р.Ю. Ибрагимова «Русская рулетка». Структура работы прозрачна и включает шесть глав.

Первая глава, что традиционно для научных исследований, – это обзор и систематизация научных концепций, от классических до современных, определяющих сущность нации.



Затем автор обращается к рассмотрению проблемы нации в контексте отечественной культуры. Глава вторая посвящена «генезису единства» России; речь идет о приращении территории России в различные периоды ее истории. Далее, в третьей главе описывается национальное устройство России, его структура и характеристика. Здесь же рассматривается роль столицы государства в системе межнациональных отношений. Четвертая глава характеризует попытки улучшения законодательства России в вопросах национальной политики. В целом в этих главах Р.Ю. Ибрагимов решает ряд задач: предоставить читателю необходимые исторические сведения о формировании русского этноса и российского государства в историческом прошлом, а кроме того, обосновывает тезис о том, что государственное устройство современной России основано на территориальном, а не национальном признаке.

В пятой главе речь идет о процессе мифологизации нации, основных политических и экономических задачах, которые решаются простым, но эффективным путем формирования мифа о национальной миссии. Внимание автора привлекают такие явления, как этнос, его происхождение, раса, роль территории и языка в их сложении.

Наконец, последняя, заключительная глава посвящена судьбе национальной идеи в XXI в. Очередной этап развития человечества характеризуется автором как этап планетарной конвергенции, на котором формируются такие свойства мироустройства, как транснациональность, экстерриториальность, общие ценности.

Анализируя тенденции развития социума и законы, которые ими управляют, Р.Ю. Ибрагимов показывает, что поиски национальной идеи современной Россией не вписываются в концепцию мирового единства.

Право наций на самоопределение возможно реализовать лишь при условии распада государства, считает автор, и читателю не составит труда самому проиллюстрировать этот тезис примерами из новейшей истории России. Р.Ю. Ибрагимов разводит понятия самоопределение нации и национально-культурное самовыражение, отмечая, что последнее не требует создания дополнительных бюрократических структур.

Опровергая расхожее мнение о русской национальной идее как важнейшем факторе возрождения России, Р.Ю. Ибрагимов утверждает, что «нынешнее мифотворчество относительно наций непредсказуемо опасно для человечества» (188), и это одна из ключевых идей его монографии.

В свете сказанного понятен и жанр работы, стремление автора не только исследовать явление, но и сделать результаты научного поиска достоянием общественности, выполнить не только прогностическую, но и воспитательную функцию, т.е. способствовать формированию такой системы взглядов, которые обеспечили бы безопасность человеческого сообщества и отдельной личности от внешних и внутренних угроз во всех сферах современного многополярного мира, содействовали бы интеграции России в мировую экономику, предотвращению и урегулированию региональных конфликтов.

Однако очевидным итогом прочитанного станет печальное понимание огромной дистанции между представлениями и ценностями среднестатистического россиянина, потребность которого в обретении идеи развития именно как национальной идеи (ожидания которого, что принципиально важно, поддерживаются и провоцируются государством) и позицией профессионалов, предупреждающих о последствиях масштабной эксплуатации национальной идеи в нашем многонациональном отечестве и в современном космополитичном мире, стремящемся к нивелированию многих границ, в том числе государственных.

Отметим в заключение, что Р.Ю. Ибрагимов является автором еще одной книги «Национальная элита в институциональном пространстве государства: генезис и современное состояние», посвященной исследованию процесса формирования и современного функционирования такого социального феномена, как национальные элиты; социологический анализ процесса российского элитообразования дается в контексте зарубежных и отечественных элитологических теорий; более аргументированной делают доказательную базу исследования и данные, собранные автором во время социологических опросов в ряде регионов Российской Федерации. Р.Ю. Ибрагимовым в соавторстве с В.В. Дегоевым написаны еще две монографии: «Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера» и «Россия при Путине. Обретения, тревоги, надежды», посвященные исследованию отдельных социокультурных тенденций современной России.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Н. Ю. Костюрина
Ms. N.Y.Kostyurina

**ТРЕТИЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ИЛИ САМООРГАНИЗАЦИЯ
КУЛЬТУРОЛОГОВ**

THE THIRD RUSSIAN CONGRESS OF CULTURAL STUDIES OR CULTURE SCHOLARS' SELF-ORGANIZATION

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru
Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681022, Komsomolsk-on-Amur, 56-33 Pobedy pr., . 8 (4217) 253201, e-mail: kosturina@mail.ru

27-29 октября 2010 г. в Петербурге прошел Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации».

Конгресс был организован Российским институтом культурологии совместно с крупнейшими вузами Петербурга, в помещениях которых проходили заседания авторских секций и круглых столов второго дня, – Санкт-Петербургским государственным университетом, Русской христианской гуманитарной академией, Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусств, Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена, а также Российской национальной библиотекой, Фонтанным домом, ЛЕНЭКСПО и др. Пленарные заседания первого и последнего дней конгресса состоялись в здании Санкт-Петербургского научного центра РАН на Университетской набережной. Ход подготовки и итоги работы конгресса освещалась на сайте «Сетевое сообщество "Российская культурология"».

Интересной представляется сама организация работы конгресса: в отличие от привычной, ожидаемой, традиционной формы пленарных докладов, из которых обычно состоят первые заседания подобных мероприятий, организаторы в значительной степени демократизировали форму работы первого дня, заменив пленарные доклады общей дискуссией, посвященной «стратегическим проблемам современной культурологии», организовать которую, как справедливо отметил модератор действия – К.Э. Разлогов, было практически невозможно. Кроме плановых выступлений были и спонтанные, которые не всегда органично встраивались в единую тематику размышлений.

Спровоцировав активность зала, президиум после часового перерыва не вернулся в конференц-зал, а, оставив ученых провинциалов в некоторой растерянности обсуждать «фундаментальные проблемы культурологии креативности», переместился в Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга, где состоялся круглый стол «Новое законодательство в сфере культуры: между Сциллой традиционализма и Харибдой модернизма» (ведущие: проф. К.Э. Разлогов и председатель Комитета по культуре Государственной думы РФ Г.П. Ивлиев). Таким образом, дистанция между теоретическими исследованиями и областью практических решений в сфере управления деятельностью институтов культуры была зафиксирована территориально.

Во второй день работы, как отмечено на сайте конгресса, было организовано 48 секций, из них 34 авторских заседаний, подготовленных и проведенных ведущими специалистами в различных сферах современной культурологии, а также 5 конференций, собравших представительный состав теоретиков и практиков культурологии.



Об итогах работы секционных заседаний в рамках еще одной панельной дискуссии третьего дня работы «Креативные практики современного культуротворчества в контексте теории и истории искусствознания, философии, психологии и социологии художественного творчества» отчитались руководители и участники секций. В общей сложности очно в работе конгресса приняло участие около 800 человек, из различных регионов РФ, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Финальное пленарное заседание «Современная культурология и контуры цивилизации будущего» предполагало подведение итогов трехдневного обсуждения проблем креативности в современной культуре, заключительную дискуссию и принятие итогового документа конгресса.

Представляется, что убедительно аргументированные научные позиции, базирующиеся на представлении о традиции как залоге существовании культуры, о модернизации как концепции, в значительной мере исчерпавшей себя к концу XX в., интересные доклады психологов, своеобразно трактующих креативность как свойство человека особого психического склада, и в целом, разнообразие исследовательских точек зрения, оказались, скорее, формой самовыражения авторов, нежели исследованиями, обладающими какой-либо социальной ценностью, а политический пафос итогового документа («...особенно глубокой разработке была подвергнута тематика креативности, существенно важная в условиях необходимости решения общей задачи модернизации, стоящей в настоящее время перед страной») подменил содержательные итоги обсуждения проблемы.

Еще одной характерной чертой конгресса, о которой стоит упомянуть, является стремление участников дискуссий уточнить объем понятия культура, очертить проблемное поле культурологии, провести, наконец, разграничительную черту между культурологией и другими гуманитарными науками. Именно так задача была сформулирована уже на Первом культурологическом конгрессе, и, хотя время хартий еще не настало, представляется, что какая-то положительная динамика в этом вопросе должна быть. Однако, в очередной раз, ни базовые позиции, ни, возможно, «рабочие» определения, ни хотя бы вехи, отметившие бы продвижение по пути взаимопонимания, не были представлены в итоговом документе конгресса, так что можно ожидать и в дальнейшем размышления о том, входит ли и насколько сфера природы в предмет культурологии.

В целом, несмотря на представительный состав и число участников, конгресс оставил впечатление кулуарности, практической нецелесообразности обсуждения собственно проблемы креативности на фоне значимости законодательной деятельности, но, однако, выполнил свою традиционную роль «собираателя земель», дав гостям и хозяевам возможность встречи и очного общения в рамках авторских секций и культурной программы, а также укрепил «тенденции к самоорганизации культурологического сообщества», как справедливо было отмечено в итогах работы.

Было бы приятно думать, что сказанное – лишь частное мнение, не отражающее полноты картины, если бы не говорящая сама за себя торжественная пустота зала и затерянные в ней последние романтики культурологии.

Следующий конгресс культурологов, посвященный 80-летию юбилею Российского института культурологии, решено провести в Москве в 2012 г.

Васильченко А. С.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Васильченко А. С.

Vasilchenko A. S.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Международная научно-практическая конференция «Проблемы, пути и технологии удовлетворения требований экономики и социально-культурной сферы региона к структуре, содержанию и качеству подготовки специалистов»

**INTERNATIONAL SYMPOSIUM «EDUCATION, SCIENCE, AND INDUSTRIAL
PRODUCTION: PROBLEMS, ACHIEVEMENTS AND PERSPECTIVES»**

International theoretical and practical conference «The problems, ways and technologies of meeting the requirements of regional economics and social&cultural activities to the structure, content and quality of specialist training»

Васильченко Анна Сергеевна – преподаватель кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Гамарника, д. 35, кв. 113; (84217) 279-132. E-mail: Sanity713@mail.ru

Ms. Anna S. Vasilchenko – Assistant Lecturer, Department of General and Professional English, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681021, Komsomolsk-on-Amur, 35 Gamarnik street, apt. 113, tel.: 8 (4217) 279132, e-mail: Sanity713@mail.r

С 26 по 28 октября 2010 г. в Комсомольском-на-Амуре Государственном техническом университете в рамках международного симпозиума «Образование, наука и производство: проблемы достижения и перспективы», посвященного 55-летию КнАГТУ, проходила международная научно-практическая конференция «Проблемы, пути и технологии удовлетворения требований экономики и социально-культурной сферы региона к структуре, содержанию и качеству подготовке специалистов». На конференции были представлены доклады, посвященные проблемам развития современного профессионального образования в России, проблемам взаимодействия высшей школы и экономики региона, методике формирования Федеральных Государственных Образовательных Стандартов третьего поколения.

В конференции приняли участие более 50 специалистов. Большой интерес представляют пленарные заседания, на которых с докладами выступили А. Р. Куделько «Технологии удовлетворения требований хозяйствующих субъектов, в целом экономики и социально-культурной сферы территории к компетентности выпускников вуза», Г. С. Кочегаров «Усиление конкурентной борьбы в сфере образования в связи с изменением законодательства» и И. И. Докучаев «Российское образование в эпоху реформ на рубеже XX-XXI веков: функции системы и среды».

Профессор А. Р. Куделько в своем выступлении подробно затрагивает актуальный вопрос диалога между образовательными сообществами и сообществом работодателей. Цель такого диалога, прежде всего, оптимизация структуры подготовки кадров и структуры содержания высшего образования. А. Р. Куделько отмечает, что конструктивность такого диалога определяется рядом модификационных и инновационных направлений деятельности университета, а также проводит анализ требований крупных компаний и корпораций, предъявляемых к выпускникам вузов в условиях сложившейся экономической ситуации. В своем выступлении А. Р. Куделько подробно освещает ряд мер, предпринимаемых университетом для формирования у выпускников необходимых навыков, профессиональной и коммуникативной компетентности, творческого потенциала, информативной грамотности и обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда к моменту окончания вуза и соответствия предъявляемым требованиям. В заключительной части доклада, автор еще раз подчеркивает необходимость тесного и эффективного сотрудничества вуза с хозяйствующими субъектами территории.

В докладе Г. С. Кочегарова были рассмотрены изменения в деятельности, вызванные принятием ряда законов российским правительством. В соответствии с новым законодатель-



ством будет возможно функционирование двух форм государственных учреждений – бюджетного или автономного. В независимости от формы, перед вузами встанет вопрос правильного выбора осуществляемых платных образовательных услуг в условиях обостренной конкуренции. По мнению Г. С. Кочегарова, традиционные направления платного образования, вероятно, сохранятся, а также в перспективе возможно освоение различных видов дополнительного образования, включая переподготовку взрослого населения. Подспорьем в достижении поставленной задачи будет являться активное использование ресурсов имеющихся знаний с помощью IT-технологий. Работа в данном направлении должна стать для вуза приоритетной, так как в перспективе ее результаты помогут занять практически свободную в России нишу услуг и помогут обеспечить конкурентоспособность вуза.

В сообщении профессора И. И. Докучаева представлено описание имеющихся функций, существующих между системой образования и ее средой, анализ проводившихся с 1991 г. реформ и их последствий. И. И. Докучаев поднимает важную проблему дальнейшей судьбы российского образования. В своем докладе он подчеркивает явное отсутствие научного обоснования проводимых реформ и неспособность социальных институтов повлиять на свою судьбу. Уничтожение научных институтов и депрофессионализация научной среды, низкий уровень влияния производства на образование и гипертрофия влияния политической власти приводят к плачевным последствиям для системы российского образования. И. И. Докучаев утверждает, что зависимость образования от политики должна в первую очередь сводиться к финансированию и контролю, решающую роль в котором должны играть различные научные, профессиональные и образовательные ассоциации. Независимость экспертизы образования от государства, значительное сокращение реформ и тщательное обсуждение их всеми заинтересованными сторонами станут решающим моментом в преодолении катастрофической тенденции, сложившейся за последние 20 лет, и помогут сберечь наше национальное культурное наследие.

Помимо пленарного заседаний на конференции были представлены секционные выступления докладчиков по различным направлениям. В секции «Проблемы, пути и инновационные технологии формирования и удовлетворения требований экономики и бизнеса региона к структуре, содержанию и качеству подготовки специалистов с разными уровнями профессионального образования» обсуждались актуальные проблемы подготовки специалистов различных профилей, применения образовательных технологий и методов, а также вопросы реализации инновационно-ориентированного обучения в вузе. Большое внимание в ходе работы секции было уделено вопросу использования компьютерных технологий в учебном процессе. Данную тему затронули в своих докладах Е. В. Лановенко, В. С. Саяпин, А. В. Купова «Компьютерные технологии при изучении теоретических основ электротехники», С. В. Золотарева «Использование в учебном процессе мультимедийных средств обучения для решения задач по начертательной геометрии», Е. Б. Щелкунов, М. Е. Щелкунова, С. В. Виноградов, С. В. Бреев, И. П. Конченкова «Использование мультимедийных проектов для демонстрации сложных физических процессов в учебном процессе», А. В. Ступин «Применение компьютерных технологий для повышения качества подготовки специалистов».

Следует отметить доклад В. П. Золотухиной и Н. Н. Случанинова на тему «Кейс-метод в обучении магистров-энергетиков иностранному языку», в котором была затронута проблема обновления методики преподавания иностранных языков в неязыковых вузах России и изменения статуса данного предмета в учебных планах. Применение кейс-метода, как утверждают авторы, позволяет использовать европейский опыт в обучении иностранному языку и решить ряд учебных задач. Практическим результатом проведенной работы по использованию кейс-метода в ходе обучения языку явилась совместная разработка кафедр ОПАЯ, ТОЭ и ТЭУ кейсов для магистров-энергетиков, один из которых был продемонстрирован в качестве примера на конференции. Следует отметить, что результаты проделанной работы имеют практическую ценность и являются примером тесного сотрудничества преподавателей английского языка со спецкафедрами факультета. Также заслуживает внимания тот факт, что авторы доклада продолжают работу в выбранном направлении и совместно с А. Р. Куделько работают над созданием нового учебного пособия для студентов-магистров.

Особый интерес представляет доклад С. Д. Чижуймова, также посвященный актуальной проблеме качества образования. С. Д. Чижуймов, продолжая тему кризиса современного образования, проводит анализ целей систем образования, системы менеджмента качества и излагает свои предложения относительно путей выхода из этого кризиса посредством проработки стандартов образования и построения правильной системы управления образовательным процессом на всех уровнях.

В секции «Пути и технологии удовлетворения требований социально-культурной сферы территории к структуре, содержанию и качеству подготовке специалистов» были затронуты вопросы партнерства вуза и работодателей, проблемы социальной активности и самостоятельной деятельности студентов, правомерность существования гуманитарных специальностей в техническом вузе, обсуждалась проблема социального положения современного педагога и др.

Е. Ю. Першина в докладе «Технологии реализации коммуникативного подхода в обучении иностранным языкам в структуре и содержании подготовки специалистов» подчеркивает необходимость создания комплексной модели обучения иноязычной коммуникации в техническом вузе, способствующей интенсификации учебного процесса, емкому восприятию разнородной информации и формированию целостной картины будущей профессии.

Примечательным также является тот факт, что в работе данной секции приняли участие не только преподаватели, но и студентка пятого курса факультета лингвистики и межкультурной коммуникации И. Е. Белецкая с докладом «Роль преподавателя в системе довузовской подготовки по иностранному языку в дистанционной форме». В своем докладе И. Е. Белецкая освещает вопросы дистанционного преподавания английского языка, развития новых подходов к компьютерному тренажеру и роли преподавателя в процессе самостоятельного обучения.

Вопросам самостоятельной деятельности студентов также был посвящен доклад С. А. Шароватовой «Самостоятельная работа и самостоятельная деятельность студентов в системе высшего профессионального образования». Автор доклада полагает, что задача педагога - это не перевод студентов на самостоятельную форму работы, а создание психологически-дидактических условий порождения интеллектуальной инициативы. С. А. Шароватова приводит методическую технологию формирования «самообразовательной компетенции» у студентов, применение которой позволяет воспитать в студентах готовность к самообразованию, коммуникабельность, ответственность за свои действия и стремление к достижению успеха, что и является, по мнению автора, задачей вуза.

В рамках секции «Современные технологии формирования и развития творческих способностей обучающихся специалистов» рассматривались способы развития творческих возможностей и стимулирования творческой активности студентов. Наибольшее внимание было уделено вопросам применения теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) в ходе подготовки специалистов, а также функционированию ТРИЗ в Китае. Так, например, В. Д. Бердонос в своем исследовании «Дидактические возможности ТРИЗ» определяет три направления применения ТРИЗ в образовательной сфере: обучение разрешения задач и проблем, развитие творческого мышления и систематизация знаний, а также подробно рассматривает каждое из перечисленных направлений.

В данной секции также были представлены материалы исследований, проведенных специалистами из Китая, Канады, Латвии и Чехии: В. Busov, P. Jirman «The evaluation of innovation supported by TRIZ», Tan Runhua «A TRIZ Training Process Model for Mass-companies in China», Deling Fan, Huiling Yu, Yizhuo Zhang, Naijie Li «TRIZ analyses of man-made boards Chinese patent», Люй Цяофэн «Обзор функционирования ТРИЗ в Китае и пути ее дальнейшего развития», Nikolay Khomenko, Murashova Ingrida «Time to shift main paradigm of Education: switch from specialization to universal».

В целом можно отметить, что проведение подобного рода мероприятий является важным шагом в преодолении имеющихся на сегодняшний день проблем в области подготовки специалистов и удовлетворения потребностей социально-культурной и экономической среды региона. Результаты проведенной работы имеют теоретическое и практическое значение и могут быть интересны руководителям вузов и отдельных программ подготовки студентов, руководителям предприятий и организаций региона, а также всем интересующимся современным состоянием высшей школы в России.

По итогам работы конференции издан сборник материалов «Международный симпозиум «Образование, наука и производство: проблемы, достижения, перспективы»: материалы международной научно-практической конференции «Проблемы, пути и технологии удовлетворения требований экономики и социально-культурной сферы региона к структуре, содержанию и качеству подготовке специалистов»» (Комсомольск-на-Амуре, 26-28 октября 2010 года): В 5 т. Т. 5. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2010. – 264 с.